

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(46)

**СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГЕОПОЛИТИКА
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ
ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ**

**EDITOR'S PAGE
PRESSING TOPICS
GEOPOLITICS
FOREIGN AFFAIR
CULTURE & EDUCATION
ECONOMICS & FINANCE
«ROUND TABLE»
PUBLICATIONS
NOTES ON A BOOK'S MARGINS**

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Журнал аналитических материалов

Учрежден Институтом стратегических оценок и анализа

*Издается при поддержке ГК «Н-Транс»
и Бюро социально-экономической информации*

Выходит один раз в квартал

Главный редактор,
Председатель Совета —

Вагиф Гусейнов,
директор Института стратегических оценок и анализа

Первый заместитель
главного редактора —

Юрий Поройков, *к. филос. н.*

Редакционный совет:

Михаил Делягин, *д.э.н., академик РАН, председатель президиума, научный руководитель Института проблем глобализации*

Владимир Егоров, *д. филос. н., профессор*

Сергей Караганов, *д.и.н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН*

Андрей Кокошин, *академик РАН, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям*

Николай Михайлов, *д.э.н., советник председателя Совета директоров АФК «Система»*

Александр Назарчук, *д. филос. н., проф. кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова*

Алексей Пущков, *к.и.н., профессор МГИМО, автор и ведущий программы «Постскриптум»*

Александр Рар, *директор программ России и стран СНГ Германского совета по внешней политике (Германия)*

Владимир Рыжков, *к.и.н., председатель общественного движения «Выбор России», профессор ГУ ВШЭ. Автор и ведущий программы «Дым Отечества» на радиостанции «Эхо Москвы»*

Леонид Слуцкий, *д.э.н., первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по международным делам*

Андрей Федоров, *директор Фонда «Центр политических исследований и консалтинга»*

Александр Ципко, *д. филос. н., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований РАН*

Ответственные
за выпуск:

Константин Радовицкий, *к. соц. н.*
Мария Картунова

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. А была ли интрига?	5
--	---

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Василий Колташов. Сползание во «вторую рецессию»	11
Борис Чернышев. Основной факт и урок истории	17
Григорий Канарш. Справедливость: современные российские интерпретации	22

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачев (Украина). Оффшорная геополитика	34
Евгений Вертлиб (Франция). Россия и геостратегия Великобритании ...	46

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сергей Ознобищев. О сложностях и противоречиях «модернизационного» курса внешней политики	55
Сергей Демиденко. Ливия после Каддафи	60
Сергей Ибрапилов. Этапы углубляющегося кризиса национального государства в исламских странах мира	67
Сергей Мельков, Александр Перенджиев. «Норвежский стрелок» и европейская безопасность: кто сильнее?	75

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Геннадий Бочаров, Виктор Лопатников. Спросить у себя: а что мы можем сами?	85
---	----

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман (Эстония). Мировая экономика во власти стихии	88
Валерий Бондаренко (Беларусь). Белорусская экономическая модель: рыночный социализм в малой открытой экономике	96

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

Что такое «идеальное государство», или в каком обществе вы хотели бы жить?	106
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

К 70-летию разгрома немецких войск под Москвой

Владимир Рощупкин. Первая стратегическая победа	130
---	-----

Философия и политика

Владимир Карякин. Классическая, неклассическая и постнеклассическая геополитика: критерии сходства и различия	138
Игорь Клюканов (США). Коммуникативная революция	147

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Паралич мысли. О книге Шапиро Иэна «Бегство от реальности в гуманитарных науках»	156
--	-----

Тезисы статей на английском	160
-----------------------------------	-----

Об авторах	170
------------------	-----

Статьи, опубликованные в 2011 году	178
--	-----

CONTENTS

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Had there been any intrigue at all?	5
---	---

PRESSING TOPICS

Vasily Koltashov. Sliding down into «the second recession»	11
Boris Chernyshev. The history's chief fact and lesson	17
Grigoriy Kanarsh. Justice: the Russian modern interpretations	22

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). The offshore geopolitics	34
Evgenie Vertlib (France). Russia and the Great Britain's geostrategy	46

FOREIGN AFFAIRS

Sergey Oznobishchev. On complexities and contradictions of the «modernizing» course in foreign policy	55
Sergey Demidenko. Libya after Gaddafi	60
Sergey Israpilov. The stages of deepening crisis the nation-states in the Islamic countries of the world	67
Sergey Mel'kov, Alexander Perendzhiev. The «Norwegian shot» vs. the European security: which is a stronger side?	75

CULTURE & EDUCATION

Gennady Bocharov, Victor Lopatnikov. If we could just ask ourselves, what we ourselves could do	85
--	----

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman (Estonia). The world economy exposed to the malice of the elements	88
Valery Bondarenko (Belarus). The Belarus economic model: market socialism in small open economy	96

«ROUND TABLE»

<i>What is «the ideal state», or what society would you like to live in?</i>	106
--	-----

PUBLICATIONS

To the 70th Anniversary of Crushing the German Troops Near Moscow

Vladimir Roschupkin. The first strategic victory	130
--	-----

Philosophy & politics

Vladimir Karyakin. The classic, non-classic and post-non classic geopolitics: criteria of similarity and distinction	138
Igor Klyukanov (USA). The communicative revolution	147

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. The paralysis of thought. <i>On Shapiro, Ian. The Flight From Reality in the Human Sciences (Translated into Russian)</i>	156
---	-----

SUMMARY	160
---------------	-----

OUR AUTHORS	174
-------------------	-----

Items published in the Vestnik Analitiki bulletin in 2011	180
---	-----

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

А БЫЛА ЛИ ИНТРИГА?

Обнародование решения «тандема» относительно марта 2012 года в значительной степени убило интригу приближающихся думских и президентских выборов. Хотя В. Путин на съезде «Единой России» заявил, что данная схема была обговорена еще много лет назад, скорее всего, полагают многие наблюдатели, окончательное решение было принято все-таки в самое последнее время. Все эксперты сходятся в том, что за кулисами процесс согласования позиций начал интенсивно развиваться в середине августа, когда Путин и Медведев публично встретились под Астраханью, а продолжался он, возможно, до последнего дня.

Как бы там ни было, следует отметить, что эти решения во многом были вызваны тем, что ухудшение ситуации в мировой экономике обязательно отразится на России. Основным экономическим трендом последнего времени остается ухудшение мировой финансовой конъюнктуры: способность государств занимать необходимые средства для поддержания на плаву своих экономик подорвана огромными долгами. Поэтому единственно возможными остаются монетарные стимулы: в фискальной сфере можно заниматься лишь перераспределением (например, поднимая налоги на богатых, как хочет Обама, или облагая сборами финансовые транзакции). По оценке экономистов, реальных средств помочь экономике нет. Спад рынков может продлиться до конца года, а то и дольше, породив дефляционное сжатие и рецессию в экономике, которые власти начнут лечить эмиссией.

Эта ситуация уже привела к вполне предсказуемым последствиям — американские протесты против «акул капитализма» перекидываются на Европу. Акции, начавшиеся месяц назад в Нью-Йорке под лозунгом «Захвати Уолл-стрит!», охватывают все новые города и страны. Прокатившись по Лос-Анджелесу, Чикаго и Бостону, волны митингов уже доходят до Лондона и других европейских городов. Демонстранты выражают негодование по поводу «виновников финансового кризиса» и выступают «от лица тех 99% граждан, которые возмущены безудержным обогащением одного-единственного процента «корпоративных зомби» и финансовых менеджеров». Назвать это протестом против капитализма пока не представляется возможным: среди тех, кто поспешил морально поддержать бунтарей, такая типичная «капиталистическая акула», как Д. Сорос, который «понимает их настроения», и даже президент Обама, весьма сочувственно отозвавшийся о «гневе народном».

Экономическая ситуация вызывает у рядового россиянина примерно такую же тревогу, как и у рядового американца или европейца. В этих усло-

виях и было принято решение о возвращении В. Путина на президентский пост. Сейчас все четче вырисовывается необходимость проведения непопулярных реформ в 2012 году, ответственность за которые совершенно точно ляжет на премьера и, скорее всего, на правящую партию. А усугубление мирового экономического кризиса рано или поздно приведет к падению цен на сырье и лишит власть возможности для маневра с помощью раздачи «пряников» различным категориям населения и элиты. Минимизировать риски для себя в свете этих двух существенных обстоятельств Путин может, лишь находясь на посту президента и заняв позицию «над схваткой». Кроме того, его авторитет и большой опыт управления страной в кризисных ситуациях обеспечивают ему лучшие стартовые позиции, по сравнению с Д. Медведевым, для реакции на предстоящие серьезные вызовы.

Неприемлем для Путина был еще один возможный вариант действий, связанный с возможным изменением политической системы России в сторону парламентской республики и усиления роли «ЕР», о котором в последнее время также много было разговоров в политологическом сообществе. Рейтинг «ЕР» колеблется возле отметки 40%, и даже решение «тандема» по «проблеме-2012», согласно данным соцопросов, не придало ему новый импульс. По данным ФОМ, он остался на прежней отметке, а по опросам ВЦИОМ даже снизился на один процент.

Так что никаких других вариантов, в общем, и не было. Хотя обнародованная на съезде комбинация формально учитывает интересы как премьера, так и президента, но выигравшим в итоге ее реализации стал, по мнению всех без исключения политологов, В. Путин. С одной стороны, Медведев, выдвинувший Путина в президенты, после этого не стал «хромой уткой». Он возглавил список «ЕР» и получил от Путина некие гарантии относительно премьерского поста в мае 2012 года. При этом предполагается, что он будет обладать свободой маневра как в кадровых вопросах, так и при реализации экономической политики. С другой стороны, Путин сразу решил две глобальные задачи. Первая касается устранения дуализма власти и переориентации элит лично на него.

Теперь также ясно, что ответственность за проведение насущных реформ возьмет на себя лично Медведев. Сейчас он является единственным в стране политиком, который имеет рейтинг, сопоставимый с Путиным. После реализации таких реформ эти показатели практически обнулятся, что откроет перед «новым старым» президентом окно возможностей для любых кадровых решений, которые он сочтет необходимыми.

Сторонники нынешнего президента вполне осознают правоту тезиса о том, что Медведев в результате подобного размена проиграет. Действительно, Медведев в случае сохранения на президентском посту (или даже при уходе в отставку) оставался бы единственным политиком, который в случае обострения социальной ситуации в стране в ближайшее время смог бы оставаться «над схваткой» и пытаться выступать в качестве «лидера национального примирения».

В. Путин, формально предоставив Медведеву свободу действий в качестве премьера, де-факто дал понять, что на это ему рассчитывать не следует. В частности, на съезде он презентовал свою президентскую программу, кото-

рая носит ярко выраженный социально-экономический характер. Одна из инициатив кандидата в президенты — оперативное списание гражданам ошибочно начисленных долгов по налогам — около 30 млрд рублей. Кроме того, он поставил задачу в ближайшее время увеличить темпы экономического роста до 6-7% в год и войти в пятерку ведущих экономик мира. Наконец, Путин заявил, что все законопроекты, касающиеся делового климата, будут обсуждаться с предпринимателями — для того, чтобы исключить возможные барьеры и препятствия, а налоги для состоятельных граждан (но не среднего класса) должны быть выше. Таким образом, премьер фактически поставил задачи своему преемнику на этом посту.

Важно также отметить, что отнюдь не все эксперты полагают, что назначение Медведева премьером можно считать столь же предопределенным, как избрание Путина следующим президентом. Ведь если «Единая Россия» вдруг выступит на этих выборах гораздо хуже запланированного, у президента Путина появится законное право подыскать на пост премьера другую кандидатуру, причем, не нарушая сентябрьских договоренностей. В конце концов, Медведев на съезде сам заявил, что готов возглавить правительство, «если партия победит на выборах». А с учетом уже объявленных единороссами планов непременно сохранить нынешнюю численность фракции (315 из 450 депутатов) поражением при желании можно будет объявить даже результат 55%, при котором единороссы потеряют нынешнее конституционное большинство.

Во властной конструкции от нынешней перемены мест слагаемых поначалу пострадает лишь незначительное меньшинство. Исходя из наблюдений за повседневностью Белого дома, чиновники уверяют, что ни при каких обстоятельствах от нынешнего премьера не отойдут Сечин, Зубков, Козак и Нарышкин. Правда, пропутинское большинство ожидает, что изменения будут к лучшему и что вместо всяческих непонятных инноваций и модернизаций вновь воцарится желанная стабильность, пусть и мало отличимая от застоя.

Идеологическое обоснование возвращения В. Путина на президентский пост уже также придумано. Вслед за статьей в «Известиях», которая была призвана подать В. Путина как собирателя советских земель и реставратора советской империи под лейблом Евразийского союза, похоже, для него найден образ и во внутренней политике. Путин — продолжатель дела Брежнева. Но не героя анекдотов, который погрузил страну в дремотный застой, обернувшийся крахом СССР при снижении мировых цен на энергоносители, а мудрого руководителя, при котором была полнейшая стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, Путин фактически возвращается к власти как президент советского, по сути, большинства, живущего в бытовых и политических координатах, мало отличающихся от брежневских. Для этого аполитичного, патерналистски настроенного большинства генсек, президент, вождь нации — единственная надежда и опора. Брежнев сумел посеять в советском народе иллюзию того, что такая жизнь продлится вечно: никогда ничего не изменится, никогда ничего не произойдет. То же будут внушать российскому народу и сейчас. Если, как показывают исторические телепроекты, соцопросы и, главное, голосования, движению россияне предпочитают застой и больше всего

чтят вождей, то почему бы не запустить брежневский ремейк.

После «судьбоносного» съезда состоялись и еще два весьма значимых события. Так, президент Д. Медведев сделал попытку объяснить своему электорату, почему он отказался от президентства, для чего согласился возглавить список ранее не раз критиковавшейся им «Единой России», и зачем устроил сцену увольнения Кудрина. Интервью, данное президентом РФ руководителям трех федеральных телеканалов, достигло, скорее, противоположных целей, чем те, которые преследовались властными политтехнологами. Судя по времени его обнародования (спустя почти неделю после объявления о решении «тандема»), оно носило ярко выраженный реактивный характер, то есть Медведев чувствовал потребность оправдать это решение в глазах своих сторонников.

Во время самого интервью, несмотря на весьма политкорректные вопросы функционеров от медиа, глава государства выглядел скорее оправдывающимся, чем политиком, который имеет твердый план действий и ему следует. Слова президента о том, что Путин имеет более высокий рейтинг, чем он, стали подтверждением признания Медведевым своего поражения и отказа от любой самостоятельной игры в будущем. При этом заявления главы государства, что они якобы с Путиным разработали этот план действий несколькими годами ранее, выглядели довольно искусственными и снижали доверие к другим тезисам, обнародованным во время интервью.

Во всяком случае, экспертов и представителей партий ни объяснения, ни эмоции главы государства не убедили. Отметив, что в интервью слышался «оправдательный тон», политики говорят, что целью данного мероприятия была попытка как-то сгладить послевкусие от решений на съезде «ЕР». Почувствовав эту бестактность в отношении избирателей, президент попытался сгладить ситуацию, но выглядело это не очень убедительно.

Значительно более солидное впечатление произвела беседа в том же формате с премьер-министром В. Путиным. В его ответах на вопросы руководителей основных телеканалов были логические нестыковки и даже заявления, не всегда выдерживающие проверку на историческую аутентичность, но в целом он произвел впечатление уверенного в себе политика, знающего, как провести страну сквозь предстоящие штормы.

Что касается реакции на эти события, то, как показал опрос «Левада-центра», проведенный с 30 сентября по 3 октября среди 1600 россиян, большинство граждан уже не надеются, что В. Путин изменит их жизнь к лучшему и равнодушно отнеслись к его возвращению в Кремль. Решение о выдвижении Путина в президенты у 41% опрошенных не вызвало никаких эмоций, а 31% почувствовали удовлетворение. Негативные эмоции это вызвало у 20% россиян. Большинство (52%) считают, что население страны устало ждать от В. Путина перемен к лучшему, в обратном уверены только 6% россиян. Многие доверяют В. Путину, потому что не видят, на кого еще можно положиться, — так думают 34% опрошенных, а 35% доверие премьер-министру объясняют надеждой на то, что он в дальнейшем справится с проблемами страны. Только 22% уверены в том, что люди убедились в способности Путина работать «успешно и достойно». Но и это не так мало в наше беспокойное время.

Хотя показатели доверия к В. Путину сильно упали по сравнению с 2008

годом, но в целом остаются довольно высокими и на фоне предвыборной кампании, скорее всего, будут иметь тенденции к росту. Население начинает потихоньку уставать от Путина, но это не отменяет того факта, что он остается самым популярным политиком в стране.

Правда, стоит отметить, что настораживающим для власти моментом является тот факт, что недовольство все сильнее начинают проявлять бизнесмены, которые занимают места ближе к середине и в конце первой сотни российского списка «Форбс», про которых на Западе говорят «self-made men», то есть добившихся успеха своим собственным трудом. В большинстве случаев они представляют те сферы бизнеса, где даже в условиях современной России успеха еще можно достичь: IT-технологии, инвестиции и страхование, розничная торговля и грузоперевозки. Это люди по определению на порядок более совестливые, чем владельцы иностранных футбольных и баскетбольных клубов и всех и всяческих газет и каналов телевидения страны. В системе, где все завязано на административные ресурсы (попросту личные связи и взятки), они не находят выхода для своих навыков и энергии в решении насущных проблем страны. И это начинает их постепенно раздражать. Здесь они смыкаются с недовольными слоями интеллигенции, студенчества и других социальных групп, полагающих, что современное российское общество устроено несправедливо. А это уже серьезный сигнал для власти.

Формула смены власти в 2012 году, представленная «тандемом» на съезде партии «Единая Россия», стала резонансной и для западных политических кругов. Основой взаимодействия В. Путина и европейских коллег был личностный фактор, в значительной степени предопределявший успех заключаемых контрактов, особенно в энергетике. В этой связи его возвращение в президентское кресло призвано компенсировать недостаток прорывных решений на германском, французском и итальянском треках.

В то же время есть основания ожидать замедления диалога с представителями англосаксонского политического спектра — с США и Великобританией. Основные претензии, предъявляемые к Москве со стороны американо-британских политиков, сводятся к проблемам, возникшим в двусторонних отношениях еще в бытность Путина президентом (дело Литвиненко, Ходорковского, энергетическая политика России в Европе). В целом, реакцию за рубежом на возвращение Путина в кресло президента можно охарактеризовать как сдержанную.

Однако для тех стран, которым портить уже нечего или почти нечего, известие о «рокировке» «тандема» стало поводом поугадать мировое сообщество мрачным будущим России. По мнению премьер-министра Литвы Кубилюса, надежды на модернизацию и обновление России можно положить в стол, на котором следует повесить надпись «Конец наивным мечтам». В грузинских политических кругах доминирует мнение о том, что в связи с возвращением Путина необходимо ускорить интеграцию с Евросоюзом и НАТО, дабы быть защищенными от возможного повторения военного конфликта.

По мнению аналитиков, в своей внешней политике будущий президент будет следовать принципам диверсификации. Такой выбор очевиден — он является производной от претензий РФ на статус одной из ведущих мировых держав. Если Россия намерена играть сколько-нибудь внятную роль в гло-

бальной политике, то ей придется проявлять синхронную активность в Евро-Атлантике, Азии, Латинской Америке и Африке. В то же время основным направлением, судя по первому зарубежному визиту премьер-министра после съезда в Китай, окажется азиатско-тихоокеанское. Политические и торгово-экономические отношения с региональными игроками (прежде всего, из Восточной Азии) будут определять общий вектор российской внешней политики.

Таким образом, период конца сентября — начала октября продемонстрировал, что режим тандемократии уже ничто не спасет: уход Медведева в премьеры означает и конец «тандема» в суверенно-демократическом смысле этого слова. Ведь этим термином называлась возникшая в 2008 году принципиально новая конструкция, в которой реальный руководитель страны занимал лишь вторую по статусу должность, а формальный глава государства не был полновластным правителем. После возвращения Путина в Кремль неизбежно восстановится в полном объеме и изначально заложенный в ельцинской Конституции принцип единоначалия. А комбинация из президента Путина и премьера Медведева считаться «тандемом» в прежнем понимании уже никак не сможет.

Оценивая последствия рокировки «тандема», западные эксперты делают вывод, что в среднесрочной перспективе эволюционный путь для России теперь несколько затруднен. «Единственный фундамент правления Путина — сам Путин», — полагают зарубежные наблюдатели. Они также полагают, что тот факт, что Медведеву пришлось лично объявлять о своем «отречении от Кремля», свидетельствует о сохранении в России патерналистского режима. Это жесткая оценка, насколько она справедлива — покажет только время.

Пока же события подтверждают прогнозы, согласно которым Путин в рамках «пакетного соглашения» с Медведевым гарантировал последнему не только премьерский пост, но и сохранение во властной обойме на обозримую перспективу, а возможно — и возвращение на должность президента в 2018 или 2024 гг. Именно этим объясняется тот факт, что «медведевцы», изначально весьма скептически отнесшиеся к обнародованию решения «тандема», теперь демонстрируют умеренный оптимизм. Скорее всего, до 24 сентября условия этого соглашения Путин и Медведев держали в секрете, а после заявления о возвращении Путина на пост главы государства президент раскрыл их своему окружению. В частности, тот же Дворкович во время встречи с известным телеведущим Ларри Кингом заявил, что Медведев в ближайшие 15 лет продолжит проводить начатые им реформы, а находившийся в это время рядом главред «Эха Москвы» разъяснил «непонятным», что Медведев будет баллотироваться в президенты в 2018 или в 2024 годах. Свежо предание... Но до этого времени еще много воды утечет.

В. Тусов.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Василий КОЛТАШОВ

СПОЛЗАНИЕ ВО «ВТОРУЮ РЕЦЕССИЮ»

Главной новостью второй половины 2011 года оказалось многомесячное биржевое падение. Оно подготавливалась долгие месяцы, и без анализа его вызревания невозможно определить, каково значение снижения рынков в августе-октябре, а также какие последствия оно будет иметь для мировой экономики и России.

Еще до того, как в июне истек срок действия второй программы «количественного смягчения» (QE2), реализуемой США, фондовые рынки пережили значительное снижение. QE2 была запущена в США осенью 2010 года и привела к быстрому росту на рынках, после продолжительной весенне-летней коррекции. Примечательно, что застой 2010 года был повторением аналогичного состояния в 2009 году. Тогда летнее снижение цен на нефть обозначило первую угрозу достигнутой стабилизации. Запуск Соединенными Штатами первой программы «количественного смягчения» породил сильное оживление на биржах, начавшее затухать лишь к концу действия мер денежной накачки финансовых корпораций. Произошла вторая коррекция, а следом наступила новая пауза — застой на рынках.

QE2 была встречена с энтузиазмом на биржах. Для России ее запуск означал перспективы экономического оживления, поскольку ожидалось возобновление роста цен на сырьевые товары. В ходе реализации QE2 мировые цены на нефть выросли с 75 долл. за баррель в августе 2010 года до 127 долл. за баррель в апреле 2011 года. Последовавшая в мае ценовая коррекция была связана с достижением государственного долга Соединенных Штатов установленного законом предела в 14,3 трлн долл. Президент Барак Обама, а с ним и финансовые элиты США рассчитывали продолжать избранную политику, несмотря на проявление ее кризиса еще зимой 2011 года. Выразился он в ослаблении доллара и политической дестабилизации в ряде зон мировой периферии (революции в арабских странах). Но еще более ощутимой для экономики была высокая инфляция и дальнейшее разрушение потребительского рынка, в том числе и в самих США. Спекуляции поднимали сырьевые цены, что осложняло положение промышленности в сравнении с 2010 годом.

Республиканское большинство в Палате представителей Конгресса 1 июня 2011 года отказалось увеличить допустимый размер государственного долга США на 2,4 трлн долл.: жажда твердых денег пересилила жажду дешевых денег. Даже угроза банкротства США не снизила накала борьбы. По ее итогам Обама капитулировал перед республиканской оппозицией. Застой на

рынках сменился в августе падением. Биржевой мир ожидал запуска новой программы накачки деньгами финансовых корпораций; этого не последовало, и проблемы реального сектора вновь стали выступать на поверхность.

С остановкой роста цен на нефть разбились мечты предвзятых российских аналитиков о предстоящем длительном повышении цен на «черное золото» вместе с переходом глобальной экономики от легкого оживления к новому подъему. Надежды еще оставались, но они подвергались неожиданным ударам. Укрепление доллара, которого добивались республиканцы, недовольные обесцениванием денежных капиталов компаний, требовало ужесточения контроля над Федеральным резервом. Старт надзорному процессу дал завершившийся в июле аудит ФРС. В деятельности организации Счетной палатой США были выявлены грубые нарушения. Сокращение бюджетных расходов США и увеличение контроля над ФРС должно было привести к усилению доллара и способствовать падению мировых цен на нефть. Аудит ФРС являлся ударом по политике Обамы, которая не без причины воспринималась как основа улучшения положения российских сырьевых корпораций.

США не оказали достаточной поддержки банкам, и «черный август» повторился осенью. Развернувшееся в последнем месяце лета биржевое падение стало тем событием, что удалось отсрочить в 2009 и 2010 годах. Осень началась с падения на фондовых и сырьевых рынках, что в коренной причине имело промышленное перепроизводство. В начале октября нефть стоила уже 100 долларов за баррель. Барак Обама напрасно делает попытки убедить игроков и общественность в невозможности нового общеэкономического спада. Слабость рядовых потребителей в Северной Америке и Европе вынуждала рынки надеяться лишь на новые денежные вливания — запуск QE3, очередной программы «количественного смягчения». Вместо этого ФРС объявил операцию «Твист», суть которой сводилась к переходу на более долгосрочные долговые бумаги. Это скорее помогло падению, чем успокоило игроков.

США перешли к жесткой экономии, а не запустили новую программу денежной накачки корпораций. Началось укрепление доллара, опасно ослабленного в 2010–2011 годах. В сентябре можно было констатировать: выручка от российского экспорта не просто снижается (что фиксировалось с апреля), но может еще значительно упасть к началу 2012 года. В этих условиях партия «Единая Россия» объявила о выдвижении Владимира Путина кандидатом в президенты. Его победа в аппаратной борьбе, видимо, произошла не без влияния репутации бывшего президента как творца экономического подъема 2001–2008 годов. Путин объявил о своем намерении вернуть экономику к годовому росту ВВП в 6–7%, что плохо согласовывалось с обстановкой на биржах и противоречило прогнозам Алексея Кудрина, поспешившего оставить свой пост министра финансов. Его обещание десятилетнего затухания роста было обратным позитивному обещанию главы правительства.

Верхи бюрократии не желали признавать угрозы дальнейшего падения цен на нефть и пребывание их на низком уровне длительное время. Однако либеральные экономисты (включая Кудрина) не видели выхода из сложившейся ситуации. Было ясно: в период финансовой стабилизации 2009–2011 годов ослабление потребителей (включая основных для глобальной экономики — американцев и европейцев) не прекращалось. Неурожай 2010 года и последовавший рост цен на

продовольствие осложнили положение не только трудящихся стран периферии (таких, как Египет или Тунис), но и население Западной Европы и Северной Америки. Продовольственные спекуляции ускорили фиаско политики Обамы.

Мировая экономическая статистика плохо улавливала накопление проблем в 2011 году. Замедление экономического роста, о котором говорят правительства, вероятно, лишь маскировало возобновившийся в 2011 году спад мирового производства. Проблемой для объективного анализа остается всеобщее приукрашивание экономической статистики.

Сокращение реальной экономики должно было вновь развернуться задолго до «черного августа». Иначе биржевой обвал конца лета и его осеннее продолжение были бы невозможны. Но официальная экономическая статистика не дает серьезных оснований для столь значительного падения как на фондовых, так и на сырьевых рынках. Панике августа предшествовал рыночный застой после обвала в мае, что не могло не отражать проблем потребителей и индустрии. Если бы потребности в сырье возрастали, оно бы дорожало, несмотря на завершение QE2. Уменьшение США помощи банкам-спекулянтам не могло бы породить биржевой обвал без сильных негативных экономических предпосылок.

Декларируемые государствами мира данные о продолжающемся росте ВВП и лишь в последнее время отмечаемом его замедлении невозможно рассматривать как объективную информацию. Коррекция экономической статистики происходит много раз после вступления в силу негативных факторов, которые она обязана заранее улавливать и оглашать. Целью правительственных махинаций со статистическими сведениями остается субъективное влияние на рынки и общественное мнение, однако лишь во втором случае достигается желаемый эффект. Попытки замаскировать спад в реальной экономике, как и в 2008 году, не оказываются эффективным инструментом против понижательной тенденции на рынках. Напротив, дефицит подлинных сведений может еще сыграть на усиление биржевой паники и негативных ожиданий. По данным Росстата, в первом полугодии 2011 года ВВП России увеличился на 3,7%. Согласно расчетам Бюро экономического анализа, ВВП США увеличился на 1%. ЕС также пытается представить позитивные данные. Однако самые неубедительные сведения дает Китай: во втором квартале текущего года его ВВП, по официальным данным, возрос на 9,5% в сравнении с тем же периодом 2010 года.

Иллюстрацией реального состояния дел в России стала отставка министра финансов Кудрина. Поводом для нее послужил откровенный пессимизм министра на фоне оптимистических реляций его начальства. Кудрин заявил, что после падения мировых цен на нефть до уровня 60–70 долл. за баррель «запаса прочности» России хватит на один год. Он также предупредил о скором приходе рецессии в экономику страны, что логично вытекает из длительного биржевого падения в мире. В отличие от прежних заявлений, Кудрин не обещал, что падение цен на нефть окажется краткосрочным. Бывший глава финансового ведомства, будучи по некоторым оценкам «наиболее профессиональным в правительстве», утратил присущий ему в докризисные годы оптимизм. Президент оценил его высказывания как «безответственную болтовню». Кудрин не пошел на уступки и оставил должность. Позднее он назвал принятое им решение давно продуманным. Отставка избавляла бывшего министра от ответственности за последствия «второй волны» кризиса для экономики.

Кудрин сделал вид, что пал жертвой принципиальных разногласий по вопросам чрезмерных бюджетных расходов, согласно его оценке. Однако урезание социальных расходов не способно улучшить экономическую ситуацию в стране. Надвигающийся кризис требует, скорее, обратных шагов. Исходя из своей приверженности определенному инструментарию, Кудрин не видит путей для предотвращения «десятилетнего затухания».

Для России проблемы не сводились к биржевому падению и уменьшению рентабельности сырьевых корпораций. Не все обстояло благополучно в экономике. Отрицательные темпы роста производства в России держались с января 2011 года. Как сообщал журнал «Эксперт», хотя Росстат показал рост промышленного производства в 6,2% с августа 2010 года по август 2011 года, сезонно скорректированный индекс демонстрировал падение в 9,5% в годовом выражении. Началась новая волна спада. Официальная статистика еще не улавливала перемен, источником которых был низкий российский и общемировой платежеспособный спрос. Либеральные экономисты критиковали правительство за сдержанность в ослаблении рубля, уверяя — это единственный способ создать нужные для роста индустрии условия. Но переход властей к курсу умеренного ослабления национальной валюты был продиктован неконтролируемой инфляцией и опасением массовых выступлений.

Важным индикатором ухудшений было падение выпуска в пищевой промышленности. Еще во второй половине 2010 года производители куриного мяса испытали огромные трудности. В середине 2011 года на рынке продовольствия отмечалась дефляция, отражение проседания спроса. При этом государство все время повышало тарифы на энергоносители для населения. Сырьевые монополии контролировали генерирующие компании и могли получать электричество по удобной цене. Правые экономисты обрушивались на власти за повышение страховых выплат для бизнеса и «гибель необходимых экономике денег» в пенсионной системе страны. Гнев либеральных критиков вызывал рост импорта из-за «чрезмерно жесткой» денежной политики правительства. Виновным в индустриальном спаде оказывался Центральный банк.

На практике «высокие» российские пенсии работали на национальный рынок. Осторожность властей в денежной политике не была абсолютном: начало биржевого падения послужило толчком для ослабления рубля. Неолиберальные аналитики старались не объяснять, почему при высоких по докризисным меркам сырьевых ценах Россия сводила бюджет с дефицитом. По их мнению, объяснением служила или «перегруженность казны социальными тратами», или низкая эффективность бюрократии. Все обстояло значительно сложнее.

Золото подорожало с начала 2008 года (с 856 долл. за унцию) в два с лишним раза, что означало: цена нефти в 100 долл. за баррель соответствовала 50 долл. начала 2008 года. Неудивительно, что правые экономисты требовали не увеличения пенсий, а сокращения реальных доходов трудящихся. Еще летом пресса писала о полезности новой девальвации рубля. Реализация подобных планов не способна была привести к преодолению кризиса: его материальная база могла только расширяться. Однако план сохранения прежней осторожной политики (его сторонники группировались вокруг Путина) мог с какого-то момента стать неисполнимым из-за углубления кризиса.

В отличие от громкого открытия кризиса в 2008 году, во «вторую рецессию» мировая и российская экономики сползли постепенно. Именитые экономисты оглашали различные проценты ее вероятности. Но вероятность ее прихода равнялась 100%, вопрос сводился лишь к срокам. Правы оказывались те аналитики, что утверждали: «вторая волна» кризиса — это не новый кризис, а обострение старого, рожденного еще в 2008 году глобального экономического кризиса.

Примечательно, что многомесячная биржевая паника родилась не из банкротства США или даже «больного Европы» — Греции. В Южной Европе осенью 2011 года бюджетно-долговой кризис еще только развивался по греческому сценарию. Но сама Греция к началу октября не обанкротилась, хотя ее годовые платежи на проценты по долгу и его покрытие достигли 50 с лишним миллиардов евро, что равнялось доходной части страны. В итоге долг Греции был обречен на разрастание. Подобного можно было ожидать в Испании, Португалии, Дании, Ирландии, Италии, Голландии, Бельгии и даже во Франции. Но все эти проблемы еще не были в готовом виде в начале осени и не могли запустить биржевой кризис. Единственное логичное объяснение его старта состоит в исчезновении средств его сдерживания, одинаково работавших в 2009–2010 годах.

Биржевое падение традиционно фиксирует проблемы реальной экономики. Но падение на рынках (включая крах спекуляций) запускает развитие кризиса в банковской сфере и влечет обострение проблем в индустрии и торговле, уже накопленных до паники на фондовых и сырьевых рынках. Эти проблемы в условиях 2011 года были созданы в значительной мере еще до обвала 2008–2009 годов. За периодом крушений следует депрессия; переход кризиса в эту фазу был искусственно отложен. Именно ее начало предстоит пережить России и всем остальным странам в следующем году, если только власти США в блоке с другими правительствами не найдут средств сдержать падение, на что шансов пока немного. Но даже при реализации сценария сдерживания кризис не исчезнет, а вернется в новом году с большей силой. В США республиканские круги готовы дать ему сделать свою разрушительную работу, лишь бы приблизить его окончание.

Разразившийся в 2008 году кризис имеет более сложную природу, чем спады 1991, 1998–1999 и 2001 годов. Он свидетельствует о конце тридцатилетней эпохи финансовой глобализации. Существует объективная необходимость в структурном и даже системном переустройстве мировой экономики. Образование Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана обозначает начало новой эпохи глубокой региональной интеграции, неважно, сознают это правительства или нет. Социальные и политические кризисы, создаваемые экономическими проблемами, сами являются элементами экономического кризиса и в его рамках обязаны привести к выполнению определенной работы по глубинным преобразованиям. Все это станет возможным в рамках депрессии, всегда обеспечивающей подготовку запуска нового длительного экономического подъема.

Мировую экономику ждет не десятилетие затухания роста, как обещает Кудрин, а несколько тяжелых лет после уже возобновившегося падения. Затухание уже происходит, если не имеет места с начала 2011 года. В ходе

падения высока вероятность снижения мировых цен на нефть до 50–60 долл. за баррель с сохранением их на таком уровне длительное время. В Докладе «Кризис глобальной экономики и Россия» от первых чисел июня 2008 года мы прогнозировали завершение кризиса в 2012–2013 годах, не предполагая заморозки его на первой фазе. В результате даже при благоприятном сценарии депрессия вряд ли завершится ранее 2013 года, если спад сможет развернуться и достичь кризисного «дна».

Даже с учетом заморозки цен на золото или их ослабление, спуск цен на «черное золото» до 70 долл. за баррель будет означать падение до 35 долл. по золотому курсу начала 2008 года. Следом за нефтью неизменно дешевеют все виды сырья, в совокупности выражая проблемы мировой индустрии. При этом необходимо понимать, что запуск оживления на старой технологической базе влечет новый взлет сырьевых цен, а следом — новое обрушение рынков. Именно это всякий раз наблюдалось (пусть и в незавершенном виде) в 2009 и 2010 годах. России важно принять тот факт, что в глобальной экономике будут происходить радикальные изменения. Должны возникнуть новые материалы, новые технологии производства, а главное — произойти переворот в энергетике. Без резкого удешевления электроэнергии невозможно рассчитывать на окончание мирового экономического кризиса.

В этих условиях Россия должна будет измениться сама, изменив отношение к своим ресурсам, внутреннему рынку, соседним государствам и политической организации общественной жизни. Ослабление рубля, которое либеральные экономисты считают панацеей от всех бед, не будет эффективно, а, скорее, окажется источником разрушений в экономике и способствует политической дестабилизации.

2009–2011 годы предоставили России уникальный шанс сравнительно мягко преодолеть противоречия кризиса, модернизировать экономику, а заодно подготовиться к новой волне кризиса. Этот шанс, преподнесенный мировой финансовой стабилизацией, не был использован. Он вообще не мог быть осознан господствующими в стране сырьевыми корпорациями. В результате все ключевые перемены могут явиться результатом уже развития кризиса.

Депрессия становится ближайшей перспективой после завершения спада. Либеральное понятие «рецессия», о которой все больше говорят в прессе, означает падение ВВП. Категория эта не объясняет логики и причин кризиса, категориальное значение которого является более сложным и много более значимым.

Рамки кризиса предполагают наличие этапов. Экономисты ломают голову, как реагировать на «вторую волну», а наиболее хитрые министры стремятся отойти в сторону от катящейся с фондовых и сырьевых рынков волны. Однако кризис этот несет не только разрушение; он предполагает и созидание. И чем быстрее проявится эта его черта, тем лучше, какие бы трудности ни пришлось перенести прежде.

Борис ЧЕРНЫШЁВ

ОСНОВНОЙ ФАКТ И УРОК ИСТОРИИ

Современный этап модернизации российского общества унаследовал от советского прошлого устаревшие способы подготовки важнейших решений. Описательность по-прежнему подменяет конкретно-исторический анализ ситуации, а место научно обоснованного выбора приоритетности в решении задач занимает способ их одновременного решения.

Сложившаяся практика пренебрежения анализом причинно-следственных связей прошлого и настоящего политической ситуации не позволяет вскрыть закономерности ее развития, отличительные особенности, соотнести их с тенденциями развития мировой цивилизации. Это неизбежно открывает широкий простор для субъективизма в принятии важнейших решений. В начале 90-х годов XX века при выборе новой основы экономического развития страны власть встала на путь простого копирования монетаристской¹ модели США без предварительного анализа состояния российской экономики. В итоге оказалось, что к больной нерыночной экономике СССР, находящейся в глубоком кризисе, пытались применить лекарства для лечения больных рыночных экономик. Не был принят во внимание даже тот факт, что эпоха свободной конкуренции канула в Лету вместе с доминирующим капитализмом, что взятая на вооружение концепция рыночного фундаментализма была давно отвергнута развитыми странами Запада.

Самоустранение государства от регулирования экономических и социальных процессов обернулось развалом финансовой системы и всеобщей потерей управляемости, контроля за денежным обращением.

Осознать всю пагубность экономических принципов политики монетаризма президент РФ В.В. Путин сумел лишь к 2005 году. Он попытался вернуть главное — регулируемую роль государства в экономике и добился определенных успехов.

В 2008 году официально признается несостоятельность сложившейся модели развития экономики и объявляется переход к инновационной модели. Однако, как выяснилось позже, речь шла не о замене принципов монетаризма докризисной модели, а лишь об ошибке, связанной с неправильным расходованием нефтяных денег.

¹ Монетаризм базируется на решающем влиянии денежной массы на инфляцию и цены. Регулирование экономических процессов они сводят лишь к кредитно-денежным операциям. По их мнению, главную, доминирующую роль в экономике играет не сфера производства, а сфера обращения.

В июне 2011 года президент РФ Д.А. Медведев заявил, что этап усиления роли государства в экономике пройден, так как потенциал этого пути исчерпан. Премьер В.В. Путин объявил о создании «государственно ориентированной рыночной экономики».

Все эти метания власти относительно экономической модели при подготовке важного решения можно было избежать, воспользуясь она такой методологической категорией исторического анализа, как основной факт. Она была открыта в науке еще во второй половине XIX — начале XX века и использовалась не только в анализе различных сфер жизни общества, конкретной политической ситуации, но и при изучении исторической эпохи.

Основной факт вытекал из требования материалистической диалектики брать факты в целом, их взаимосвязи и одновременно устанавливать главный. Он отражал сложившуюся в изучаемый момент истории комбинацию связей переживаемых исторических явлений, результат действия основных тенденций экономического и политического развития, из которых и складывалась равнодействующая исторического развития, которая и должна была «определять задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля»².

Основным фактом экономической и политической ситуации, сложившейся в России и странах Западной Европы осенью 2008 года, стал кризис либеральных экономических догм, которые превратились в главный тормоз на пути дальнейшего развития стран. Однако причинно-следственные связи событий мирового финансового кризиса 2008 года не стали предметом внимательного изучения руководителями этих стран. Ведущий специалист по финансовому контролю Счетной палаты РФ отец Филипп справедливо заметил: «Ведь ни одно правительство не решилось сказать прямо, что это не финансовый кризис, а кризис экономической модели, кризис перепроизводства, переплетшийся со структурным кризисом»³.

И лишь в апреле 2011 года глава МВФ Д. Стросс-Кан выступил с сенсационным заявлением: «Основополагающие принципы западной экономики оказались нежизнеспособными и даже опасными...». МВФ призвал создать такую глобальную экономику, в которой станет меньше рисков и неопределенности, финансовый сектор будет регулироваться государством, а доходы и блага будут распределяться по справедливости⁴.

В России этот основной факт экономической и политической ситуации, отражая в себе целый ряд отрицательных тенденций в социально-экономической, политической и духовной сферах жизни российского общества (см. схему 1), не находит должного признания для извлечения поучительных уроков опыта истории.

Так, курс финансовых властей на стерилизацию денежной массы под лозунгом борьбы с инфляцией привел к тому, в частности, что при принятии в 2005 году нового Лесного кодекса было решено сэкономить на ликвидации пожарной охраны лесов (70 тыс. лесничих) — структуры федерального под-

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 186.

³ См.: Васянин А. Крест чиновника // Российская газета, 2 февраля 2011.

⁴ См.: Башкатова А. Глобализм с человеческим лицом // Независимая газета, 6 апреля 2011.

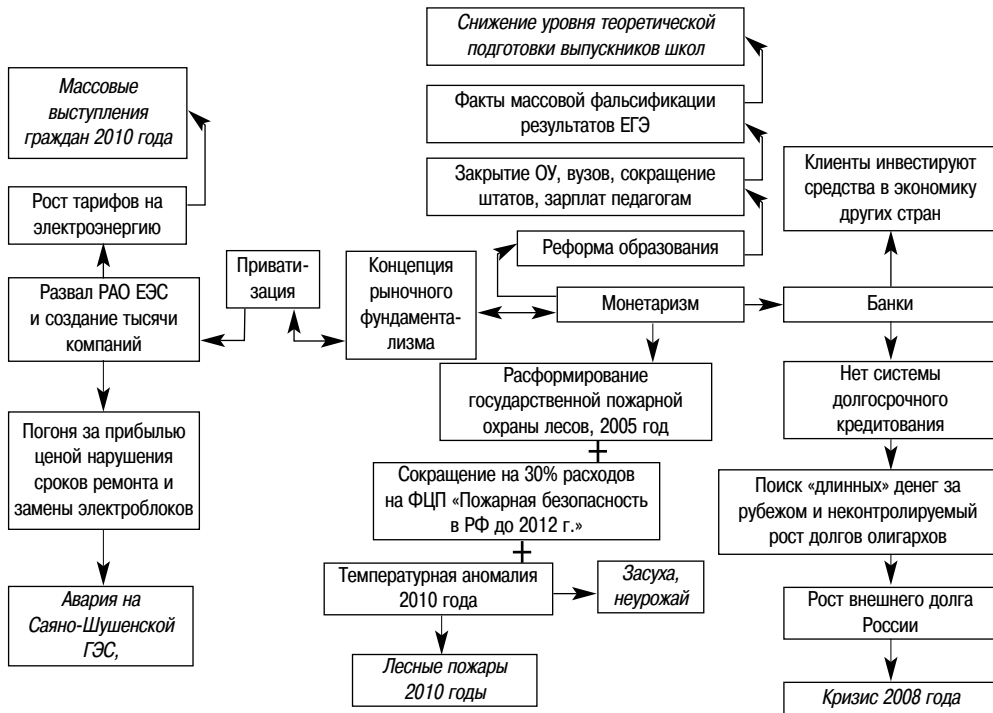

Схема 1. Причинно-следственная связь событий 2008–2010 годов

чинения⁵. Когда же спровоцированные аномально жаркой погодой лета 2010 года лесные пожары уничтожили 2 млн га леса, стало ясно, что спасти горящие леса было некому, кроме пожарных частей МЧС и военных, а финансирование ФЦП «Пожарная безопасность в РФ до 2012 года» держалось в 2008–2009 годах на уровне 30% от необходимого. Об «эффективности» ликвидированной в России структуры пожарной охраны лесов можно судить на примере ее функционирования в Республике Беларусь. Летом 2010 года в условиях той же аномальной температуры там не потеряли ни одного гектара леса, хотя по площади они занимают более половины территории республики. Руководитель Рослесхоза В. Масляков в октябре 2010 года официально объявил о возможности восстановления в России службы охраны лесов.

Истоки крупнейшей в истории мировой энергетики аварии на Саяно-Шушенской ГЭС кроются в спешной приватизации РАО «ЕЭС России» в 2008 году. Развал некогда единой энергосистемы России на тысячу мелких частных компаний снял преграды для получения бизнесом максимальной прибыли любой ценой, даже с нарушением инженерных регламентов, сроков ремонта и замены энергоблоков, необоснованным увеличением тарифов на электроэнергию. То есть ошибочное решение 2008 года породило цепь таких негативных последствий, которые привели к аварии на СШГЭС. Вот почему

⁶ Панина Т. Горячие цифры // Российская газета, 13 сентября 2010.

Источник: Институт экономики переходного периода

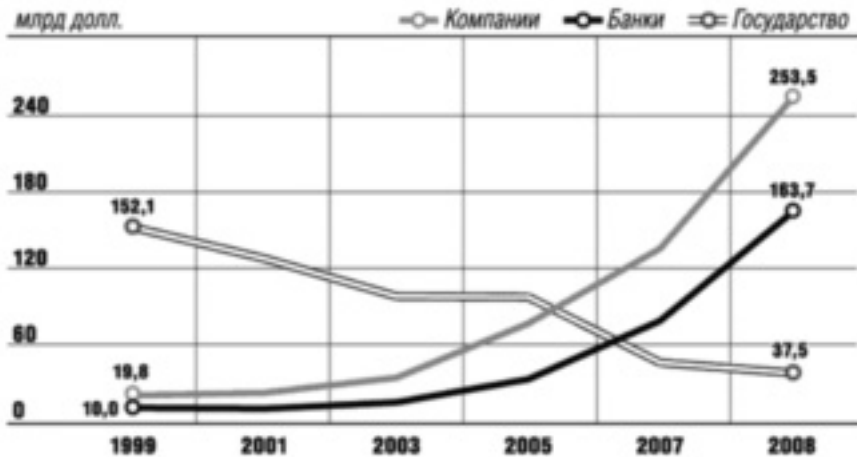

Диаграмма 1. Как рос внешний долг России (1999–2008 годы)⁶

масштабы экономического ущерба оказались столь велики, что уже в октябре 2009 года В. Путин поддержал предложение вице-премьера И. Сечина о воссоздании РАО ЕЭС на базе оставшегося в собственности государства экспортно-импортного электромонополиста «Интер РАО ЕЭС», присоединив к нему все АЭС и компанию «РусГидро». Но уже в 2011 году «Интер РАО» и «РусГидро» вновь попали в список предприятий, подлежащих приватизации.

В 2001 году в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ В.В. Путин сделал поучительный вывод на будущее, который вытекал из долговой проблемы, созданной при Б. Ельцине: «Брать в долг только тогда, когда мы точно знаем, как потратить деньги эффективно и как вернуть». Этот справедливый, по сути, урок прошлого стал непреложным правилом деятельности правительств М.М. Касьянова, М.Е. Фрадкова и В.В. Путина (см. диаграмму 1).

Однако финансовая политика правительства продолжала страдать серьезными изъянами, которые не были устранены. В стране так и не было создано источника длинных и дешевых кредитов, что не создавало условий для экономического роста. Не контролировался рост долгов олигархов. Клиенты банков предпочитали инвестировать средства в экономику США, Великобритании, Германии, Австрии. В итоге к 2008 году внешний корпоративный долг составил 500 млрд долл. и стал равняться золотовалютным запасам страны. Разразился кризис, на выход из которого правительством РФ был израсходован почти годовой бюджет страны.

За три прошедших года основные причины, породившие кризис 2008 года, не исчезли. В результате 1 июля 2011 года внешний долг РФ составил уже 538,6 млрд долл.⁷ История повторяется вновь.

⁶ Куков Е. Ловля попутного ветра // Российская газета, 17 февраля 2010.

⁷ Куликов С. Компании готовы к новому долговому кризису // Независимая газета, 3 октября 2011.

За последние 20 лет финансовая власть ни разу не смогла снизить инфляцию до 8% — ни в условиях роста, ни в годы кризиса. Опасной тенденцией стало не сокращение, а увеличение в структуре экспорта доли нефти и газа. Почти уже хроническим стал отток капитала из страны. По поляризации доходов Россия обошла латиноамериканские и африканские страны. В Москве средние доходы 10% самых богатых почти в 70 раз превышают доходы 10% самых бедных. Разрыв по стране — почти в сорок раз⁸. Только 0,7% населения владеют акциями.

Вместо того, чтобы основной факт положить в основу пересмотра монетаристской модели экономики, власть продолжает сохранять курс на превращение государства в «ночного сторожа» в экономике. К корректировке «Стратегии-2020» привлечены экспертные группы, в которых представлены в основном сторонники либеральных экономических ценностей. В рамках доминирующего сейчас подхода, как и прежде, ученым РАН места в этих группах не находится, открытых дискуссий не ведется.

В поисках выхода из тупика и создания новой экономической модели политическая элита России продолжает упорно игнорировать уроки опыта отечественной и мировой истории.

В условиях объявленного премьером В.В. Путиным курса на новую индустриализацию обращение за историческим примером происходит не к опыту деятельности отца русской индустриализации С.Ю. Витте, а к последнему реформатору царской России П.А. Столыпину.

Между тем никто из преемников С.Ю. Витте ни на посту министров финансов, ни во главе правительства, включая самого П.А. Столыпина, не создал столь обширной и глубоко продуманной программы экономических преобразований, как С.Ю. Витте. Многие реформаторские идеи П.А. Столыпина были почерпнуты из программы С.Ю. Витте, причем отнюдь не в улучшенном виде. Позднее мероприятиями экономической программы С.Ю. Витте воспользовалась партия большевиков во главе с В.И. Лениным, сумев за пять лет с помощью НЭПа восстановить промышленный потенциал России уровня 1913 года. Нэповской моделью общественного развития в 70-х годах XX века успешно воспользовалось руководство компартии Китая. Главная причина динамичного развития его экономики все эти годы — это сохранение госконтроля над развитием экономики при бурном развитии различных форм бизнеса. «В отличие от России в Китае за 30 лет реформ так и не провели ни либерализацию цен, ни приватизацию. Была введена трехколейная система цен — фиксированные, регулируемые и цены свободного рынка. Доля последних за эти годы плавно увеличилась 5 до 95%. В условиях большой конкуренции государство сохранило регулирующую функцию на основные госуслуги в сфере энергоснабжения, транспорта и связи»⁹.

Основной факт и урок истории — важные ступени в познании сущности политической ситуации, усвоении уроков опыта истории, постановки научно обоснованных задач власти. Их использование возможно только на пути анализа причинно-следственных связей событий прошлого и настоящего.

⁸ См.: Гринберг Р., Буркин В. Экономика в руках политиков // Известия, 28 февраля 2011.

⁹ Островский А. Урок китайского // Российская газета, 10 февраля 2011.

Григорий КАНАРШ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Проблема справедливости — ключевая для современной социальной философии и этики. На Западе уже на протяжении четырех десятилетий (с начала 1970-х годов) существует развернутый *дискурс справедливости*, в котором принимают участие десятки первоклассных исследователей, — до такой степени, что в данном социально-этическом контексте обсуждаются практически все злободневные вопросы жизни общества. От проблем образования и здравоохранения (к которым в последние годы добавились проблемы защиты культурных прав, глобальной социальной справедливости и экологической безопасности) до вопросов защиты прав животных (*англ.* — animals rights).

Справедливость (точнее, совокупность многообразных, постоянно спорящих друг с другом, теорий справедливости) давно стала для Запада (прежде всего, Соединенных Штатов Америки) той призмой, через которую рассматривают и дают соответствующую оценку сложной общественно-политической реальности.

Важно отметить и то, что справедливость для тех же американцев — не просто отвлеченное моральное требование, которое академические ученые предъ-являют «несовершенному» миру: теория здесь подкрепляется практикой, самыми энергичными действиями (в форме разного рода общественных акций, международных научных форумов, законодательной деятельности), чему, безусловно, способствует развитое *гражданское общество*, т. е. сеть неправительственных гражданских ассоциаций, цель деятельности которых — в реализации и защите разнообразных прав и интересов граждан.

В России, конечно же, все не так. Как заметил в одном из своих интервью начала 2000-х годов академик А. А. Гусейнов, «наша беда в том, что мы нравственное негодование не дополняем *точными, умными, рассчитанными действиями*. Мы слишком уповаем на мораль, на благие намерения» (курсив мой. — Г. К.)¹. С тех пор, кажется, мало что изменилось. В России по-прежнему нет развитого гражданского общества (в западном, точнее, американском, смысле этого слова), нет идущей снизу социальной активности, которая могла бы «перевести» моральное негодование масс по поводу суще-

¹ Морали много, ума — мало // Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика: сборник статей. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 184.

ствующей несправедливости в реальные, а главное, действенные формы (прежде всего, институциональные).

Россия, в отличие от Америки, по-прежнему остается страной, где все (или почти все) решает власть, государственная бюрократия, которую «обыкновенные» люди могут ненавидеть, ругать, но которой они практически ничего не могут противопоставить и, более того, за которую регулярно готовы (несмотря на все моральные обличения) голосовать на выборах².

В чем секрет подобного поведения русских (россиян), почему не получается сделать все так, как в Америке (и чего, безусловно, особенно хотелось бы либеральной части российской интеллигенции)? Главное здесь позволяет понять *естественно-научная характерология*, а точнее — изучение национально-характерологических особенностей.

Нам уже не раз приходилось объяснять в печатных работах³ эти особенности поведения российских людей в общественной жизни и в политике (и на эту тему существует ряд работ отечественных исследователей — социальных философов, политических и этно-психологов), и наиболее важное здесь состоит в невыраженности в массе людей *характерологического прагматизма* — особенной, концептуальной практичности, которая сама происходит из определенного душевного склада (характера) и предрасполагает к определенному рода поведению, энергичным практическим действиям. При этом важно подчеркнуть, что прагматизм (и не случайно известный отечественный культуролог Георгий Гачев назвал материальный мир Соединенных Штатов Америки «Космосом прагмы»⁴) есть не просто практичность в обычном, житейском смысле: практичных, смекалистых людей немало и в России.

Характерологическая особенность прагматизма в том, что это практичность *концептуального, теоретического* свойства (т. е. основана на определенной, хотя бы и «миниатюрной», концепции, возникающей как бы сама собой, благодаря естественным, природным особенностям души человека), что, в общем, является довольно типичным для Америки, но мало характерным для России⁵.

И все же, несмотря на слабость известных национально-характерологических предпосылок для развития рациональной дискуссии о справедливости, небезынтересно проанализировать ряд философско-политических концепций современных отечественных авторов, которые содержат в себе тот или иной вариант концептуализации данного этического понятия (справедливости). Эти идеи озвучиваются сегодня их авторами и приверженцами в печати и с телеэкранов, предлагаются в виде философских и законодательных проектов отечественным политикам, а потому не могут быть просто проигнорированы исследовательским сообществом.

² Имею в виду партию «Единая Россия», известную как «партия бюрократии».

³ См. нашу итоговую монографию: *Канарш Г.Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.

⁴ См.: *Гачев Г.Д.* Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел // *Гачев Г.Д.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. С. 452.

⁵ См.: *Бурно М.Е.* Профессионализм и клиническая психотерапия // *Психотерапия*. 2008. № 2. С. 16–19.

Ниже мы последовательно рассмотрим пять таких проектов, созданных преимущественно в 2000-е годы, одновременно пытаясь вычленив то ценное (или, напротив, обратить внимание на опасность предлагаемых решений для общества), что они несут в себе.

Консервативный проект: «Русская доктрина»

Формирование правых идеологий (консерватизма и национализма) в России в их нынешних вариантах (подобно тому, как это нередко случалось в истории России) явилось политическим «ответом» на реформаторскую активность периода 1990-х годов. Этот период современной российской истории обстоятельно изучен в литературе, поэтому нет смысла подробно останавливаться на нем⁶. Напомним лишь, что попытка использовать в качестве идеологического базиса проводимых реформ концепцию экономического либерализма, развиваемую на Западе в трудах М. Фридмана и Ф. Хайека, закончилась неудачей. Потребностью сформулировать адекватную стратегию политического развития в условиях общества, стоящего в буквальном смысле перед угрозой распада, и объясняется попытка реанимации *правой идеи*.

Среди целого ряда проектов, которые по ряду признаков можно отнести к консервативным, наибольший интерес, на наш взгляд, представляет проект под характерным названием «Русская доктрина», разработанный коллективом российских философов и экспертов⁷. Его авторы, как следует из текста документа, поставили перед собой весьма амбициозную задачу: «...констатируя нахождение России как общества и государства в глубочайшем кризисе, авторы в отличие от подавляющего большинства своих коллег простой констатацией не ограничились и попытались создать в более или менее цельном виде *проект возможного переустройства всех сфер жизни в России*» (курсив мой. — Г.К.)⁸.

Центральную идею «Русской доктрины» образует представление о так называемой «триаде государственного строительства», которая включает в себя три базовых элемента — демократию, автократию (монархию) и аристократию. Это не новая идея, она в достаточно развитом виде присутствует уже у античных авторов, в частности, Аристотеля. Идея «смешанного правления» конкретизируется в трех основных принципах политического устройства: 1) демократии; 2) компетенции общественных групп; 3) монархическом принципе единоначалия.

Авторы «Русской доктрины» уделяют особое внимание демократии как форме правления, выступая, впрочем, с резкой критикой того понимания демократии, которое сложилось на сегодняшний момент в российской политике⁹.

⁶ См., напр., работы научного коллектива сектора социальной философии Института философии РАН: Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2001; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2002.

⁷ См.: Русская доктрина (Сергиевский проект) / под ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М.: Яуза-пресс, 2007. — URL: <http://www.rusdoctrina.ru>

⁸ Русская доктрина (фрагмент) (электронный ресурс).

⁹ Не оспаривая необходимости демократии как элемента политической системы, идеологи проекта высказываются за сугубо прагматический подход к этому политическому институту, призывая к отказу от его абсолютизации. В проекте воспроизводятся и характерные для консервативной традиции симпатии к плебисцитарной (в противоположность представительной) форме демократического участия.

Принцип «компетентности общественных групп» в отличие от демократического принципа, обращенного непосредственно к «народной массе», оформляет аристократическое начало в государстве. Этот этаж государственного строительства, по замыслу авторов «Русской доктрины», должен выстраиваться «при помощи ряда неизбираемых компетентных советов, охватывающих различные стороны национальной жизни»¹⁰. И, наконец, принцип автократии. По мнению идеологов проекта, глава государства (президент или монарх) должен обладать всей полнотой государственной власти, соединяя в своих руках три ее ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Подобная сверхконцентрация отвечает, с одной стороны, положению главы государства как безусловного *национального лидера*, а с другой — многовековым традициям русской общественно-политической системы.

Каковы перспективы этого проекта? Думается, что, несмотря на некоторую утопичность, данный проект фиксирует определенную тенденцию в современной российской действительности. Нельзя не заметить, что некоторые отдельные стороны консервативной доктрины уже получили воплощение в жизни российского общества. Прежде всего, это касается восстановления «вертикали власти», т. е. государственной бюрократической системы с «партией власти» во главе, и авторитарного принципа управления. Современную Россию можно характеризовать — впрочем, достаточно условно — как общество с *авторитарно-либеральным* политическим режимом, что вполне соответствует идеям современного консерватизма. В той же мере это относится и к усилению роли Православной церкви, ее более тесному сотрудничеству со светской властью.

В целом усиление консервативных начал в российской политике выглядит закономерным после десятилетия «анархического порядка» (В.Г. Федотова) 1990-х годов.

Этнократический проект: Русское национальное государство

Одним из наиболее серьезных факторов, влияющих на положение дел в российской политике, явилась значительная актуализация национального вопроса. Несмотря на то, что тема социально-экономического расслоения по-прежнему остается на первом плане, проблема межнациональных отношений все больше начинает занимать умы российских граждан¹¹. Заметим: актуализация проблемы межнациональных и межэтнических отношений характерна сейчас не только для России — это *ключевой вопрос* современной политики. Но российская специфика проявляется в том, что в нашей стране в отличие от других стран, где требования справедливости чаще всего звучат из уст меньшинств, речь идет о поиске справедливости в отношении *этнокультурного большинства* (русских)¹².

¹⁰ Русская доктрина. Ч. III: Русское государство (электронный ресурс).

¹¹ Особенно очевидным это стало после известных событий 11 декабря 2010 года на Манежной площади в Москве.

¹² Именно на конец 1990-х — начало 2000-х годов, по оценкам экспертов, приходится рост национального самосознания русских в России. См.: Паин Э.А. Вызовы времени и инерция традиций: сдвинется ли Россия с «особого пути»? // Независимая газета, 28 февраля 2008. С. 14.

Это — одна из причин того, почему в последние годы в российской политике произошла активизация националистических (и ультранационалистических) сил. Более того, русский национализм, будучи на начальном этапе своего развития маргинальным явлением, сейчас начинает приобретать все большую респектабельность. Результаты этой эволюции можно показать на примере политической и интеллектуальной активности одного из лидеров российских правых — А.Н. Севастьянова.

В ряде своих статей и книг А.Н. Севастьянов изложил основы того, что он понимает под современным русским национализмом. В статье «Национализм и этнополитика» указанный автор пишет: «Моя задача... перевести национализм с языка инстинкта на язык идей (курсив мой. — Г.К.), приблизить его таким образом к интеллигентной аудитории. ...Чтобы массами, уже подвластными инстинкту, овладела на сей раз идея. И чтобы эта идея — национализм — превратилась тем самым в материальную силу»¹³.

Обращаясь к анализу внутривнутриполитической ситуации, А.Н. Севастьянов указывает, что проблемы, с которыми столкнулась современная Россия, можно подразделить на два типа: социально-экономические и этнополитические. Если проблемы первого типа являются предметом повышенного внимания и активно обсуждаются, то проблемы второго рода либо не принимаются во внимание, либо замалчиваются. К числу последних лидер Национально-державной партии России относит, в частности, проблему признания России как мононационального государства и русского народа как государствообразующего, признание прав русского народа на национально-пропорциональное представительство, его право на историческое воссоединение и ряд других¹⁴.

Основываясь на подобном видении политической ситуации, формулируются принципы национальной справедливости.

Первый (условно принцип комплиментарности) заключает в себе требование *относиться к другим нациям (народностям) так, как они сами относятся к русским*. При этом выделяются народы комплиментарные и некомплементарные в зависимости от того, как исторически складывались их отношения с русским народом (например, чуваша относятся к комплиментарным, а чеченцы — к некомплементарным). Исходя из этого базового разделения, должна выстраиваться политика русской нации по отношению к «чужим».

Второй принцип (условно принцип иерархичности) содержит утверждение о необходимости установления *определенной иерархии в межнациональных отношениях*. При этом выделяются три категории народов: 1) государствообразующий народ (русские); 2) коренные народы, у которых нет собственной государственности вне России (например, татары или мордва); 3) национальные меньшинства, которые обладают такой государственностью (например, армяне или грузины).

¹³ Севастьянов А.Н. Национализм и этнополитика. Речь на презентации книги «Время быть русским!» в Союзе писателей России 22 декабря 2004 года. — URL: <http://ndpr.ru/content/view/266/67/>

¹⁴ См.: Севастьянов А.Н. Национальная идея на современном этапе. Доклад на Конгрессе национально-державных сил России 22 февраля 2003 года. — URL: <http://ndpr.ru/content/view/259/67/>. В конечном счете суть проблемы сводится ультраправыми к чисто биологическому фактору, такому как «преумножение нашего (т. е. этнических русских. — Г.К.) удельного веса в составе населения страны» и «сохранение высокой степени биологической однородности русской нации».

Подобная дифференциация диктует и неравнозначное отношение к представителям различных народов. «По-человечески понятно, — считает лидер НДПР, — что отношение к данным категориям не может и не должно быть равноценным»¹⁵. Всячески подчеркивая свою приверженность принципу уважения к представителям других коренных народов, А.Н. Севастьянов говорит о необходимости создания *привилегированных условий для русских*¹⁶. По его мнению, это отнюдь не противоречит интересам других этносов, населяющих Россию, поскольку благополучие «государствообразующего» народа автоматически должно привести к общему процветанию. Что касается имиджа этнократического государства на международной арене, то здесь лидер ультраправых ссылается на опыт других стран (как ближнего, так и дальнего зарубежья, например Израиля), которые, основывая свою политику на принципах этнократии, тем не менее выглядят вполне цивилизованными в глазах международного сообщества.

Притом, что идеи ультраправых находят значительную поддержку в обществе, в том числе среди представителей его интеллектуальной элиты, думаем все же, что реализация этнократического проекта была бы большой опасностью для России. Известно, что традиционно русские выстраивали свои отношения с другими народами по принципу интеграции в единое геополитическое пространство. «Русская идея», впервые сформулированная во второй половине XIX века Вл. Соловьевым и Достоевским, предполагала совершенно иное — прямо противоположное этнократии и узко понятому национализму — понимание характера межэтнических отношений¹⁷. Более того, современные исследования в области характерологической креатологии фиксируют наличие у русской идеи определенных характерологических оснований — *дефензивности, психастеноподобности*, глубоко присущей русскому народу и русской культуре, и обуславливающих в конечном счете способность русских (россиян) глубоко проникаться чувствами и переживаниями других народов и наций¹⁸.

Поэтому сегодняшний всплеск ксенофобских настроений в России (как и провоцирующий их рост агрессии со стороны представителей нерусских этнических диаспор) требует как энергичных действий со стороны власти, так и политики просвещения, которая транслировала бы ценности и смыслы, выстраданные отечественной философией и культурой еще в XIX столетии.

Социал-демократический проект: культурологическая концепция социализма

Наряду с консерваторами и националистами, в последнее время все более настойчиво заявляют о себе силы, называющие себя левыми и социал-демо-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Этой задаче отвечает и разработанный А.Н. Севастьяновым проект Конституции Русского государства. — URL: <http://ndpr.ru/content/view/296/67>

¹⁷ См.: Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, 2003.

¹⁸ См.: Русская идея в свете характерологической креатологии (по материалам занятия в группе творческого самовыражения) // Естественно-научные исследования творческого процесса. — URL: http://characterology.ru/creatologia/philosophy/item_4008.html

кратическими. О политическом успехе левой идеи свидетельствует появление на российской политической сцене партии «Справедливая Россия», возглавляемой ныне бывшим спикером верхней палаты российского парламента С.М. Мироновым. Однако, представляя собой попытку концептуализации социал-демократической идеи, взгляды, излагаемые лидером «Справедливой России»¹⁹, пока не содержат развернутой позиции в отношении основ справедливого общества. Будучи сегодня востребованной на политическом уровне, такая концепция до сих пор разрабатывалась в сфере академической науки, главным образом в работах известного российского философа культуры и политического философа В.М. Межуева.

Обращаясь к анализу левой идеи и ее перспектив, В.М. Межуев пытается показать, что главная задача европейской социал-демократии отнюдь не сводится к требованию реализации социально-экономических прав — эта задача видится российскому философу прежде всего в реализации права каждого *на культуру*²⁰. Новизна подхода, предложенного В.М. Межуевым, заключается в том, что собственность и провозглашаемое социал-демократами равное право на нее трактуются как целиком относящиеся *к сфере культуры, а не экономики*. «В широком смысле общественную собственность следует понимать как собственность на культуру в целом. Она включает в себя все, что служит условием производства не материального богатства в его чисто вещной или денежной форме, а самого человека, как «основного капитала»²¹.

В перспективе культурологического социализма особую трактовку получает и другое ключевое понятие — индивидуальной свободы. Равное право на культурный капитал предполагает наличие другого важнейшего социального ресурса — свободного времени. «Это время, которое человек тратит на образование и самообразование, на получение новой информации, на развитие своих способностей, то есть на все то, что и конституирует собой производство человека не как физического, а как общественного существа»²². При этом свободное время в культурологическом понимании отнюдь не сводится к праздному времяпрепровождению: «Общественная собственность есть, следовательно, условие человеческого существования не в «рабочее», а в «свободное время», которое неправильно сводить к времени только досуга и отдыха. Свободное время — это время «всеобщего труда»... время жизни в культуре, точнее, по законам культуры»²³.

В самом общем виде проект *социальной политики* российской социал-демократии сводится к следующим базовым положениям: а) защита природного и культурного достояния от экономической и рыночной экспансии; б) увеличение экономического благосостояния и защита основных социальных прав, и в первую очередь права на образование; в) преимущественная защита интересов работников умственного труда как наиболее прогрессивной силы

¹⁹ См., напр.: Миронов С. Социальный идеал в современной политике // Политический класс. 2007. Январь. № 1 (25).

²⁰ См.: Межуев В. М. Социализм — пространство культуры // Исторические судьбы социализма / отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: ИФРАН, 2004.

²¹ Там же. С. 109.

²² Там же. С. 110–111.

²³ Там же. С. 111.

постиндустриального общества; г) особое внимание к публичной сфере общественной жизни, реализация идеи прямой (непосредственной) демократии в политике; д) приоритет культуры перед всеми остальными сферами общественно-политического бытия, усиление борьбы с культурной деградацией общества²⁴. В конечном счете главной целью этой политики остается построение бесклассового общества, как общества не экономики, а культуры²⁵.

Такая позиция также не лишена элементов утопизма: призыв к построению бесклассового общества по ту сторону экономики в условиях глубокого социального расслоения и тотальной коммерциализации всех сторон общественной жизни сталкивается со значительными трудностями. Еще одно возражение попыткам реализации социалистической модели может заключаться в том, что современная социал-демократия, пережив серьезный кризис своих ценностных оснований, стала гораздо ближе к либерализму, чем к классическому социализму²⁶. И тем не менее, как свидетельствуют социологические опросы, левая идея (идея социальной справедливости) остается весьма близкой значительной части российского населения. И как таковая серьезно влияет на электоральные предпочтения избирателей²⁷. Думается, что сила социал-демократического проекта — в его несомненной близости ценностям российского менталитета, а также в *гуманистическом пафосе* и осуществляемой им критической функции по отношению к господствующему социально-экономическому укладу. В этом качестве социал-демократическая мысль, несомненно, будет оказывать серьезное влияние на положение дел в российской политике.

Центристский проект: рациональный общественный договор и модель «хорошего общества»

Заметным явлением в социально-философской мысли России последних лет стала разработка концепции, получившей название «хорошее общество»²⁸. Теоретический источник представлений о «хорошем обществе», как указывает идейный вдохновитель проекта и его основной автор В.Г. Федотова, — концепции, появившиеся на Западе в 1970-х годах как альтернатива одновременно и капитализму, и социализму. Являясь по своему первоначальному замыслу чисто эмпирическим, внеидеологическим проектом, цель которого — создать условия, при которых людям бы жилось хорошо, в работах российского философа данный проект нашел свою проработку в нормативном и теоретическом плане.

²⁴ См.: *Межуев В.М.* Социал-демократия как политика и идеология (российский вариант) // *Духовное измерение современной политики* / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФРАН, 2003. С. 76–79.

²⁵ См.: Там же. С. 67.

²⁶ См.: *Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса* / отв. ред. А.Г. Мысливченко. М.: ИФРАН, 1998; *Мысливченко А.Г.* Перспективы европейской модели социального государства // *Вопросы философии*. 2004. № 6; *Федотова В.Г.* Третий путь // *Свободная мысль*. 2002. № 2.

²⁷ См.: *Шестопал Е.Б.* Танкетке пора определиться // *Независимая газета*, 7 декабря 2010. Приложение «НГ-Политика». С. 11.

²⁸ См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Применительно к российской специфике наибольший практический интерес представляет модель *рационального общественного договора*, разработанная ученым с опорой на концепцию «справедливости как честности» американского философа Д. Роулза.

Позаимствовав у гарвардского профессора центральную для его этической теории идею взаимности («в концепции справедливости как честности индивиды соглашаются на то, чтобы разделить судьбу друг друга»²⁹), В.Г. Федотова пытается *творчески переосмыслить основы концепции «справедливости как честности» применительно к современным российским условиям*. «Никакой начальный социальный статус не гарантирует человека современного (западного) общества от риска снижения этого статуса, в том числе до самого низкого уровня из-за потери доходов, работы или здоровья. Поэтому каждый человек может мысленно поставить себя в нижайшую социальную позицию. Исходя из этого, находясь в неведении относительно своего будущего, каждый может быть согласен на то, чтобы сделать минимальный уровень жизни выше, максимизировать социальный и материальный минимум...» (курсив мой. — Г.К.)³⁰. Значит, «справедливость — это не требование равенства, а это требование, чтобы люди разделяли судьбу друг друга»³¹.

Отмечая, что данная модель требует определенных предпосылок для своей реализации, в том числе социально-антропологического характера, В.Г. Федотова пытается построить модель рационального общественного договора на основе *традиции*. Российская традиция несет в себе две базовые ценности — стремление к правде («чувство справедливости») и высокое доверие к государству («этатизм»). При соединении этих двух составляющих, когда государство при помощи закона будет реализовывать в обществе моральную идею, а общество, на основе присущего ему «чувства справедливости», поддерживать государство, можно добиться необходимого консенсуса. «Максимизация минимума может стать в России делом государства. ...Представление о собственном благе, не данное в опыте традиционного общества каждому индивиду или не совпадающее с представлением о благе людей современных обществ, может внедряться *не силой, а законом*... Через закон власть может обеспечить справедливость — «не требование равенства, а чтобы люди разделяли судьбу друг друга»³².

В более поздних работах профессор Федотова несколько скорректировала свою позицию. Во-первых, ею была изменена формулировка самого базового этического принципа: если до этого он имел выраженный социальный смысл (т. е. предполагал определенное действие — максимизацию социального минимума), то в настоящее время данный принцип интерпретируется как *сугобо этический*, выражая лишь необходимость определенной *нравственной интенции*, но никак не действия»³³. Во-вторых, В.Г. Федотова уже не обра-

²⁹ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., 1971. P. 102.

³⁰ Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. С. 171.

³¹ Там же. С. 171.

³² Там же. С. 173–174. Кроме того, правовой характер государства должен дополняться демократическими процедурами, смысл которых в том, чтобы разумным образом ограничить всеилые власти. См.: Там же. С. 176.

³³ См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. С. 468–469.

щается к идее этатизма, но активно исследует проблематику *социального государства*, определенно противопоставляя его идеологии «сильного государства». Последнее, по ее мнению, «скорее можно понять как государство, готовое к силовому варианту догоняющей модернизации и к проведению шоковой терапии»³⁴. В-третьих, на нынешнем этапе своего научного творчества В.Г. Федотова занимается в большей степени теоретическими разработками, с тем, чтобы дать обоснование проекту, направленному на *соединение свободы и блага, свободы и справедливости*.

В целом «хорошее общество» — достаточно прагматический проект, учитывающий своеобразие российской ситуации и предлагающий взвешенное решение сложных социальных проблем на основе здравого смысла. Вероятно, такой, ценностный, прагматизм мог бы немало способствовать нормализации ситуации в российском обществе (способствовать консолидации элит, лучшему пониманию национальной специфики, отказу от крайностей в восприятии России и Запада политиками и творческой интеллигенцией, нахождению своего российского «третьего пути» и т. д.). Думаем, что «хорошее общество» в его отечественном варианте — это правильный путь к формированию *национальной версии либерализма*, не отторгающего собственную культурную специфику, но, напротив, стремящегося учитывать культурное и историческое своеобразие России на путях построения современного общества.

Коммунитаристский проект: модель «подвижной» иерархии и идеал братства

Коммунитаристские концепции социальной жизни впервые появились и получили широкое распространение на Западе в 1980-е годы прошлого века. Для России, из которой коммунитаристские идеалы и практики, казалось, окончательно ушли вместе с крушением советского проекта, возвращение коммунитаризма представляется по-своему уникальным явлением. В этом смысле проект, предложенный философом из Нижегородского университета А.Н. Фатенковым³⁵, на наш взгляд, не только восполняет существенный пробел в новейшей истории отечественной социально-философской мысли, но и в какой-то мере восстанавливает прерванную социальными потрясениями некогда мощную в России интеллектуальную традицию³⁶.

«Братская общность» — проект, основанный на сочетании двух аксиологических моментов: 1) справедливая («подвижная») общественная иерархия; 2) братская взаимопомощь в сообществе (солидарность). «Русский мир — пишет А. Н. Фатенков, — испокон веков позиционирует себя «по ту сторону правого и левого» и вдали от калькулируемых либеральных выгод. ...Проект справедливого устройства русского бытия, как представляется, тяготеет к *идее подвижной иерархии* (курсив А.Н. Фатенкова. — Г.К.). По крайней

³⁴ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2002. С. 113.

³⁵ См.: Фатенков А.Н. Идея подвижной иерархии // Человек. 2007. № 2.

³⁶ Проект нижегородского философа можно назвать неославянофильским, поскольку его автор обращается к идейному наследию именно этого направления в русской мысли.

мере, она ему не чужда, хотя зачастую покрыта плотной ретушью мифотворчества»³⁷.

Исходя из такого понимания основ общественного устройства, в проекте формулируются принципы *социальной справедливости*: «Итак, справедливое общество на русский лад — это общество: 1) экономически равных людей, то есть равно вышедших из-под гнета труда как необходимости; 2) подвижно-иерархическое в областях собственно социальной, хозяйственной (отличающейся от экономической примерно так же, как культура отличается от цивилизации) и политической; 3) наконец, это общество совестливой иерархии в сфере собственно культурной (духовной)»³⁸.

Первый принцип имеет отчетливо эгалитарный характер, являясь, по сути, заимствованием из марксистской традиции. Второй принцип оказывается близок протестантской этике с ее идеей трудовой аскезы³⁹. И, наконец, во втором и третьем принципах весьма сильны элементы элитизма — культурного и политического, традиционно отдающего приоритет в социальной жизни меньшинству перед большинством (массой). Эта линия аргументации, наиболее выразительно представленная нижегородским мыслителем в проекте «экзистенциальной автократии»⁴⁰, со всей очевидностью восходит к Платону. Таким образом, уже в первом приближении становится ясным, что предлагаемая концепция является *эkleктической* и на деле сочетает в себе как элементы традиционной «иерархической» справедливости, так и справедливости «эгалитарной» (апеллируя при этом к разным интеллектуальным традициям)⁴¹.

Безусловно, коммунитаристский проект обладает высокой нравственной ценностью и немалой эстетической привлекательностью. Нравственной — потому что несет в себе высокий гуманистический смысл, помещая в центр социальной жизни интересы живой, конкретной личности, защищая ее особость и своеобразие перед лицом нивелирующего различия эгалитаризма. Эстетической — поскольку предлагает стройную, целостную, гармоничную

³⁷ Фатенков А.Н. Идея подвижной иерархии С. 27. Принцип подвижной иерархии, таким образом, выражает идею высокой социальной мобильности в противоположность застывшей иерархии традиционных обществ. Это означает также необходимость отказа от идеи тотального подчинения интересов индивида интересам сообщества, что было характерно для обществ традиционного типа (см.: Там же. С. 21, 24).

³⁸ Там же. С. 28.

³⁹ «Общество поступит справедливо, если, отказавшись от жесткого принуждения и неуклюжей опеки, трудолюбца будет ставить выше лентяя и того, кто работает "от звонка до звонка", ненавязчиво подталкивая последних к тому, чтобы проявить себя и повысить свой хозяйственный статус» (см.: Там же. С. 28.).

⁴⁰ А.Н. Фатенков разводит две базовые парадигмы в истории социальной мысли: персоналистскую, идущую от Платона, и институционалистскую, восходящую к Аристотелю. Сам автор присоединяется к персонализму, полагая, что, «даже не питая особого оптимизма в отношении человеческих качеств, можно связать определенные надежды с экзистенциальной автократией, означающей власть (немногих) личностей во благо (всех) личностей». См.: Фатенков А.Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // ПОЛИС. 2005. № 2. С. 162.

⁴¹ При этом, как и должно быть, равенству в проекте придается основополагающее значение. «Первым пунктом устанавливается та оптимальная доля необходимого положительного равенства, без наличия которой говорить о справедливости действительно не приходится». См.: Фатенков А.Н. Идея подвижной иерархии. С. 28.

модель человеческих взаимоотношений в сообществе. Еще одним несомненным преимуществом данного проекта является его *онтологическая укорененность*, обращенность к духовным основам человеческого существования (экзистенции).

Данный проект, несомненно, близок наиболее «продвинутому» современным коммунитаристским идеям (например, идеям американских авторов А. Этциони, А. Макинтайра, М. Уолцера) и как таковой, безусловно, заслуживает внимания и обсуждения.

* * *

Таким образом, каждый из рассмотренных выше проектов фиксирует на теоретическом уровне ту или иную реальную тенденцию в жизни российского общества. Консерватизм соответствует усилению авторитарных начал в политике и государственном управлении; этнократия апеллирует к росту русского этнического национализма; социал-демократия опирается на востребованность в обществе «левой идеи»; центристская позиция ищет возможностей нормализации в рамках текущей ситуации, опираясь на ценности; коммунитаризм обращается к общинным традициям русской жизни, которые имеют право быть восстановленными в условиях плюралистического общества.

Думается, что все предложенные проекты, за исключением этнократии, несущей в себе, скорее, импульс к разрушению многонационального и многоконфессионального российского государства, заслуживают большей представленности в публичном дискурсе для того, чтобы стать предметом серьезного обсуждения и дискуссии.

Владимир ДЕРГАЧЁВ (Украина)

ОФФШОРНАЯ ГЕОПОЛИТИКА

В 1990-е годы, в период рыночного романтизма, особенно популярной в России и постсоветских странах была идея создания свободных экономических зон, которые рассматривались как одна из современных и перспективных форм мирохозяйственной интеграции. По аналогии с космическим кораблем предполагалось использовать СЭЗ в качестве стыковочного узла с высокоразвитыми западными странами в целях получения передовых технологий. Но вместо этого были созданы полукриминальные СЭЗ («малины»), ставшие стыковочными узлами с коррумпированной властью, а наибольшее развитие получил оффшорный бизнес.

Оффшорный бизнес — форма предпринимательской деятельности, основанная на налоговых преференциях. Термин «оффшор» (буквально «вне берега») появился в США в конце 1950-х годов применительно к финансовым организациям, избегающих государственного налогового контроля путем смены страны регистрации. Таким образом, создаются налоговые гавани с преференциальным режимом и обеспечивается конфедикациональность информации по конечным бенефициарам (выгодоприобретателям).

Большинство оффшорных компаний извлекают прибыль из источников, действующих за пределами страны регистрации. В оффшорах, как правило, судебная система обеспечивает защиту собственности и гарантии от рейдерства. В целом налоговая политика в оффшорных зонах зависит от их местоположения.

Обычно появление оффшоров объясняют укреплением налогового законодательства в западных странах и нежеланием платить налоги со сверхприбыли. И олигархи, выступающие за лидирующую роль капитала в международных делах, начали использовать налоговые убежища для концентрации своих активов. После Второй мировой войны начался быстрый рост мировой экономики, в первую очередь транснациональных корпораций. Именно тогда появился соблазн крупномасштабного сокрытия доходов. Опыт уже был получен во время войны, когда крупному капиталу приходилось скрывать свои сомнительные сделки и финансовые махинации. Но это одна сторона медали. Со временем оффшорный бизнес приобрел новые качества.

Этапы развития оффшорной геополитики

Оффшорная геополитика — захват Западом «зон жизненных интересов» без применения военно-политической мощи в целях овладения финансовыми и производственными активами, получения доступа к природным и интеллектуальным ресурсам государства. Идеология «жизненного пространства», изложенная в «Майн кампф», отдыхает и выглядит детским садом по сравнению с возможностями и эффективностью современной оффшорной геополитики.

На первом этапе, в период «холодной войны», оффшорный бизнес стал составной частью новой геополитики (геоэкономики), которая в отличие от традиционной геополитики делает акцент на экономической мощи государства. Оффшоры стали для Запада форпостом для завоевания мирового экономического пространства. В этих целях Соединенные Штаты и Великобритания позволили отечественным ТНК использовать оффшоры. Форпосты оффшорного бизнеса были созданы в первую очередь в бывших колониях угасающей Британской империи, а также получивших независимость или ставших заморскими территориями Соединенного Королевства и членами британского Содружества: Сингапур, Гонконг, Кипр, Мальта, Гибралтар, Багамы, Бермуды, Британские Виргинские острова, острова Мен и Джерси, Антигуа и Маврикий. А также в странах, зависимых от США (Панама, Либерия, Маршалловы острова и др.).

На втором этапе оффшорный бизнес стал крупным и развивающимся сегментом мировой экономики. В процессе глобализации международных экономических отношений огромные масштабы приобрел финансовый (валютный) рынок. Резко возросла потребность в мобильном капитале. Современные компьютерные и другие информационные технологии сделали возможным централизованное управление потоками капитала в любой географической точке. Появилась потребность в быстром перемещении и аккумуляции «горячих денег». В этих условиях создание оффшорных банковских центров стало своеобразной реакцией субъектов на процессы глобализации и сохраняющиеся ограничения национальных законодательств. В оффшорных зонах владельцы капитала минимизируют издержки и тем самым могут принимать участие в более рискованных и менее прибыльных проектах.

С целью минимизации налогов и защиты частного капитала оффшорный бизнес присутствует практически во всех сферах предпринимательской деятельности. Многие западные банки имеют дочерние филиалы в оффшорных зонах. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), треть мировых банковских депозитов хранится в крупнейших центрах оффшорного бизнеса. Оффшорные банки укрывают около 11,5 трлн долл. Отмена валютных ограничений и введение взаимной конвертируемости ведущих мировых валют предоставили оффшорным банкам возможность обходить национальные ограничительные нормы кредитно-денежного регулирования, вынося денежные операции на рынок других стран. Мощным стимулом для этого явилось расширение деятельности транснациональных корпораций, предъявляющих спрос на источники международного кредита, не связанные национальными ограничениями.

После распада Советского Союза главной задачей третьего и, возможно, завершающего этапа развития оффшорной геополитики стал контроль финансовых потоков и вывод активов из России и постсоветских государств. Эффективность этой геополитики обеспечивалась благодаря доморощенным агентам влияния — физическим лицам и корпоративным криминально-коррупцированными группировкам, занимающимися лоббированием западных геополитических проектов в обмен на легитимность со стороны Запада для себя и своих «семей». Их деятельность, направленная на замену одной геополитической системы на другую, является, с позиций национальной безопасности, разновидностью подрывной деятельности или шпионажа и может привести к распаду государства. Компетенция и масштабы воздействия геополитической агентуры, как правило, превосходят стратегическую разведку спецслужб.

Новые сетевые геополитические технологии позволяют дешево купить часть властной элиты и внедрить новоиспеченных агентов влияния на ключевые посты в государстве самым демократическим путем. Как правило, в цивилизованных странах они квалифицируются как предатели национальных интересов. В этом их принципиальное отличие от изменника родины. Услуги последнего стоят дороже, и его существование требует конспирации. Агенты влияния за пределами Запада часто получают звание «буревестников» или «оплотов» демократии. Они выбираются из физических лиц, страдающих комплексом неполноценности, и служат авангардом местной «пятой колонны». Сюда входят авантюристы и популисты, коррумпированные чиновники и криминальные авторитеты, составившие основу постсоветской элиты «в законе».

Соединенные Штаты являются мировыми монополистами в области информационных технологий. Поглощение многих ТНК американскими компаниями, ставка на высокие технологии, англоязычная среда всемирных сетей, американские стандарты образования и квалификации, другие факторы ставят США вне конкуренции. Значительная часть востребованной информации потребляется банкирами, финансистами и страховыми компаниями в сферах, наиболее слабо контролируемых правительствами. Это позволило Палате представителей Конгресса США подтвердить статус Интернета как всемирной оффшорной зоны. С помощью сетевых технологий стало возможным не только манипулировать сознанием и подсознанием человека, но и выкачивать материальные и финансовые ресурсы у глобальных конкурентов с помощью специального траста (шельфовой компании).

Оффшоры позволили Западу выкачать у конкурентов в Восточной Европе не только огромные ресурсы¹. Оффшорный бизнес эффективно осуществил подкуп государственной власти в странах криминально-коррупцированной демократии. Через подкуп чиновников разлагающе действовал на механизм государственного управления и способствовал ослаблению роли государства на мировых рынках. Особенно в крупных масштабах оффшорная юрисдикция использовалась для доступа к полезным ископаемым. В Соединенных Штатах добычу полезных ископаемых может осуществлять только частная

¹ Болдырев Ю. «Тучные годы», потерянные навсегда. — М.: Вече, 2011.

компания американской юрисдикции. В России допуск к недрам получил оффшорный бизнес, не несущий юридической ответственности за нарушения природоохранного и трудового законодательства. Составной частью оффшорной геополитики является еще одна технология, используемая мировыми финансовыми центрами.

Непорочный бизнес Великобритании

Оншор (*от англ.* — в пределах берега) — финансовый центр в полноналоговой юрисдикции, то есть не предоставляющий налоговых льгот, но позволяющий избежать двойного налогообложения и самое главное — придать большую солидность бизнесу. Кроме Великобритании, оншорная юрисдикция используется в Нидерландах, Дании, Гонконге и других странах. Абсолютным лидером является политически и экономически стабильная Великобритания как одна из мировых деловых столиц, где пересекаются финансовые и материальные потоки Запада и Востока. Не случайно российские бизнесмены, чтобы отбелиться от криминального прошлого, как мухи на липкую бумагу, стремятся в Лондон — столицу Великобритании с высоким международным авторитетом и членством в ЕС. Законодательство Соединенного Королевства позволяет создавать безналоговые компании с «английским лицом», не попадающие в международные «черные списки».

В 2002 году Великобритания законодательно изменила статус «зависимые территории» на «заморские территории» Соединенного Королевства с предоставлением местным жителям полноценного британского гражданства. Среди «заморских территорий» особая авангардная роль в оффшорной геополитике принадлежит Британским Виргинским островам (28 тыс. жителей). Здесь основной валютой является американский доллар. Эта заморская территория Великобритании отличается исключительной политической стабильностью, гарантированной Лондоном, и самой процветающей в Карибском бассейне экономикой, основой которой является оффшорный бизнес и туризм. Британские Виргинские острова являются мировым лидером среди оффшоров и налоговых гаваней. Здесь зарегистрировано свыше 650 тыс., или примерно 40% всех оффшорных компаний мира. Отсутствуют налог на прибыль фирм (корпоративный налог) и налог на доходы физических лиц (подходный налог), НДС и налог с продаж. Этот оффшор отличается фиксированной платой в бюджет, отсутствием отчетности и исключительно привлекателен для экспорта и защиты активов. Законодательство основывается на британской правовой системе и английском общем праве. Высшей инстанцией для обжалования судебных решений является Тайный совет Великобритании.

«Заморская территория» на Виргинских островах дает возможность Западу контролировать процесс отмыwania «грязных денег» в целях манипуляции лидерами тех государств, которые не избежали соблазна использовать «бизнес» на государственных ресурсах в корыстных целях. Можно предположить, что спецслужбы Запада делают все возможное, чтобы сохранить тайну вкладов коррумпированного режима, где правят подпольные миллиардеры. И продлевают им легитимность, если они не мешают выкачивать национальные ресурсы.

Британские Виргинские острова особенно популярны у «новых русских». По положениям Соглашений БВО с Европейским союзом и Организации экономического сотрудничества и развития «Об Обмене информации по налоговым вопросам» (2002 год) конфиденциальная информация не может быть предоставлена третьей стороне, не являющейся членом этих международных организаций. Таким образом, Российская Федерация и постсоветские страны лишены права законным путем получать такую информацию².

Остров голубой мечты

Особое место в оффшорном бизнесе занимает Республика Кипр, где удалось создать модель «экономического чуда» за счет преференций налоговой гавани и развития международного туризма. До принятия Кипра в Евросоюз здесь было зарегистрировано около тридцати тысяч оффшорных компаний с низкими ставками корпоративного налога. Через кипрские оффшоры проходит значительная часть теневого капитала из постсоветских стран. В первую очередь «оффшорный рай» на Кипре стал возможен благодаря неэффективной государственной политике России и Украины, не стимулирующей отечественное предпринимательство и создавшей условия для оттока капитала.

На Кипр приходится 25% оффшорных компаний, работающих с Россией. Ежегодно десятки миллиардов долларов из России исчезают в «черной дыре» кипрских оффшоров, владельцы которых контролируют две трети стратегических предприятий России. На Кипре зарегистрированы фирмы, являющиеся основными акционерами таких стратегических предприятий, как «Норильский никель», нефтегазовая компания «Итера», телекоммуникационная компания «Ростелеком», автомобильный гигант «КамАЗ», инвестиционная компания «Тройка Диалог», железнодорожный оператор «Глобал-Транс» и др. Через оффшоры на Кипре проходит около 90% покупок и продаж акций на бирже РТС. «Ренессанс Капитал» и другие брокерские конторы осуществляют операции на российском фондовом рынке через кипрские офисы. В кипрских банках почти половина иностранных сбережений принадлежала российским гражданам. Многие российские бизнесмены владеют на Кипре крупной недвижимостью и превратили остров в «заморскую» Рублёвку.

Перед вступлением Кипра в ЕС местный оффшорный бизнес стал объектом пристального внимания Гаагского трибунала и других европейских организаций. Были выявлены случаи нарушения режима международных санкций и сделки с сомнительными партнерами. Например, покупка украинской собственности за счет валютной выручки от экспорта ворованного российского газа. В 2003 году Кипр — кандидат на вступление в ЕС — вынужден был избавиться от статуса «всемирной прачечной» и начал предоставлять ограниченную информацию о бенефициарных владельцах российских компаний. Но дальше этот процесс не пошел, об уголовных делах против «русских киприотов» не слышно.

1 мая 2004 года Кипр целиком был принят в Евросоюз. Так как власть Республики Кипр не распространяется на северную часть острова, то законы Евро-

² Захаров А. Британские Виргинские острова и обмен налоговой информацией: есть ли опасность для российских бенефициаров? // Российский налоговый портал. — URL: http://taxpravo.ru/analitika/statya-71700-britanskie_virginskije_ostrova

союза здесь не действуют до урегулирования конфликта. В 2008 году президентом Республики Кипр был избран коммунист Димитрис Христофиас, набравший 53% голосов, ранее, с 2001 года он возглавлял местный парламент. В 1969–1974 годах учился в Москве в Академии общественных наук, где защитил кандидатскую диссертацию по истории, свободно владеет русским языком. С конца 1960-х годов возглавлял Прогрессивную партию трудового народа Кипра (АКЭЛ), которая является правопреемницей местной Коммунистической партии, основанной в 1926 году. На парламентских выборах 2006 года АКЭЛ получила 31% голосов и 18 мест в парламенте. В 2009 году в Республике Кипр состоялись выборы в Европарламент, депутатами которого стали шесть киприотов, в том числе два коммуниста. В идеологии коммунистических и других левых партий есть исключительное преимущество. Эти партии действуют в национальных интересах, а не служат компрадорскому, по своей сущности, крупному капиталу. Забавно, что важным источником процветания Кипра стали «новые русские» из бывшей коммунистической сверхдержавы. Благодарный народ Кипра, возможно, воздвигнет величественный монумент российскому и украинскому правительствам, создавшим в результате имитации рыночных реформ «манну небесную» для процветания острова.

После вступления Кипра в Евросоюз остров был исключен из «черного» списка оффшоров и признан страной, соответствующей международным налоговым стандартам. Кипр потерял славу острова для отмывания «грязных денег» и стал международным деловым и финансовым центром с привлекательной юрисдикцией для ведения честного бизнеса. Значительная часть бизнеса из Восточной Европы стала ориентироваться на другие государства. Примерно до 30% российских компаний бежало с Кипра на знаменитые Британские Виргинские острова или места очень отдаленные, например, в Океанию. Особенно стала популярной юрисдикция островного государства Океании — Вануату (243 тыс. жителей), в столице которого — городе Порт-Вила — действует оффшорный финансовый центр. Местная власть оказалась настолько под впечатлением свалившихся на их голову российских активов, что в качестве ответного подарка признала независимость Абхазии.

Кипр продолжает занимать почетное место в тройке лидеров по уровню капиталовложений в российскую экономику. К 2008 году объем накопленных инвестиций, поступивших в Россию с Кипра и через Кипр, составил более 40 млрд долл. (из общего объема примерно в 200 млрд долл.). После изнурительных многолетних переговоров было подписано соглашение об избежании двойного налогообложения между Российской Федерацией и Республикой Кипр. По новому соглашению кипрский налог на дивиденды остался на уровне 5%, а в России — 15%. В результате отток капитала — вывод прибыли российского бизнеса из России — приобрел новое дыхание.

«Черные дыры» налогового рая

Оффшорный бизнес в постсоветском пространстве

На фоне оглушительного провала создания СЭЗ в странах Восточной Европы стало массовым использование механизма оффшорной юрисдик-

ции³. Россия, Украина и Казахстан, испытывая огромный дефицит инвестиционных ресурсов, «успешно» интегрировались в мировой рынок оффшорных услуг. А Украина, по мнению экспертов, даже находится в числе лидеров по количеству созданных оффшорных компаний⁴.

Контрольные пакеты акций большинства стратегических российских и украинских предприятий принадлежат частным компаниям, зарегистрированным в оффшорных зонах⁵. В зарубежных оффшорах находится более 70% российской собственности и свыше 90% стратегических предприятий. Объектом налогообложения становится лишь незначительная часть их доходов, через оффшоры вывозят продукцию и сырье по заниженным в несколько раз ценам в целях избегания уплаты налога на прибыль. Нефть, уголь, цветные металлы, руда и другие ресурсы в основном экспортируются ниже мировых цен на 30–50% оффшорным компаниям и затем перепродаются по мировым ценам. На оффшорных предприятиях сформировался механизм перевода активов из корпоративной в личную собственность. Только за 2010 год из России через оффшоры было выведено 38,3 млрд руб., а за 20 лет — более 2 трлн долл.⁶ В 2009 году с Украины на Кипр был перечислен в виде доходов примерно миллиард долларов США. При этом ежегодные потери государственного бюджета составляют до 200 млн долл. Это свидетельствует о неблагоприятном предпринимательском климате, отсутствии других механизмов эффективного валютного контроля и желании коррумпированной власти скрыть источники своего «теневого» дохода от «бизнеса» на государственных ресурсах. Финансовая сфера стала важнейшим источником получения сверхприбылей из-за слабого контроля и возможностей нарушения валютного законодательства.

Оффшорный бизнес в постсоветском пространстве в основном превратился в «налоговые дыры» для государственного бюджета и стал особенно привлекателен для резидентов, капитал которых имеет нелегальное происхождение. Оффшорная юрисдикция дает широкие преференции, главной из которых является полная конфиденциальность информации о собственниках. Оффшорные компании, как правило, принадлежат не мелким акционерам, а нескольким физическим лицам. Не всегда доморожденные олигархи являются явными хозяевами бизнеса. Возможно, некоторые из них исполняют роль «шестерок» при настоящем владельце с Запада. Многие фирмы принадлежат крупным чиновникам, пользующимся властной рентой и купившим их на коррупционные деньги.

Российская власть, как правило, не знает реальных собственников стратегических предприятий и вспоминает о них только во время пожаров, ката-

³ Хейфец Б. Оффшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. — М.: Экономика, 2008; Кричевский Н., Иноземцев В. Экономика здравого смысла. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2009; Кричевский Н. Свобода оффшорам. — URL: <http://www.apn.ru/publications/article21639.htm> \$ Оффшоры на глазах // Время новостей, № 207, 12 ноября 2010. — URL: <http://www.vremya.ru/2010/207/4/264805.html>

⁴ Гетманцев Д. Инициативы G-20 вынуждают задуматься о смене юрисдикции // Зеркало недели, 30 апреля 2009; Святненко А. Зоны налогового рая не теряют популярности // Зеркало недели, 30 апреля 2009.

⁵ Дергачев В. Черные дыры налогового рая. — URL: http://dergachev.ru/geop_events/270609.html

⁶ URL: <http://www.spravedlivo-online.ru/content/news/SER1.php?news=20670>

строф, терактов и кризисов. Только после теракта в международном аэропорту «Домодедово» и вмешательства российского президента удалось установить имя собственника предприятия, имеющего исключительно важное стратегическое значение для обеспечения безопасности и обороны государства. Во время мирового финансового кризиса Кремль вынужден был оказывать государственную помощь стратегическим предприятиям, которые не являются отечественными, зарегистрированы вне налоговой территории страны.

Руководство оффшорных компаний заинтересовано не в стабильности отечественной экономики, а в гарантии безопасности собственных активов. Государственная статистика скрывает реальное положение дел и включает выведенные активы в макроэкономические показатели страны, в том числе при расчетах ВВП на душу населения. Поэтому для стран с высоким уровнем коррупции и вывода активов за границу в Экономическом ежегоднике ЦРУ рассчитывается фактическая, а не фиктивная макроэкономическая статистика.

Аналитики акцентируют внимание на статистических расхождениях в оценке объемов экспорта между «братскими» славянскими государствами — Россией, Украиной и Белоруссией в несколько миллиардов долларов, оседающих на счетах оффшорных компаний. Используются криминальные схемы завышения объемов экспорта, чтобы получить большее возмещение НДС из государственных бюджетов. Например, по данным белорусской государственной статистики, в 2010 году на Украину было официально поставлено 2,2 млн т нефтепродуктов. Фактически, с учетом оффшорных схем, объемы поставок были значительно выше примерно на 5 млн т, которые ушли в неизвестном направлении через оффшоры.

Украина экспортирует ежегодно до 12 млн т зерна. Министерство аграрной политики выбрало компанию «Хлеб Инвестстрой» в качестве государственного оператора по экспорту зерна, таким образом отодвинув от власти крупных зернотрейдеров. Аграрный фонд продал в 2010 году по заниженным ценам весь неприкосновенный запас продовольственного зерна (1,1 млн т) приближенным к власти зернотрейдерам. Зерно продавалось по 120 долл. за тонну, тогда как фирмы-посредники и оффшоры (Ангилья в Британской Вест-Индии, Вануату в Океании) перепродавали его на международном рынке по 300 долл.⁷ При этом все расчеты ведутся через оффшорный банк в Риге. Кстати, оффшор в Вануату зарегистрирован на имя жителя экзотического острова.

В 2011 году правительство Украины озвучило идею ликвидации «оффшорной дыры» на Кипре. Украинское правительство намерено внести соответствующие изменения в Налоговый кодекс. Однако правительство Республики Кипр не проявляет заинтересованности в заключении нового соглашения об избежании двойного налогообложения.

В 2008 году в Казахстане был арестован генеральный директор одной из крупнейших, но ставшей убыточной нефтегазовой компании «Мангистаумунайгаз» (Актау), выводившей активы через оффшоры. Совладельцем предприятия была малоизвестная индонезийская фирма CentralAsiaPetroleumLtd, а ее владельцем — британский металлургический король индийского происхожде-

⁷ Пираты зернового моря // Зеркало недели, 11 марта 2011. — URL: <http://zn.ua/articles/77180>

ния Лакшми Миттал. В апреле того же года во время визита президента Казахстана в Китай было подписан договор о выделении кредита Казахстану на сумму, составляющую более половины республиканского бюджета, — 10 млрд долл. И одновременно заключено соглашение об участии Китая в нефтяном бизнесе. «Индонезийская» фирма была перерегистрирована как оффшор на Британских Виргинских островах с 50%-ным долевым участием компании «КазМунайГаз», принадлежащей дочери и зятю казахского президента, и китайской нефтяной компании PetroChina. Данная сделка в 2,6 млрд долл. финансировалась через Экспортно-импортный банк Китая⁸.

Оффшоры обескровили экономику России и многих постсоветских государств. Но обвинять бизнесменов в отсутствии патриотизма не приходится. Местная власть не смогла создать благоприятный деловой климат для отечественных предпринимателей, и оффшоры часто создаются для защиты своего бизнеса и недвижимости. Бизнес также стремится в оффшоры, чтобы защитить свою собственность от коррумпированной власти. Имитация борьбы с коррупцией только увеличивает аппетиты чиновников. Происходит космополитизация капитала и отмывание «грязных денег» в оффшорах. В условиях перманентной политической нестабильности в коррумпированных государствах невозможно остановить вывод активов. Чтобы защитить свой бизнес в Российской Федерации, предлагается, например, приобрести оффшорную компанию на Сейшельских островах стоимостью 1350 долл., счет в Рижском банке за 350 долл. и скидку в 100 долл. А желающим защитить свою недвижимость предлагается следующий пакет стоимостью в 2950 долл.: оффшор на Британских Виргинских островах и счет в кипрском банке.

Российская власть опасается бороться с оффшорным бизнесом высокопоставленных чиновников и прокремлевских олигархов, так как может рухнуть созданная с большим трудом вертикаль «управляемой» демократии. Вместо реальной борьбы с выводом активов предлагается проект создания международного финансового центра в Москве. Для чего требуется укрепление рубля, который пока не может похвастаться безупречной кредитной историей. И инфраструктура Москвы, особенно транспортная, не отвечает требованиям даже международной региональной столицы.

«Демократические» криминально-коррумпированные протектораты

Колониальная эпоха давно завершилась, но в результате цунами бездумной демократии и оффшорной геополитики расколотое постсоветское пространство постепенно, но уверенной поступью трансформируется в протектораты. Протекторат (*от лат.* — защитник, покровитель) — форма межгосударственных отношений, при которой одна страна оказывается в полуколониальной зависимости во внешней политике от мировой или региональной державы, а местная коррумпированная власть сохраняет относительную автономию по поддержанию порядка и жизнеобеспечения граждан, за что получает легитимность на Западе.

⁸ Конец черного бизнеса оффшорных дыр (в Казахстане)? — URL: <http://www.nomad.su/?a=13-200806180810>

Впервые после завершения колониальной эпохи появился новый эффективный тип протекторатов — государства криминально-коррупцированной демократии с компрадорской буржуазией и властью, ставшей дешевой марионеткой Запада⁹.

Уход финансовых ресурсов и активов отечественных предприятий в оффшоры является одним из механизмов внешнего управления и создает фундамент для периферийной экономики, обслуживающей золотой миллиард. Когда накопление богатства у доморощенной элиты «в законе» становится самоцелью, абсолютно невозможна экономика, направленная на расширенное воспроизводство и создание общественных благ¹⁰.

Главным достижением последнего десятилетия стало формирование новой мировой периферии на постсоветском пространстве, где завершается создание протекторатов Евросоюза, США и Китая. Страны Балтии (бывшие советские республики) стали протекторатами ЕС. В надежде понравиться своим новым хозяевам местные националисты зашли так далеко, что стали вызывать раздражение у Брюсселя. Белоруссия из-за финансового кризиса все больше склоняется стать протекторатом Китая, не думая о последствиях такого шага. Минск мог бы предварительно проконсультироваться у вьетнамских товарищей на эту тему. Центральная Азия (бывшие среднеазиатские республики) не только находятся в зоне «жизненных интересов» Китая, но и успешно осваиваются китайским бизнесом. Грузия стала «примерным» протекторатом США на Кавказе.

В отношении России в западных СМИ множество публикаций и страшилок о коварном русском медведе, который спит и видит страны ближнего зарубежья в качестве протекторатов России. Это большое преувеличение, так как Россия де-факто уже сама становится протекторатом Запада и Китая¹¹. Для того чтобы эффективнее выкачивать интеллектуальные ресурсы, создается протекторат «Сколково», где будут созданы все условия для иностранных ученых. Тревоги украинских националистов оказались напрасными. «Братья славяне» из Москвы и Киева успешно осуществили деиндустриализацию и стали сырьевыми протекторатами, создав для этого исключительно эффективную модель криминально-коррупцированной демократии.

Согласно 40-летнему геополитическому циклу Россия и новые независимые государства постсоветского пространства «успешно» осуществили первую стадию геополитической трансформации, заложившей устойчивые тенденции дальнейшей деградации. «Буревестники» демократии и олигархического капитала уже давно готовят запасной аэродром по ту сторону от павшей Берлинской стены на случай, если демократия будет выплескиваться через край обещаний об очередном светлом будущем и если нагрянет очередной бунт, осмысленный, но беспощадный. Места возможного бегства уже определены. Здесь будет лидировать Лондон, где уже нашли пристанище выходцы из России и Украины и получили почетное английское гражданство за выдаю-

⁹ Дергачев В. «Демократические» криминально-коррупцированные протектораты // Портал «Институт геополитики». — URL: http://dergachev.ru/geop_events/140611.html

¹⁰ Катасонов В. Погружение в хрематистику // Литературная газета, 15–21 июня 2011.

¹¹ Дергачев В. Верной дорогой к китайскому протекторату в России. — URL: http://dergachev.ru/geop_events/251109.html

щийся вклад в разорение своих государств. На втором месте по привлекательности — города-курорты со средиземноморским климатом: Лимассол (Кипр), Монако и Ницца (Лазурный берег Франции), Лозанна и Монтре (Швейцарская Ривьера), Майями (Флорида, США) и Брисбен (Австралия).

Международная борьба с отмыванием «грязных денег» ведется избирательно. Многие оффшоры стали прибежищем для отмывания «грязных денег», для ухода от налогов и превратились для ряда государств в «черные дыры» экономики. Практика перевода капиталов за границу с целью уменьшения налоговых выплат настолько распространилась в 1990-е годы, что вызвала необходимость принятия решительных мер на международном уровне.

В мировых СМИ часто обсуждаются проблемы оффшорного бизнеса, когда речь идет о возможном ущербе для национальных экономик Запада. За жесткие меры выступают Соединенные Штаты, отслеживающие банковские счета американцев по всему миру. Европейский Союз ведет непримиримую войну с оффшорами, которые уводят активы из стран Старой Европы. Но нет даже малейшего порицания в отношении оффшорного бизнеса российских и украинских олигархов и коррумпированных чиновников. И это притом, что, по оценкам экспертов, около 40% их активов хранится в оффшорах. Тогда как в США и Японии эта доля не превышает 2%, а в Евросоюзе — 10%. Запад ведет непримиримую борьбу с оффшорами, если туда уходят активы из США и Западной Европы. И, наоборот, закрывает глаза на оффшоры, через которые активы идут в страны ЕС. В отношении Востока используется оффшорная геополитика, создающая коридоры для выкачивания активов и ресурсов, в первую очередь из стран криминально-коррумпированной демократии.

В 2009 году на саммите «Большой двадцатки» были декларированы намерения усилить борьбу с оффшорным бизнесом. ОЭСР опубликовала списки стран, не соответствующих международным налоговым стандартам. Усилия высокоразвитых государств не вызвали заинтересованности в ликвидации оффшорного бизнеса у других небогатых стран. А без взаимовыгодного сотрудничества бороться с оффшорным бизнесом бесполезно. Поэтому вместо победы над злостными неплательщиками налогов усилился отток свободного капитала на экзотические острова в Атлантике и Океании. Несмотря на положительные тенденции в борьбе с «пиратскими» «черными» оффшорами, сохраняются юрисдикции, позволяющие легализовать огромные капиталы криминального происхождения (Маршалловы острова, Либерия, Вануату и др.).

Выводы

Впервые в истории создан новый «демократический» тип криминально-коррумпированных протекторатов, которые становятся надежным сырьевым придатком Запада и Китая. Новая мировая периферия формируется не в результате конспирологического заговора и военной агрессии Запада, а «демократическим» путем. В результате оффшорной геополитики экономика России и большинства постсоветских государств оказалась под внешним управлением, а страны успешно превращаются в мировую периферию (сырьевые протектораты).

Оффшоры используются как главный инструмент «братания» государственного, крупного частного и иностранного капитала, высокопоставленных коррумпированных чиновников и политиков. Использование налоговых гаваней в условиях коррумпированной власти нанесло огромный ущерб России и постсоветским государствам и одновременно обогатило элиту «в законе», повязанную с криминальным оффшорным бизнесом для избранных. Если в настоящее время граждане постсоветских стран только гадают, какими собственниками стали «последние оплоты демократии», то в обозримом будущем это станет явью.

Наиболее эффективным способом борьбы с оффшорами остается создание благоприятного инвестиционного климата в отечественной экономике, способствующего легализации вывезенного капитала. Особенно это актуально для таких стран, где испытывается дефицит заемных средств и одновременно из-за фискальной политики происходит отток капитала за границу.

В России, Украине и других постсоветских государствах необходимо принять законы об отказе использования оффшорной юрисдикции для стратегических предприятий. Они должны содержать механизмы их возвращения из оффшорных зон, исключающие впредь их вывод из-под отечественной юрисдикции. Но для этого нужна, прежде всего, политическая воля.

Евгений ВЕРТЛИБ (Франция)

РОССИЯ И ГЕОСТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

По девизу страны можно составить представление о нации. Если у православно-русской цивилизации — «С нами Бог», то у бриттов — служение делу: «Pledges into Progress» («Выполнение обязательств»). Американцы — троякообразны: у них сразу три официальных девиза «*In God We Trust*» («В Бога мы веруем»), «*E Pluribus Unum*» («Из многих — единое») и «*Novus Ordo Seclorum*» («Порядок новой эры»). Заметим: Бог не «при них», а вроде абстрагированной субстанции субъект верования, причем Богово дано все — наряду с «новым мировым порядком» и маловразумительной абстракцией — «Из многих — единое».

Лозунг хиромантии: как на ладони, видны на нем бороздки судьбы страны. Взять Францию с ее масондекларационной триадой «Свобода, равенство, братство» («Liberte. Egalite. Fraternite»). Этими призывами французам удалось в свое время сбить с толку европейцев — раскачать устои конкурирующего недруга — Австро-Венгерскую империю, но и ныне самой напороться на то, за что боролись: заикленность на «правах человека» довела Францию до фактического статуса... арабо-халифатного протектората. Конечно, и в России ныне не Богопорядок консолидации нации под знаменем Уваровской триады (Самодержавие — Православие — Народность)...

«Поавгурим» же — оценим Англию по имперскому полету — позиционированию себя и делам. Что есть Великобритания? Это бывшая владычица морей, нынешний интеллектуально направляющий «клюв» англосаксонского неоглобализма и вечная монетарная наднационально-всемирная империя. В XIX веке Англия была главным противником России. Напряженные отношения между ними изображались, как битва медведя с китом. По аналогии с Ветхозаветными персонажами: там чудо морское Левиафан сражается с земным гигантом — Бегемотом. «Острый плавник» Океанья дырявит брюхо Землянина с «закрученными рогами». Пасть Бегемота удушающе зажата плавниками Левиафана — как пророчество о реальности: Евразийский континент блокирован с моря «петлей Анаконды» (термин Мэхена). Так и Россия, поражением в «холодной войне» выбитая из большой геополитики, старается не упустить хотя бы региональное солидество с Китаем, выходя из коматозного состояния «лихих 1990-х годов».

Стратегически дивидендна «дислокация» Англии. Ведь уже Аристотель сознавал островное преимущество: «Крит по своему положению предназначен

для господствующего влияния на Грецию». При ограниченности сухопутного пространства и материальных ресурсов (недостаток лесов, топлива — вынужденность ввозить железо из России), сравнительной тогда малочисленности войска (Отто фон Бисмарк сострил: ежели британская армия вторгнется в Германию, он прикажет местной полиции ее арестовать) — Англия крепнет морем. Здоровый авантюризм островных бриттов обогащается идеей «англосаксонской исключительности». Ее принесла элита германских племен — ютов, орд англов и саксов, вторгшихся в V–VIII веках на территорию нынешней Англии и применивших там к местным кельтам это чванливое высокомерие. Та племенная объединенная общность и есть «англосаксы», или просто — «саксы», либо, на шотландский манер, «сассенахи». Сами себя захватчики стали называть «англичанами» (знатные англы возглавили переселенцев). Другие — «англосаксами», подчеркивая геополитический национально-расовый контекст претензии на «естественное лидерство». Затем более высокоразвитые континентальные нормандцы, вторгшиеся в Англию в XI веке, доформировали единую нацию современных англичан.

Любопытна историческая ремарка уверования в миф, как в истину. Эксперт вопроса генерал С.Печуров к такому относит идею Томаса Джефферсона поместить на Большую государственную печать США образы героев англосаксонского эпоса — братьев Хенгиста и Хорса, приглашенных в V веке вождем одного из кельтских племен (бриттов) в Англию для помощи в защите от других претендентов на местную власть. Увековечивают «первопечатно», переиначивают истину и героизируют фикцию — ведь эти «герои», прибыв с мощным отрядом сопровождения, перебили элиту кельтского племени и фактически санкционировали насильственную колонизацию. Варяги-конквистадоры! И германцы дремучих лесов тогда были не более социально-демократически организованы, чем вытесняемые якобы «расово отсталые кельты». Как видно, «расовый дарвинизм» вошел в плоть и кровь британской нации и осел в науке. Ч.Дилке в книге «Более великая Британия» (1868) откровенно писал о том, что «саксы завоюют Африку, Китай, Японию и Латинскую Америку... другие же так называемые великие державы будут низведены до уровня пигмеев».

Наукообразная аргументация «богоизбранности» британцев сработала в создании стратегически важнейшей концепции, заключенной в тезисе Эндрю Карнеги: **единственным путем устранения опасности войн является всеобщее англосаксонское доминирование в мире.** Миссионер-грабитель? «Где-то в глубине сердца каждого англосакса скрыт инстинкт грабителя его предка викинга, инстинкт, который за тысячи лет... так и не был утрачен!» — свидетельство писателя Ф.Норриса. Идея американо-британского господствующего порядка — как панацеи от всех бед — пестуется либерал-сообществом и антирусской «пятой колонной». «Мы народ, который где бы ни жил, не изменит своим жизненным принципам и, более того, заставит окружающие его народы жить по своим устоям», — горделиво произносит почтенный сэр Вальтер Бесант.

Как бы то ни было, а с помощью трубодуров национал-прагматизма за 15 лет конца позапрошлого века территория Британской империи увеличилась на треть, к началу XX — пятая часть планеты управлялась из Лондона, а ныне при дележе дивидендов с США — всей монитарной планетой.

Идеологическое подспорье англосаксонскому доминированию от «перво-человека» содержит идея левиафано-могущественного государства («смертный Бог») у философа Томаса Гоббса. В этакое госмонстре постулируется естественный человек и нормой является зоологика борьбы за выживание под лозунгами: «*Nomos homini lupus est*» («Человек человеку волк»), «*Bellum omnium contra omnes*» («Война всех против всех»). Под страхом истребления люди там отказываются от части своих «естественных прав» и веряют судьбу воле государства. Не та ли самая реал-политика англосаксонов ведется и ныне в отношении «изгоеобразных» стран — определяемых по схеме «*the West and the Rest*» (Запад и Остальные)? Чтобы тебя признали «суверенной демократией» — не цепляйся за свои границы, поделись национальными богатствами, «равновыгодно» партнерь себе в ущерб... Горько, да истинно сказано: «Англия, конечно, будет заботиться о сохранении мира, пока малых государств будет достаточно для раздела».

В «Тайной истории Европейского союза» Тьерри Мейсана Европа не что иное «как созвездие государств, приглашенных сотрудничать между собой и поместить часть своих промышленных ресурсов под контроль наднациональной инстанции, более или менее очевидно руководимой англоязычной империей». Сбывается мечта министра колоний Дж. Чэмберлена: «наступит время, когда все человечество будет делиться на три класса: на американцев, англичан и иностранцев». «Британцы, — уверен английский историк Э.Робертс, — переселились за Атлантику, чтобы продолжить свое мировое господство, они инкорпорировали свое постимперское величие в современный американский исторический проект» — привнесли свой «островной» менталитет, с «жаждой земли» и страхом недостатка жизненного пространства.

К обоснованию англосаксонского «нутряного» превосходства можно отнести и мысль философа Карла Шмитта о геополитическом соперничестве стран Суши (Дом) и Моря (Корабль), как столкновении их враждующих производных — различных ментально-цивилизационных типов. «Домопроектные» — устойчиво фиксированы, религиозно фундаментальны, сущностно консервативны, укладно традиционны, героичны и жертвенны, с приоритетом общих целей над частными... В отличие от них, «морепродуктовые» — свободолобивы, демократически предопределены, динамично прогрессирующие... Суровый и непостоянный морской «Номос» (синтез географических, геополитических и геокультурных факторов) изменчиво «текуч», гибко динамичен, «внедогматично» нацелен на выгодную целесообразность — по параметрам чем не отстраиваемая ныне «постгеополитическая», якобы неконфронтационная «едино-всеобщая» цивилизация вестернизированного постмодерна?

Понятно: такая радикальная трансформация мира невозможна без предвзятительной переделки «нереформируемых» — мутации христианской духовности, вытеснения православной цивилизации. На что и нацелена идущая ныне информационно-психологическая обработка России.

Если кто и отождествляет Левиафана с Сатаной, то не англичане: именем этого чудо-юдо названы ими корабль «*Great Eastern*» и крейсерский танк «Комета» модели Mk1. Хотя очевидно подавляющее превосходство сил Океана (Германия «денацифицирована», Центральная Европа зачищена, победа в «холодной войне», управляемый распад России, отсутствие противостоящего

Анлантизму центра силы, системные угрозы и вызовы, не дающие нации сосредоточиться...), все еще гипотетически допустим любой из вариантов исхода поединка Океан-Континент: 1) они порешат друг друга; 2) Господь пошлет Михаила и Гавриила прибрать к рукам обоих; 3) останется все как есть: ни войны, ни мира, с детантно-resetными поползновениями. Ведь в некоторых апокрифах (3-я кн. Ездры VI, 15–24; Енох LX, 7–8) сказано, что «Левиафан должен быть подругой Бегемота, и Бог разлучил их, оставив Бегемота на суше, а Левиафана отослав в морскую пучину, чтобы они вместе своим весом не повредили арки, на которых покоится земля».

Тесен шарик земной, как двум медведям — одна берлога. Видимо, не возражала бы природно агрессивная «Леофановна-амазонка» загнать «дружка» в позицию самоуничтожения. И с помощью стратегии сюрпляс (фр. *surplace* — на месте; термин велогонки) — побудить противника совершить непоправимую ошибку — двинуться вперед, а самому занять выгодную позицию сзади — как бы расстрельно пристроиться в хвост, атаковать с незащищенного тыла... Чем не стратегия бескровной победы во многоходовом поединке интеллектов, воля и выдержек? Трескотня же о якобы «конце геополитической эпохи» — это демагогия. «Агрессия на протяжении столетий является единственной формой общения Запада с внешним миром, — пишет англичанин Альфред Тойнби, — хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами».

Британская внешняя политика опирается на черчеллеву концепцию «трех окружностей»: роль Англии в качестве главного партнера США, лидера Содружества наций и главной западноевропейской державы. Англия и США — одного родового древа. Хотя культурно разные, но геополитически единоконгломератны. Североамериканская нация отпочковалась от королево-центричной Британии и проросла сквозь аристократические традиции в свою уникальную прагматическую идентичность. Разнятся их ментальные особенности. «Прежде всего — это разные горизонты мышления, где такие понятия, как утонченность и сдержанность, «невидимы» для многих американцев, а «жесткий разговор» (наследство ковбоев и гангстеров), «штампы», заидеологизированность или определенный набор преувеличений (с целью упростить и сделать мыслительный образ более четким), в определенной мере хвастовство и плебейское высокомерие лишены того смысла для англичан, который они имеют для американцев», — констатирует Н.Татаренко. Как колонизатор скончавшись, Британия остается монетарно-стратегической аналитико-направляющей силой. Сошлемся на политика Линдона Ларуша: «Британская империя не является империей британской нации над другими нациями. Британская империя, расположенная в финансовом центре Лондона, куда она переместилась из предыдущих имперских центров, непрерывно существует со времен Пелопонесской войны и является частью Европейской цивилизации. Смысл империи заключается в том, что частные банковские интересы контролируют мировую финансовую систему. Лондон не принадлежит британскому народу, а выступает штаб-квартирой этой империи».

В этом заключается проблема. Единственной мировой державой, которой под силу справиться с этой проблемой, являются США, как другая монетар-

ная империя. Однако, несмотря на попытки, предпринятые Ф. Рузвельтом в данной связи, Британская империя продолжает свое существование и по сей день». «Британский космополитизированный капитал, как викинг, не страшится опасных, рискованных предприятий. Он имеет много шансов проиграть, зато, выиграв, не довольствуется малым, а желает всю ставку. Ему мало иметь денежный рынок, ему нужен полный контроль над ним (для верности)», — поясняет И.Шкловский рискованно-максималистский «викинговый» характер британского бизнеса.

Контроль над Евразийским островом — ключ к мировому господству.

Могущественные транснациональные олигархические кланы определили «светлое будущее» всего человечества, а академики придали ему для большей убедительности научно-теоретическую базу и форму. Своих геополитических конкурентов англосаксонство не щадит. Заарканить и запартнерить на смерть советскую экономику была призвана уже прошловековая «трехсторонняя комиссия для осуществления постепенных попыток слияния экономик США и СССР» (это — зарубить на носу осваивателям «стандартов» НАТО и пр.). Для охмурения народов создается пойло крепче все растворяющей царской водки: реанимировали германскую «теорию больших хозяйственных целых», вспенили ее мыслями геополитиков Челлена и Хаусхофера (идеей о том, что малые страны якобы экономически нежизнеспособны и что единственный, мол, выход для «малых народов Европы» — добровольный отказ от «экономического суверенитета»), о передаче наднациональным мафиозно-олигархическим кланам (мандаты или доктрина Монро). Вот и вся свобода «эффективной демократии» — тотально-глобальная англосаксонизация отдельно взятой планеты. Управляемый хаос дестабилизирует намеченные для утилизации-«демократизации» государства. Постсоветское пространство планомерно заряжается протестной атрибуцией и детонацией социума по «североафриканскому сценарию» (Сорос спонсирует на Украине хаос).

Не о такой ли жестко-жесткой переделке мира и предупреждал стратег З.Бжезинский? «Мы переживаем не обычную революционную эпоху, — писал он в работе «Америка в технотронной эре» (1968). — Мы вступаем в фазу новой метаморфозы в человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана Французской или Большевицкой революциями... В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами».

Как утверждает разведчик-нелегал генерал Юрий Дроздов в книге «Операция Президент. От «холодной войны» до перезагрузки», все ужасное для России только начинается: «Мир вступил в фазу наиболее опасного противостояния — цивилизационного. Цена поражения в этом противостоянии — полное исчезновение с лица Земли одной из цивилизаций»... Как не трудно догадаться, обречена на исчезновение прежде всего русско-евразийская супротивная Западу цивилизация (вот ее, вместе с армией, и реформируют до гибели) — важнейший трофей — открытые врата к завершению победой миссии 500-летнего доминирования Атлантизма в мировой политике.

Все сходится к тому. По «Концепции конца истории» Фукуямы — торжество либеральной философии вкупе с рыночной экономикой суверенных

демократий — идеал, далее которого нет пути развития. А поскольку всему остальному миру еще предстоит долгое историческое движение со всеми вытекающими издержками — им уже сейчас необходимо делегировать права управления собой «постисторическим державам». Голландский ученый, лауреат Нобелевской премии Ян Тинберген прямо говорил: «Обеспечение безопасности нельзя отдать на усмотрение суверенных национальных государств... Мы должны стремиться к созданию децентрализованного планетарного суверенитета и сети сильных международных институтов, которые будут его осуществлять...»

Глобальная структуризация и иерархизация мира при одновременном упразднении суверенитета национальных государств откроет единоконтрольному мондиализму беспрепятственный доступ ко всем природным ресурсам планеты и тотальному человекоуправлению. Это нецивилизаторство глобалистики «не берет холера»: оно иезуитски-внеэтично, как перемол в себе рационального зерна географического детерминизма, социал-дарвинистской теории вечной борьбы всех против всех в международных отношениях, тевтонско-римского культа силы и результаты экспериментальных опытов по генной инженерии, управлению сознанием *homo sapiens* и *homo rus...*

Наследники Мефистофеля. Аргументационная подпитка обильна: сотни трудов, таких, как Н. Спикмена «Американская стратегия в мировой политике» (Spykman N.J. *America's strategy in world politics*, 1942), «География мирного устройства» («*Geography of the Peace*», 1944), Хантингтона «Главные движущие силы цивилизации» (Huntington E. *Mainsprings of civilization*, 1945)... Это — лаборатория выработки вектора направленности геополитического планирования универсальной цивилизации мондалистского порядка в индивидуалистской свободе. Конфигурация англосаксонского доминирования модифицирует и целеопределяет геополитическую акцентировку: традиционная уступает место геоэкономике, которая, в свою очередь, пропускает впереди себя геофилософию. Геополитической потребой ныне **ЕДИНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ** является «возможность целенаправленно управлять массовым сознанием и поведением людей». Психозомбирование лидеров, истеблишмента, «толпы» с позиции «естественного отбора» ценностей и приоритетов — во имя служения одной «общей цивилизации».

Россия Путинская — «чекистски совковая» — враг номер один. Еще бы: с этим лидером РФ начала приподыматься с колен. Что расценили как опасный синдром имперского наката — как нарастание снежного кома с горы... того и гляди — Запад погребет под собой. Прямо как С.Анерсон аккумулирует отношение англосаксов к России на рубеже XIX–XX веков: «Трудно выразить словами ужасающее впечатление, которое производил на британцев и американцев Русский колосс. Они рассматривали экспансию Российской империи как почти космическое явление, несущее в себе гигантскую стихийную, непреодолимую силу, которая затрагивает всех и каждого, кто становится на ее пути. Будь то государственные деятели или философы, все они сравнивали русскую экспансию с движением ледника, вышедшего с Севера и ежегодно увеличивающегося в объеме и набирающего все больший вес».

Кстати сказать: тогда Российская империя, втрое уступая Англии по объе-

му производства промышленной продукции и имея на вооружении всего 15 паровых судов против 115 у англичан, наступала на пятки экспансирующей Англии. И при этом никто не ставил под вопрос статус России как великой державы (не то, что ныне). Как верно сказано: несмотря на то, что проигранная Крымская война и «украденная» (по результатам Берлинского конгресса) победа в русско-турецкой войне и остановили формально продвижение русских на юг. На Западе всерьез опасались, что Россия в один прекрасный день, наплевав на договоры, всей своей мощью устремится в этом «чувствительном» для Европы направлении, как она это сделала на обширных азиатских пространствах.

Бритто-снобизм лепит облик россиянина желчью и геополитическим страхом перед «русским медведем». Скособоченным выходит «типичный русский мужик»: скрытный, индифферентный, непредприимчивый, суеверный, набожный, ленивый, «идиотообразный» (христосообразный, «не от мира сего», как князь Мышкин), лгуний фантазер (как «кремлевский мечтатель», или Ноздрев). «Раса славян, с одной стороны, невежественная, вялая и раблепная, а с другой — характеризуется терпением и мужеством. Славяне имеют склонность к подчинению, приемлют внешнее управление и в то же время обладают большим энтузиазмом и нестигаемой волей». Из-за совокупности этих черт русские крестьяне, будучи мобилизованы, якобы с легкостью подчиняются командирам и превращаются в «нерассуждающий» мощный кулак военной машины страны. Уж если такие солдаты пришли в движение, благодаря своему терпению, стойкости и беспрекословному повиновению, их уже невозможно остановить.

Два типа миссианства — расовое англосаксов и соборно-православно-русское — не могли не столкнуться. Русско-японская война была следствием сложной многоходовой игры Лондона, центробежно-стремительного натиска англосаксонства «руками» Японии — по вытеснению за скобки истории «заклятого расового врага» — России с Западного геополитического оперативного пространства.

Для беспредельщиков западного личностного эгоцентризма совесть — химера. В этом посыле кроется сущностный неразрешимый конфликт западных верований с русско-соборной истиной. Достоевский в «Преступлении и наказании» искушает наполеонгордынным прельщением совести Бого-человеческое в Раскольникове. Однако сей «недоучившийся студент» дьявольским искусом выверяет в себе Божьетворные пределы. Терпит фиаско проба на нормативную якобы всеобщность наполеонизма — отторжение православным сознанием прививки протестантски-ценностного личностного «прогресса» вне Бога. Принципиально разнятся между собой духовные экзистенции англичан и русских. Русь Христа, по «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, — воитель против «идольской лести» запретительного Моисеево-Ветхо-Заветного законничества, противопоставленного Ново-Заветной Евангельской благодати. «Не вливают ведь, по слову Господню, вина нового учения благодетельного в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе» (с разгромом Хазарского каганата Русь приняла христианство)... Закон дан «на предуготовление истине и Благодати» — на добротворение. В «Русской Правде» — первом своде законов Древней Руси — нет вообще термина «закон», а есть только «правда»

и «суд». Антитеза рабского Закона и свободной Благодати идеологически выражается в противостоянии русской Веры и Правды формальному законничеству. Правда ассоциируется с «судом правым» (правосудием), истинным, «правым делом». Ныне, когда псевдохристинством размыты границы между православием и ересью — самое время «испытывать духов: от Бога ли они?»: отделить истину от лжи и напомнить о долге «стязания с Латиною» — о принципиальной разнице между православием и католичеством.

«Чем православная вера отличается от западных исповеданий?» — вопрошает архиепископ Антоний (Храповицкий). И отвечает: «Все заблуждения Запада коренятся в непонимании христианства, как подвига постепенного самоусовершенствования человека». Не разумеют истины, что христианство есть религия аскетическая, учение о постепенном исторжении страстей и усвоении добродетелей — возведение личности к совершенству через врачевание греховности. Подвиг сей — через покаяние к спасению. В отличие от православия, католичество, по славянофилу А.С.Хомякову, изменяет началу свободы во имя единства, а протестантство — наоборот. Только православие осталось верным духу христианства, являясь гармоничным сочетанием единства и свободы в принципе христианской любви; католичество же, в силу особых условий своего развития, прониклось рационализмом, отвергнув соборное начало; **протестантство лишь развивает католический рационализм, ведущий от единства к свободе**. Европа приняла христианство в рационально-юридической форме римского католицизма: строгая правовая кодификация, папоцезаризм, схоластика. Запад, как утверждает А. Казин, свел вечность ко времени, онтологические ценности — к инструментальным, соборность — к индивидуализму. Бесспорным достижением европейской цивилизации стал суверенный индивид как субъект права и культуры, однако утрата таким субъектом субстанционального (классического) духовного содержания привела его к опасным экзистенциальным опытам со свободой, вплоть до союза с Мефистофелем (Фауст). Прав был Ницше: для новой Европы Бог умер. Стратегии Запада сделали ставку на сакрализацию «успешного» человека на земле — «грешном раю» — что есть утопия и нравственный коллапс культуры с позиции русского видения.

Динамика западной «кривой» прогрессии возможна только за счет глобального информационно-функционального подчинения всего не-Запада стратегиям «открытого общества». Что и осуществляет Запад в мировом масштабе. В противоположность этому нормативному экспансионизму, русский ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ представляется истинно вольным во Кресте (а не самоценно властолюбивым эгоцентриком без Креста) — способным согармонизованностью с Богом явить заблудшему миру русский альтернативный путь спасения. Потому русская духовная сущность бесит непрошенных «цивилизаторов» славянства. «Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада, — пишет историк Арнольд Тойнби, — из-за своей упрямой приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточно-православного христианства».

Лукавит сей маститый британец. Не сам ли Запад в течение полутора тысячелетий был периферией Византии — культурной Мекки мира и духовной

матери России?

История Запада как духовно-цивилизационной реальности начинается с XV века, когда эпоха Ренессанса обозначила собой движение от геоцентризма к антропоцентризму. Отрицание Западом русской духовной экзистенции связано, как утверждает прекрасный культуролог Наталия Нарочницкая, с разным отношением к сути христианства — преодоление искушения хлебом и властью и заповеди Блаженств. Разное понимание человека и Божественного замысла о нем на Земле проявило разные толкования свободы — «от чего» (отсутствие ограничений) на Западе, «для чего» (зачем нужна свобода) в России. Эгоцентричность западнических мировоззренческих постулатов, вплоть до избавления от христианской морали, органически чужда православному мирозерцанию со свободой служения христианской добродетели «во имя Отца и Сына и Святого Духа». Законничество — «гордыня западной свободы» — не источник добра.

На Руси «судят по совести» («жить по совести» — императив Солженицына), а не по букве закона. Так что не мелочные зацепки типа «а кардинал у католиков носит перстень с фиолетовым аметистом», а серьезные богословские, эсхатологические, религиозные, философские, метафизические причины развели Восточную и Западную христианские конфессии и обрекли эти онтологически разнотные духовные ипостаси на межсобойный неминуемый цивилизационный конфликт — вечное противоборство. Кстати, в Конституции Европейского союза даже не упоминается о христианском наследии Европы. Чем не «политкорректное»-антисовестно-химерное введение в нео-глобализаторскую цивилизацию?

(Окончание в следующем номере)

Сергей ОЗНОБИЩЕВ

О СЛОЖНОСТЯХ И ПРОТИВОРЕЧИЯХ «МОДЕРНИЗАЦИОННОГО» КУРСА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

В российских официальных документах последнего времени цели внешней политики РФ самым тесным образом увязываются с фундаментальными интересами внутреннего развития. В Концепции внешней политики 2008 года в качестве приоритетной задачи, занимающей второе место после обеспечения безопасности страны, объявляется создание «благоприятных внешних условий для модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития, повышения уровня жизни населения, консолидации общества, укрепления основ конституционного строя, правового государства и демократических институтов, реализации прав и свобод человека и, как следствие, обеспечения конкурентоспособности страны в глобализирующемся мире».

Такая крайне важная для России постановка вопроса предполагает абсолютно однозначный алгоритм действий, который, к сожалению, далеко не всегда можно проследить во внешнеполитической практике.

Условия успеха модернизации

В современном мире успешная модернизация, а тем более «модернизационный рывок» невозможны в «отдельно взятой», закрытой от остального мира стране. Советская практика «шарашек», а затем «закрытых НИИ» не способна в современно технологически бурно развивающемся мире обеспечить высокие и конкурентные достижения. Научно-технические прорывы становятся возможными тогда, когда они опираются на весь комплекс знаний и достижений в конкретных областях науки и техники. Расширяется интернационализация как научных коллективов, так и проводимых ими исследований.

Таким образом, важнейшим условием успешной модернизации и инновационного развития сегодня, как никогда ранее, становится тесное научно-техническое сотрудничество. Именно такое понимание следует и из высказываний на этот счет российского руководства. В своей статье «Россия, вперед!» (сентябрь 2009 года) президент РФ Д.Медведев отметил, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики...возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами пост-индустриального общества».

Первый заместитель руководителя Администрации президента В.Сурков признал, что «никакой суверенной модернизации не может быть», разъяснив при этом, что «надо самокритично посмотреть на себя. Ситуация в сфере развития новых технологий для России весьма печальная. Собственные наши интеллектуальные силы невелики». Формируя конкретную линию нашей политики, Д.Медведев призвал создавать специальные «модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами...прежде всего, с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки».

В принципе серьезных препятствий такому курсу не должно быть, поскольку, по свидетельству председателя правительства В.Путина, «было бы большой ошибкой нам сейчас натягивать на себя кафтан какой-то супердержавы», а наша «главная задача — обеспечить развитие своей собственной страны и поднять жизненный уровень нашего народа, наших людей».

Как следует из сказанного, на самом высоком политическом уровне даны все необходимые указания для реализации вполне определенного «инновационного направления» внешней политики, даже названы страны, с которыми в приоритетном порядке это необходимо делать. Более того — подтверждена идея о том, что выполнение «модернизационных задач» может быть достигнуто только при целенаправленном сотрудничестве лишь с абсолютно определенными странами, достигшими высокого уровня научно-технического развития и успехов в деле модернизации.

О лидерах модернизации и отношениях с ними

По ключевым показателям лидерами технологического развития являются США и Япония, после которых, со значительным отрывом, следуют некоторые европейские страны. Россия отстает от этих стран на порядки величин.

Так, по внутренним затратам на исследования и разработки США до недавнего времени превосходили Японию более чем в два с половиной раза, а Россию в 17 раз. По ассигнованиям на НИР из бюджета США имеют пятикратное превосходство над Японией, а над Россией — в 8 раз. По числу национальных и зарубежных патентных заявок на изобретения показатели США ненамного опережают Японию, но в десять раз превышают показатели России. По экспорту технологий ситуация еще более показательная — США, традиционно обгоняя Японию, превосходят Россию в 141 раз.

Наибольшие плоды, конечно же, принесет «модернизационное сотрудничество» со странами первого ряда, а не с теми, кто, вроде Китая, никак не может сесть на поезд модернизации и занимается техническим и технологическим копированием. Но если мы серьезно встаем на путь построения «модернизационных альянсов» именно с лидерами, то мы должны в обязательном порядке отстраивать с ними весь остальной комплекс отношений таким образом, чтобы создавать условия для тесного взаимодействия, и, тем более, избегать конфликтных ситуаций и конфронтационных сценариев. Иначе не будет доверия, а значит, и полноценного взаимодействия. Попросту говоря, к серьезным научно-техническим сюжетам нас не допустят.

Упомянутый выше «президентский перечень» государств, рекомендованных для взаимодействия в сфере модернизации, должен бы стать основой для приоритетного сотрудничества и улучшения всего комплекса отношений с этими странами. Этого, однако, не произошло. Более того, именно с лидерами инноваций у России почему-то особенно проблемные и натянутые отношения, часто балансирующие на грани «холодного мира».

Лидером инновационного развития, упомянутым в «президентском списке», являются Соединенные Штаты Америки. Отношения с этой страной находятся в стадии объявленной «перезагрузки», которая, как и всякая политическая кампания, вероятнее всего, сойдет на «нет» с возвращением В.Путина в президентское кресло и тем более в случае, если место Б.Обамы займет республиканец. Это не значит, что России и США не удастся через какое-то время продолжить, например, процесс ограничения и сокращения вооружений или сотрудничество по противодействию наиболее актуальным вызовам и угрозам.

Да и нынешняя «перезагрузка» не смогла глубоко проникнуть в ткань двусторонних отношений. В военной доктрине РФ 2010 года основные внешние военные опасности, в представлении авторов документа, так или иначе, проистекают из военной деятельности США/НАТО. Ни американские, ни натовские и ни российские документы в сфере безопасности не смогли отойти от ядерного сдерживания — этого анахронизма «холодной войны». Антиамериканизм превратился в идеологию у определенной части российской высокопоставленной бюрократии, политиков и экспертов, и он порождает то, что можно назвать «инерционным противодействием» американской и западной политике. То же в отношении России в значительной степени верно и для части западной элиты — достаточно ознакомиться с некоторыми выступлениями кандидата в президенты от республиканской партии США М.Ромни. В итоге можно наблюдать постоянное проявление элементов геополитического соревнования или соперничества между РФ и США.

Другим государством-лидером инновационного развития, как следует из представленных выше данных, является Япония. Напряженность российско-японских отношений постоянно поддерживается территориальной проблемой — представлением японской стороны об исторически спорной принадлежности Курильских островов. За период «перезагрузки» отношения Москвы и Токио несколько не смягчились — более того, подогреваемая политическими амбициями (реакцией японской стороны, например, на поездки Д.Медведева и Н.Патрушева на Курилы, на полеты российских стратегических бомбардировщиков), эта проблема стала акцентироваться еще больше, став на сегодня практически непреодолимым препятствием на пути сотрудничества в сфере модернизации.

Упомянутый Д.Медведевым Евросоюз в целом лидером модернизации не является (здесь необходимо агрегированное соответствие всех стран ряду формальных показателей, в том числе и из числа указанных выше). Здесь Россия обоснованно идет по пути сотрудничества с отдельными странами (Германией, Францией, например), которые, однако, хоть и неплохо выглядят на фоне остальной Европы, но, тем не менее, значительно отстают от США и Японии.

И все же значимые конкретные масштабные проекты, даже несмотря на выстроенные особые отношения с отдельными странами Европы, осуществля-

ются, в основном, если они крайне нужны Европе, а не России. Так, в сентябре 2011 года открыта техническая подача газа по трубопроводу «Северный поток», призванному стабилизировать снабжение Европы газом из России. Но в конце 2009 года после долгих сомнений американский концерн «Дженерал Моторс» отказался продавать свою дочернюю компанию «Опель», имеющую масштабные производственные мощности в Европе, австро-канадско-российскому консорциуму «Магна» — «Сбербанк». В любом случае, России и ЕС пока что далеко до выстраивания эффективных системных отношений в научно-технической области.

Не способствует укреплению «проектного» сотрудничества и общий контекст отношений России — ЕС. Выраженная российской стороной с энтузиазмом идея создания совместной системы ПРО с США и НАТО никак не может воплотиться в реальность — более того, все жестче противодействие Москвы развёртыванию ЕвроПРО. Предложенный Россией новый Договор о европейской безопасности был встречен европейцами без особого энтузиазма. В условиях отсутствия нового базового отношения России с ЕС нет и устойчивой институциональной базы для совместных научно-технических проектов.

Политические факторы, препятствующие совместным «модернизационным» проектам

Тактические акции — отдельные направления российской внешней политики, а также элементы внутренней политики России — часто дополняют палитру красок, создающих негативный фон для совместных проектов РФ с другими странами в сфере модернизации. В последнее время это связано с противодействием Москвы предлагаемым западными странами действий против стран и режимов, которые, по мнению западных политиков, представляют серьёзную угрозу мировой и региональной безопасности.

Американская и часть западной политической общественности рассматривают (неважно: обоснованно или нет) Иран в качестве высокоприоритетной угрозы безопасности. Российская сторона, выступая с принципиальным курсом на обеспечение сугубо мирной направленности иранской ядерной программы, постоянно настаивает в СБ ООН на смягчении санкций в отношении этой страны.

В ситуации с Ливией Россия хоть и сделала возможным принятие резолюции СБ ООН 1973, однако затем не раз на политическом уровне осуждала действия НАТО и до последнего не признавала Переходный национальный совет. Москва даже поставила под сомнение легитимность представительной контактной группы по Ливии, состоявшей из нескольких десятков государств, включая ведущие западные страны. Все это шло вразрез с представлениями Запада и проводимой им политики.

Еще более неоднозначно воспринимается многими западными лидерами и российская позиция в отношении Сирии и происходящих там событий. Россия при поддержке Китая наложила вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, осуждавшую жесткие меры сирийских властей, направленные на подавление антиправительственных выступлений. По мнению российской стороны, поскольку документ не запрещал иностранного вмешательства, то в

Сирии мог повториться ливийский сценарий. Нет нужды говорить, что западные оценки как происходящего в Сирии, так и действий сирийского лидера коренным образом расходятся с российскими.

Эти внешнеполитические сюжеты последнего времени рассматриваются западными политиками и экспертами как очередное свидетельство нового «ценностного разрыва» в восприятии мировой ситуации и реакции на нее между Москвой и западными столицами. В этом же контексте трактуется на Западе и отношение российской стороны к соблюдению прав и свобод собственных граждан. К ситуации вокруг М.Ходорковского в последнее время добавился разрастающийся кризис в связи с делом С.Магнитского, который повлек за собой принятие «ограничительных списков» на въезд ряда российских чиновников в США, а затем и американских — в Россию.

Растут озабоченности Москвы в отношении упомянутого выше начавшегося развертывания ЕвроПРО. Это грозит перерасти в новый «противоракетный кризис» в отношениях России с США и НАТО.

Все это создает устойчивую тенденцию к расширению водораздела между Россией и Западом. Подобная ситуация, объективно, серьезно осложняет перспективы глубокого и плодотворного сотрудничества с Западом в целях «модернизации России, перевода ее экономики на инновационный путь развития».

Не вызывает сомнения тот факт, что Россия, как и любая другая страна, вправе иметь свою собственную политическую линию в отношении самого широкого спектра мировых проблем. При этом, однако, крайне желательно, чтобы решение одних, пусть прагматически важных на сегодня задач было бы максимально гармонизировано с выполнением такой стратегически значимой цели, как построение «альянсов» с признанными лидерами в сфере модернизации.

Сергей ДЕМИДЕНКО

ЛИВИЯ ПОСЛЕ КАДДАФИ

«Арабская весна» продолжается. После того как окровавленный труп Муаммара Каддафи был продемонстрирован СМИ и местным жителям в Мисурате, сомнений не осталось — Ливийской Джамахирии больше нет. Она погибла вместе со своим создателем. Говорить о массовости протестного движения в условиях высокого уровня жизни простых ливийцев сложно. Каддафи в последние годы пытался выстроить в Джамахирии «Город Солнца», население которого ни в чем бы не нуждалось. Но даже в этом «зеленом рае» нашлось определенное число недовольных, готовых с оружием в руках подняться против «полковника» и его клана.

Эпицентром восстания стал Бенгази — крупнейший город Восточной Ливии — Киренаики. Вообще, две главные исторические области, которые, по сути, и составляют современную Ливию, — Триполитания и Киренаика (пустынный Феццан — не в счет) развивались разными путями. В Триполитании еще на заре XX века было сильно османское влияние, в большей степени были развиты торговля и городская культура. Киренаика же была краем кочевых племен, с трудом подчинявшихся любой власти и признававших лишь авторитет своих племенных вождей и религиозных лидеров. Но, как ни странно, именно Киренаика стала колыбелью Ливии. На ее территории возник и развился религиозный орден сенуситов, который сумел объединить под своими знаменами непокорных восточных шейхов. Позже к этому союзу, возглавляемому с начала 1920-х годов имамом сенуситов Мухаммедом Идрисом ас-Сенуси (будущим королем Идрисом I), присоединились города и племена Триполитании, тяготевшие колониальным гнетом завоевателей-итальянцев (при этом речь шла лишь о тактическом объединении, участники которого имели одну цель — борьбу с итальянской оккупацией).

Как единое государство Ливия начала формироваться лишь к концу 40-х годов XX века. После Второй мировой войны Великобритания и США хотели получить под свой контроль всю береговую линию Средиземного моря от Триполи до Тобрука. Вашингтон и Лондон всерьез опасались усиления в Северной Африке влияния СССР (ливийский вопрос поднимался на Потсдамской конференции, Москва требовала передачи под ее опеку территории Триполитании для размещения здесь советского торгового флота), они же фактически и инициировали объединение Триполитании и Киренаики в границах единого государства (план предоставления независимости так называемой «Большой

Ливии» в составе Триполитании и Киренаики был впервые сформулирован именно Великобританией в 1946 году и поддержан Соединенными Штатами).

Таким образом, на заре становления Ливии как единого государства именно восточные районы страны стали поставщиками кадров для политической элиты нового королевства. Триполитанские политики и шейхи сопротивлялись засилью киренайцев, однако Идрису с помощью англичан удалось преодолеть сепаратизм западных областей, и в 1952 году лидер триполитанцев Башир ас-Саадави вынужден был покинуть страну.

Революция 1969 года изменила расклад сил внутри политической элиты Ливии. У руля государства встали выходцы из западных районов. Это породило недовольство киренайской племенной элиты, в сознании которой уже закрепились уверенность в исключительности своего положения в политической иерархии королевства. В результате на востоке Ливии появился «долгоиграющий» очаг нестабильности, подпитываемый исторической обидой местной знати на триполитанских революционеров.

Здесь необходимо сказать несколько слов о структуре ливийской оппозиции. Внутренняя оппозиция, очагом которой, как говорилось выше, была «обиженная» Киренаика, исправно поставляла мятежников в различного рода боевые повстанческие организации, с которыми режим Муаммара Каддафи боролся по мере сил и возможностей. При этом со временем четко обозначилась тенденция на исламизацию повстанческого движения. Наиболее заметной оппозиционной организацией Ливии стала Ливийская исламская боевая группа (ЛИБГ).

С исламистами Каддафи боролся жестко, однако перегибать палку не спешил. В начале 2000-х годов Триполи даже вел переговоры с представителями руководства ЛИБГ, пытаясь убедить радикалов добровольно сложить оружие. Вообще Каддафи, в целом не брезгуя, как и любой другой арабский правитель, открытым насилием, остерегался массовых убийств и масштабных репрессий. Злоупотребление репрессиями в условиях глубокой раздробленности Ливии по племенному признаку могло спровоцировать восстание в масштабах всей страны.

Что касается светской части оппозиции, то ее Каддафи предпочитал выдавливать за пределы Ливии, где она подвергалась постоянным преследованиям со стороны спецслужб СНЛАД. Состояла эта часть оппозиции из монархистов, бывших революционеров и экс-соратников Каддафи, отстраненных им от власти; проворовавшихся бюрократов и др. За границей этих людей достаточно быстро брали в оборот западные (в первую очередь — французские и британские) спецслужбы, и оппозиционеры начинали высказываться в пользу модернизации Ливии по западным, либеральным лекалам. Они и составили костяк так называемой зарубежной, или «внешней», оппозиции.

Из альянса носителей «либеральной» и исламистской доктрин и родилось повстанческое движение, которое бросило вызов режиму Каддафи. «Золотым» временем для оппозиции стали 1990-е годы, именно в этот период под ее знаменем сплотилось наибольшее количество сторонников. Каддафи в те годы переживал тяжелые времена. Без поддержки СССР, в условиях падения нефтяных цен и международного эмбарго, перед лицом американской агрессии он, чтобы поддерживать в стране мир и спокойствие, вынужден был лавиро-

вать между племенами и социальными группами, внутри которых зрел протест против невнятной социально-экономической линии режима.

За время своего правления Каддафи несколько раз менял экономический курс кардинальным образом. Начиная с 1969 года до периода окончательной «джамахиризации» страны (1976–1979 годы), полковник вел планомерное наступление на частный сектор. В результате этих действий население, которое уже начало привыкать к росту благосостояния в результате притока «нефтедолларов», столкнулось со всеобщим дефицитом, тотальной забюрократизованностью, ростом коррупции и злоупотреблений. В этих условиях в 1987 году Каддафи вынужден был снять запрет на частную собственность. В начале 2000-х годов очень кстати начался новый «нефтяной самум», который дал Каддафи исключительные возможности по претворению в жизнь масштабных социальных проектов, которые и «успокоили» большую часть населения. Ливия начала расцветать, были решены продовольственная и жилищная проблемы, построена «великая искусственная река» и т.д.

Что касается идеи Джамахирии, то этот проект нельзя рассматривать как очередную эксцентричную идею чудаковатого бедуина Каддафи. В условиях разделения страны по племенному признаку идея народных собраний в наибольшей степени соответствовала ливийским реалиям. Джамахирийская система поддерживала традиционный, знакомый испокон веков каждому ливийцу уклад, создавала иллюзию того, что все жители страны участвуют в ее политической жизни и напрямую влияют на принятие важнейших государственных решений. Вдобавок огромная численность высшего законодательного органа страны — Всеобщего народного конгресса (2700 депутатов) — обеспечивала представительство в нем каждого из племен. «Народоправство», основанное на нефтедолларах, стало вполне жизнеспособным проектом, который внес свою значительную лепту в стабилизацию внутривосточной обстановки в Ливии. Но социальный мир был достигнут непростой ценой — ливийцы отучались работать. Рабочие руки завозились из Египта, Индии, Бангладеш, Черной Африки. Каддафи фактически купил лояльность большинства населения.

Ресурсная ориентированность национальной экономики обернулась для Ливии вполне прогнозируемыми социальными болезнями — коррупцией, nepотизмом, бюрократизацией госаппарата и т.д. Сказочно богателя и семья Каддафи. При этом полковник не стеснялся своего, скажем так, высокого достатка, полагая, видимо, что это заслуженная награда за труды на благо народа. Эти обстоятельства способствовали тому, что оппозиционное движение пусть и не очень активно, но продолжало существовать, получая регулярную подпитку из Киренаики.

«Социальная ориентированность» внутренней политики Каддафи привела и еще к одному тяжелому последствию — определенная часть ливийского общества начала люмпенизироваться. В стране появился слой жителей, которые просто не работали, живя на пособие по безработице. Имея высокие материальные запросы при недостатке возможностей для их реализации, «новые повстанцы» были проникнуты уверенностью, что, если бы не Каддафи с его политикой «уравниловки», они могли бы жить как арабские шейхи или саудовские принцы. На востоке Ливии подобные умонастроения подогревались традиционной неприязнью местных к засилью триполитанцев.

На волне «арабских революций» из деклассированных элементов Киренаики и исламистов при непосредственной поддержке Запада начали формироваться повстанческие отряды, которые и поднялись на борьбу с полковником в первой половине 2011 года. Франция, Англия и США уже достаточно давно пестовали ливийскую оппозицию, видимо, имея в виду возможность ее использования для смены в перспективе ливийского режима.

Великобритания и США имели зуб на Каддафи еще с 1970-х годов, когда он вынудил их свернуть свое военное присутствие на территории Ливии. Потом был длительный период укрепления взаимоотношений между СНЛАД и СССР, когда отечественные специалисты оснащали и вооружали ливийскую армию, помогали развивать ТЭК этой страны, создавали фабрики и заводы, вели строительство. В результате ливийское руководство достаточно быстро было причислено западными пропагандистами к лагерю «противников свободы». Сам Каддафи удостоился от Рейгана прозвища «бешеный пес Ближнего Востока».

Накал американо-ливийского противостояния достиг высшей стадии в 1986 году, когда после теракта в ночном клубе «Ла-Белль» в Западном Берлине США разбомбили Триполи, Бенгази и Тархун (операция «Каньон Эльдорадо»), погибло несколько десятков мирных граждан, в том числе и приемная дочь Каддафи. В 1992 году США инициировали введение в отношении Ливии масштабных международных санкций. Поводом послужил очередной теракт — в 1988 году над шотландским городом Локерби взорвался самолет компании «Пан-Америкэн». В организации взрыва вновь были обвинены спецслужбы СНЛАД. После этого для Ливии начались действительно печальные времена, однако Каддафи сумел выстоять. Сумел во многом благодаря тому, что вовремя пересмотрел внешнеполитическую концепцию, пошел на мировую с развитыми странами, перестал поддерживать «революционеров» по всему миру, уплатил компенсацию жертвам терактов Ла-Белль и Локерби, вышел из конфликта в Чаде и свернул программы производства ОМУ.

Справляясь более или менее с поддержанием стабильности внутри страны и разорвав режим международной изоляции, Каддафи, видимо, уверовав в свой «дипломатический гений», во внешней политике допустил ряд серьезных просчетов, которые и обернулись катастрофой для СНЛАД. Потерпев неудачу в открытом противостоянии с Западом, полковник с 2000-х гг. стал использовать против «империалистов» нефтяное оружие.

Справедливости ради необходимо сказать, что Европа и США сами развратили Каддафи, всячески потакая его даже самым вызывающим прихотям. Настолько велика была заинтересованность западных лидеров в нефти и газе, открывшихся миру после 2004 года в Ливии, что они готовы были стерпеть и санкции в отношении Швейцарии, и бесконечные «гастроли» отпрысков Каддафи на фешенебельных европейских курортах. Италия даже взяла на себя обязательство выплатить Ливии несколько миллиардов долларов в качестве компенсации за многолетнюю оккупацию. На поклон к полковнику в бедуинский шатер ездили и Саркози, и Берлускони, в стране работали крупнейшие европейские нефтегазовые концерны.

Однако европейцы не забывали о тех унижениях, которым их подвергал Каддафи, допуская к разработкам нефтяных богатств Ливии. Скорее всего,

план свержения режима и передела ливийского углеводородного рынка зрел в европейских столицах уже давно. Ждали только удобного случая. Он представился, когда на волне «арабских революций» в Киренаике началось очередное, казалось бы, рутинное выступление мятежников. Оно сразу получило всеобъемлющую поддержку извне. Присоединились к агрессии и арабские монархии Персидского залива.

Про отношения Ливии с арабским миром следует сказать отдельно. Почти с самого момента прихода к власти в 1969 году полковник начал примеривать на себя статус вождя всего арабского мира. Каддафи, как, впрочем, и большинство видных арабских вождей, считал себя наследником Г.А.Насера, лидером, способным объединить разобщенные арабские государства в единый грозный «антиимпериалистический» интернационал. С начала 70-х годов XX века лидер СНЛАД выдвигал проекты создания различных региональных блоков арабских государств под эгидой Ливии (объединение Ливии с Тунисом и Египтом, объединение Ливии с Алжиром, Сирией, Ираком, создание союза арабских «народных демократий» и т.д.). Амбиции молодого (тогда еще) Каддафи были встречены в среде «матерых» арабских политиков сперва сдержанно, а после — откровенно враждебно (во многом именно по причине геополитической неумеренности главы СНЛАД летом 1977 года разразилась скоротечная война между Ливией и Египтом, Садат — к тому времени уже крупный ближневосточный лидер — воспринимал диктующего ему условия Каддафи как зарвавшегося мальчишку). Экстравагантный полковник злил арабскую элиту постоянными заявлениями о необходимости объединения, об исключительно силовом решении израильского вопроса (в 2000-х годах Каддафи кардинальным образом пересмотрел свою позицию по этой проблеме), поддержкой «революционеров-боевиков» и молодых мусульман.

Лидер Джамахирии всегда считал, что основным препятствием для объединения арабов (под эгидой Триполи) является «антинародная» политика консервативных арабских монархий — Саудовской Аравии, Иордании, Катара, Бахрейна, ОАЭ (после обострения отношений между Триполи и Каиром список врагов пополнился за счет Египта). В этой связи он интриговал на международной арене против «заливников», а также поддерживал силы, дестабилизирующие ситуацию внутри этих стран (конфликт Триполи с арабскими монархиями был настолько серьезен, что в 2002 году Ливия даже выходила из ЛАГ, среди экспертов широко известен факт глубокой личной неприязни между Каддафи и королем Саудовской Аравии Абдаллой).

Помимо ненависти, которую вызывал разругавшийся со всеми на востоке и на западе Каддафи, для международного вторжения в Ливию была и еще одна причина, и она банальна — нефть. Недра Ливии скрывают 3% всех мировых запасов углеводородов и 40% всех запасов Африки. На некоторых месторождениях себестоимость добычи одного барреля равняется одному доллару (и это притом, что геологоразведочными работами охвачена лишь одна треть территории страны). Ливийская нефть полностью национализирована, единственным полномочным органом, отвечающим за освоение месторождений и переработку нефти, является созданная еще в 1955 году Национальная нефтяная компания Ливии.

С января по август 2011 года военные специалисты из стран НАТО и Персидского залива сумели из несостоятельных в военном отношении отрядов восточных мятежников и исламистов сформировать относительно боеспособные части, которые оказывали сопротивление регулярной армии и народному ополчению. Однако их усилий было недостаточно для того, чтобы свергнуть Каддафи. Не помогли и «миротворческие» бомбардировки в рамках резолюции СБ ООН 1973. И коалиция пошла ва-банк: к организации последней битвы — за Триполи — были привлечены инструкторы из Катара и Иордании, военно-воздушная мощь альянса и, главное, — частные военные компании (ЧВК) (другими словами — наемники) из Великобритании, Франции, ФРГ (о европейских и арабских спецназовцах и наемниках говорят сегодня и BBC, и CNN, и российские издания).

Вопрос о будущем Ливии сегодня стоит чрезвычайно остро, поскольку единственным реальным итогом так называемой «ливийской революции» на данный момент является свержение Каддафи. Не будет преувеличением сказать, что противоречия в их лагере только нарастают (убийство одного из лидеров оппозиционного движения — Юниса — тому свидетельство). Вдобавок в оппозиционном лагере представлены две взаимоисключающие идейные концепции — исламистская и либеральная. Сторонники этих концепций вряд ли сумеют найти общий язык. Тем более, когда речь пойдет о переделе нефтяного рынка или контроле над поставками в Ливию продовольствия. Схватки неизбежны. И посредничество НАТО противоречий не сгладит.

Ливийские либералы, руководство которых базировалось в основном за границей, вряд ли сумеют что-либо серьезное противопоставить исламистам. Но в Ливии есть еще одна сила, которая такими возможностями как раз обладает, — племена. В «революционных событиях» большинство племенной элиты придерживалось нейтральной позиции. С падением режима вожди и шейхи начали постепенно активизироваться, опасаясь, что передел национальных богатств произойдет без их участия. Т.е. через некоторое время проблема противостояния племенной элиты и религиозных радикалов может стать, во всяком случае, для Киренаики, чрезвычайно актуальной. Контуры грядущего конфликта частично просматриваются уже сегодня. Так, племена выражают серьезное недовольство намерениями религиозных радикалов создать эмират в городе Дерна.

Вообще значимость исламистского вопроса для Ливии в ближнесрочной перспективе будет возрастать, поскольку натовцы, похоже, заключили с религиозными радикалами временный альянс. Так, военным главой «освобожденного» Триполи стал Абдельхаким Бельхадж — экс-глава ЛИБГ, арестованный в свое время Каддафи и выпущенный из тюрьмы по амнистии. Есть сведения, что, захватив Триполи, повстанцы первым делом выпустили из тюрем «политических» заключенных — общеизвестно, что большинство так называемых узников совести в Ливии были исламистами. А это значит, что теперь у них есть и оружие (натовское и со складов ливийской армии), и официальное признание в качестве борцов с режимом.

Очевидно, что в результате действий НАТО исламистское движение в Магрибе серьезно усилилось. Однако единственный проект, который радикалы могут предложить ливийскому народу, это создание шариатского государ-

ства. Думается, что с подобной постановкой вопроса будут не согласны ни племенная элита, ни жители Триполитании, где секулярные традиции были исторически более сильны, чем на Востоке. То есть ситуация в Ливии будет чем-то напоминать ситуацию в Центральном Ираке, где противостояние между племенами и исламистами не утихает до сих пор.

Помимо исламистского фактора, внутритриполитическая ситуация в Ливии осложнена целым комплексом различного рода проблем, которые будет очень сложно не только решать, но и поддерживать в стабильном состоянии.

Так, в условиях вакуума власти представители различных племен вступят в борьбу не только с исламистами, но и между собой. За контроль над нефтью, за распределение доходов от ее продажи, за контроль над поставками гуманитарной помощи. Кроме того, повстанцы будут сводить счеты с теми, кто, по их мнению, поддерживал Каддафи (а таких немало), и процесс этот уже идет. Не исключено также углубление противоречий между бедуинами, туарегами и берберами (среди последних весьма сильны исламистские настроения).

Сегодняшняя ситуация в Ливии имеет все шансы скатиться в хаос. С гибелью Каддафи ничего для этой страны, по всей видимости, не закончилось. Вполне реален ее распад на две, а то и три части. Западной коалиции надо приложить максимум усилий, чтобы избежать этого. В противном случае главная цель операции, коей является получение контроля над нефтью и газом Ливии, ими не будет достигнута.

Сергей ИСРАПИЛОВ

ЭТАПЫ УГЛУБЛЯЮЩЕГОСЯ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ МИРА

Сегодня есть признаки того, что во многих исламских странах (т.е. странах, основная часть населения которых исповедует ислам; далее — «исламские страны», ИС), а также в регионах неисламских стран, населенных преимущественно мусульманами, ускоряется тенденция к кризису национального государства. Данная статья посвящена изучению указанного феномена.

В настоящее время более чем в половине ИС хроническим стал политический кризис и действия террористов, а многие правительства вовсе не контролируют ситуацию в своих странах. События начала 2011 года в ранее стабильных странах Ближнего Востока весьма заметно актуализировали интерес к региону.

Сегодня в 27 из 48 ИС политическая система находится в неустойчивом состоянии. Центральное правительство либо вовсе не контролирует территорию страны, либо эффективность этого контроля является низкой. Применительно к ним мы говорим о имеющем место «кризисе национального государства». В этих странах проживает основная часть населения ИС. В *табл. 1* мы привели данные о состоянии социально-политической стабильности в странах.

В нескольких ИС национальное государство в лице центрального правительства не способно контролировать ситуацию на территории страны без иностранного военного участия. Речь идет об Ираке, Афганистане, Сомали, Судане, Чаде, Нигере, Западной Сахаре, Палестине. Применительно к этим странам можно говорить о распаде национального государства.

Кризис национального государства в исламских странах

В середине XX века крушение колониальной системы в ИС сопровождалось формированием национального государства со всеми атрибутами: национальной бюрократии, вооруженных сил, полиции, законодательств, систем судопроизводства и т.д. Чаще всего во главе национально-освободительной борьбы, а затем, после получения свободы, во главе государства вставали люди, получившие светское, западное (или — советское) образование, находящиеся под идейно-политическим влиянием социалистической или националистической идеологии. 31 страна из 48 исламских стран получили независимость в период распада колониальной системы в конце 1940-х — начале 1970-х годов.

Эту эпоху создания национальных государств можно охарактеризовать как время «национального романтизма», когда идеи национального государства, прежде чуждые большинству населения, всколыхнули «Третий мир» и вынудили колониальные державы отказаться от прав на колонии¹.

Однако уже в конце XX века началось углубление кризиса национального государства в ИС. Основная из причин — неглубокие корни национализма в сознании населения ИС и, значит, неглубокие корни национального государства. Корни национализма, без которого невозможна борьба за национальное единство, в мире ислама, как правило, привнесены извне, с иностранным образованием и светским мышлением.

Радикальные исламские группировки, влияние которых растет, вообще не признают легитимность национальных государств и правительств. Но не только они. Для многих других мусульман легитимность национальных государств является спорной, а значит, за нее нет смысла сражаться.

По мнению многих исследователей, в современном мире глобализация ведет к снижению эффективности национального государства и его институтов, а также — к ослаблению национальной идеи, лежащей в основе строительства национального государства. Однако процесс этот в разных странах происходит неравномерно и повсюду имеет свои особенности².

Глобализация подрывает существующие парадигмы общественной мысли, такие, как национализм или социализм, на которых создавались и существуют все современные государства. Это вызывает латентную, ползучую деструкцию структуры общества, а затем — и государства. О наличии этого явления говорят многие индикаторы, например, разрастание антисоциального поведения, преступности, имеющие место во всех развитых странах со второй половины XX века.

Современный этап развития капитализма породил глубокие и трудноразрешимые внутриличностные и межличностные конфликты, а также конфликт интересов «средней» личности с интересами общества и государства. Неудивительно, что и отдельный индивидуум, и западное общество, столкнувшись с перечисленными проблемами, ищут приемлемый выход. Свой выход ищут и незападные общества, втянутые в орбиту влияния современного капитализма. Ищут свой путь и многочисленные исламские страны. Пока идеи, которые встречают наибольшее сочувствие в мире ислама, есть не открытие чего-то нового, но — возвращение к традиционным ценностям, заложенным много веков назад. Таким образом, возрождение интереса к исламу, которое наблюдается в мире, есть аллергическая реакция, реакция отторжения на те опасности, которые несет турбулентность современного капитализма. Разумеется, этот путь имеет право на существование. Однако у него есть своя цена. В частности, исламизация общества подразумевает возвращение традиционных межличностных отношений, точно регламентированных Кораном, что трудно совместимо с существованием современной много-векторной экономики и современных политических институтов.

¹ *Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К.* Этнос в современном мире. Куда ведет этническое развитие человечества? // *Право и управление. XXI век.* № 2, 2008.

² *Макаренко С.* Эволюция «государства-нации»: попытка деконструкции // *Космополис.* № 2 (18). 2008. — С.123.

Успехи любого общества в государственном строительстве и строительстве экономики зависят, прежде всего, от успехов в социализации (т.е. привитии навыка социально-полезного поведения среднестатистическому гражданину) и успехов в конструировании из собственных граждан сложной и эффективной социальной иерархии, соответствующей исторической задаче.

Однако ислам ускоряет деструкцию национального государства и в мусульманских странах, и в мусульманских регионах неисламских стран. Причина, видимо, в том, что в постулатах религии задана собственная социализация личности и собственная социальная структура общества, которые имеют мало общего с типом личности и социальной структурой, необходимых для институтов национального государства и экономики. С этим связана, в том числе, основная проблема кризиса национального государства в ИС: «за распадом государства стоит дефицит легитимности правления...»³

Для искренне верующих мусульман (не обязательно «радикально настроенных») исламская концепция политического сообщества базируется на религии⁴. Многие мусульмане требуют деструкции национального государства, как построенного на неисламских ценностях. И, прежде всего, деструкции тех национальных государств, которые населены мусульманами. Только на обломках этих национальных государств может быть построено «исламское государство», которого требует Коран и которого пока нет в современном мире.

Проблема в том, что практически любое государство, даже населенное только мусульманами, сегодня построено на неисламских принципах. А с точки зрения ислама, деструкция государства, основанного на неисламских ценностях, — допустима или даже желательна.

Этапы кризиса национального государства в исламских странах мира

Несмотря на то, что кризис национального государства в каждой из исламских стран мира имеет свои особенности, есть и сходные черты, которые позволяют создать некоторый «общий портрет» кризиса национального государства в ИС и выработать его периодизацию.

Первый этап. «Подмыв легитимности» национального государства

Становление национального государства, как и становление национального сознания — длительный, сложный процесс, требующий, помимо прочего, легитимности национального государства в глазах населения. В силу исторических закономерностей в исламских странах национализм и национальное государство имеют относительно непродолжительную историю и развивались в конкуренции с религиозным чувством и религиозной концепцией гражданственности. Национальное государство развивалось в неблагоприятных внеш-

³ Пискунова Н. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? К вопросу о кризисе в Сомали 1990–2008 гг. // Космополис. № 3 (22). 2008. — С. 80.

⁴ Абд уль-Ваххаб Аффенди. Исламская политическая мысль и концепция гражданства. — URL: <http://www.islam.ru/pressclub/analitika/citizen>

них условиях, что также не способствовало его эффективности и популярности у населения.

«Первым этапом», или предысторией нынешнего кризиса национального государства, мы считаем политические катаклизмы, способствовавшие ослаблению эффективности национального государства и подрыву его легитимности в глазах населения.

К примеру, в истории Сомали, ставшего независимым государством с 1960 года, «первым этапом» стало поражение в войне 1977–1978 годов с Эфиопией за регион Огаден. Еще одним важным этапом стало свержение в 1991 году президента Саида Барре, после чего страна погрузилась в хаос.

Второй этап. «Социальная деструкция»

«Второй этап», или период «социальной деструкции» — это время, когда ввиду неэффективности национального государства национальные чувства слабеют, а с ними слабеет и само государство. Этот этап кризиса — специфическая для исламских регионов реакция на экономические и социальные трудности, возникшие в ходе разрушения мироустройства, сложившегося в период после обретения независимости.

Второй этап имеет свою специфику в странах и регионах бывшего Советского Союза.

К примеру, первую реакцию населения России и других немусульманских стран бывшего СССР на кризис 1990-х годов можно назвать «социальным ожогом», в результате которого все внутренние силы общества были направлены на преодоление экономического коллапса и внезапного ухудшения условий существования. Люди стали гораздо больше работать, а жизнь их протекала в постоянном ощущении социального стресса. Этот стресс был мощным мобилизующим фактором, но он же породил множество проблем. Люди стали чаще болеть и раньше умирать, реже заводить семью и детей.

А в исламских странах и регионах бывшего СССР реакция на экономические трудности была несколько иной. Благодаря быстрой исламизации некоторые негативные последствия «социального ожога» в мусульманских регионах были сдержаны. К примеру, более прочной оказалась семья, меньше влияние на общество оказали алкоголизм (ставший бичом для Центральной России), общеуголовная преступность и т.д. Люди, особенно женщины, не стали больше и более тяжело работать. Однако экономика (за исключением нефтегазового сектора) развивалась медленнее.

И в исламских странах мира, и в мусульманских регионах неисламских стран экономика, чье развитие не успевало за ростом численности населения, и прогрессирующая бедность породили множество социальных проблем. Это вызвало усиление влияния деструктивных течений, в том числе — появление радикальных экстремистских группировок.

На втором этапе началась деструкция социальных отношений времен второй половины XX века, основанных на представлениях национализма и социализма. Миллионы наиболее образованных и склонных к западной культуре молодых выходцев из мусульманских регионов уезжали на Запад. Имела место также десоциализация социально-активного слоя — тех, кто не решил-

ся своевременно на отъезд. И как следствие — происходило укоренение причин, порождающих экономические проблемы в обществе. В отсутствие тех, кто уехал, создавать нечто новое в экономике, политике — развивать науку, образование, культуру — было некому. Во многом нынешние политические режимы исламских стран держатся на «старом» человеческом материале, на людях, чье мировоззрение сложилось в эпоху безраздельного влияния национализма и социализма.

При этом в ИС быстрый демографический рост сопровождался столь же быстрым ростом потребительских запросов индивидуума. С появлением спутникового телевидения желание все новых материальных благ никак не соответствовало реальным возможностям экономики исламских стран.

К примеру, в Сомали после свержения Саида Барре в результате межклановой войны имели место многочисленные вспышки голода, болезней, приведшие к множеству жертв среди мирного населения. По данным ООН, в стране поголовье скота и производство сельхозпродукции непрерывно сокращались, несмотря на заметный прирост населения⁵.

В Афганистане после ухода советских войск, прекращения экономической помощи СССР и активизации войны моджахедов за власть ускорилось разрушение экономики, выросло число беженцев.

Экономические трудности постсоветского периода истории подготовили почву для Андижанских событий в Узбекистане и способствовали росту влияния экстремистов.

Третий этап. Попытки революционного разрушения политической системы

Рано или поздно, на фоне недовольства населения слабеющим национальным государством, неспособным создать эффективную экономику, религиозно-политические экстремисты, требующие уничтожения национального государства, обретают уверенность в своих силах, достаточную, чтобы попытаться уничтожить неисламские институты, в том числе — национальное государство.

На постсоветском пространстве первые попытки религиозных экстремистов сбросить национальное государство имели место в 1989–1991 годах. Попытки в Дагестане и Узбекистане были отбиты, а в Чечне националисты и религиозные экстремисты еще не размежевались, и «общая победа» стала там началом нового конфликта.

В 1999 году экстремисты на пространстве бывшего СССР почувствовали силу сбросить власть национального государства. В этом году началось вторжение религиозных экстремистов из Чечни в Дагестан. А в самой Чечне националисты-масхадовцы были уже заметно слабее ваххабитов.

В 1999 году экстремисты были вновь остановлены, так как национализм, национальное государство были еще сильны. Последовали репрессии. В Узбекистане, к примеру, массово сажали сторонников исламской политической партии «Хизб ут-Тахрир», а в Дагестане экстремисты были разбиты.

⁵ African Statistical Yearbook 2006. African Centre of Statistic Statistics of African countries published from StatBas // Официальный сайт организации. — URL: <http://www.uneca.org>

Новое усиление натиска экстремистов приходится на 2005 год. Так, в узбекском городе Андижане 12 мая 2005 года вооруженные исламисты спровоцировали новые беспорядки. А в Дагестане резко активизировалась террористическая война.

На втором этапе кризиса, после того как национальное государство делигитимизируется в глазах населения, власть его становится хрупкой и относительной. Ни наличие многочисленной армии, ни действия полиции и спецслужб, ни бюрократический аппарат уже не в силах гарантировать сохранение национального государства.

Сегодня в исламском мире в целых странах власть поддерживается искусственно, извне. Например — в нынешнем Ираке, Афганистане. Большую помощь на содержание госаппарата получала и получает одна из крупнейших стран, обладатель ядерного оружия — Пакистан.

Во многих странах мира религиозные экстремисты вполне успешно уничтожили власть национального государства. Так, в Афганистане в 1994–1996 годах власть захватили талибы.

В Сомали с 2006 года Союз исламских судов стал самой влиятельной силой и достаточно долго сражался против эфиопских войск. После вывода эфиопской армии в 2009 году Союз вновь подчинил себе весь юг страны. С 2009 года президентом страны стал Шариф Ахмед — представитель Союза⁶.

Тяжелая ситуация сложилась и в Сомали⁷.

Четвертый этап. «Период турбулентности»

Когда религиозные экстремисты набирают большой политический вес, а национальное государство, напротив, катастрофически слабеет, его дееспособность и вовсе становится недостаточной даже для минимального управления социально-экономическими и политическими процессами.

Ислам подрывает устойчивость, силу и эффективность национального государства, в результате чего невиданную силу на время могут получить явления, которые в принципе противоречат природе и постулатам ислама. Такие, как наркомафия в Афганистане. Или — как яростный национализм в Киргизии.

Четвертый этап — это, как правило, начало острой борьбы за власть и ответственность кланов, племен, банд. Ислам отводит большую роль традиционным родоплеменным отношениям, которые сохранились после обретения независимости, а в период распада государства в ИС стали главной политической силой⁸.

Временно власть берут кланы и преступные группы, которые, однако, не могут противостоять исламским фанатикам и со временем утрачивают власть в их пользу. Так было в Сомали, Афганистане и Судане.

⁶ Somalia's Islamic Courts. Tuesday, 6 June 2006, 17:02 GMT 18:02 UK. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/5051588.stm>

⁷ David Ignatius. Ethiopia's Iraq. The Washington Post. Sunday, May 13, 2007.

⁸ Пискунова Н. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? К вопросу о кризисе в Сомали 1990–2008 гг. // Космополис. № 3 (22). 2008. — С. 79–86.

К примеру, в Афганистане после свержения Наджибуллы полевые командиры поделили власть и сражались между собой, причиняя населению большие страдания. Возможностей для ведения войн было немало — за годы войны были накоплены большие военные запасы.

Пятый этап. Победа экстремистов

Население, устав от произвола полевых командиров, в конце концов, поддерживает религиозных экстремистов, обещающих справедливость. Так, в Афганистане победили талибы, в 1996 году занявшие Кабул⁹.

Этот этап прошли только Афганистан, Сомали и Судан. В России и на всем постсоветском пространстве к пятому этапу подошла только Чечня, в период между двумя «чеченскими» войнами.

Шестой этап. Вмешательство иностранных сил с целью реконструкции национального государства

Однако победа исламистов — это перманентный конфликт победителей со всем остальным миром.

«Экспорт революции» для талибов закончился вмешательством США и сил НАТО, начавших с 2001 года операцию «Несокрушимая свобода». Сегодня США пытаются реконструировать национальное государство под властью Хамида Карзая.

Попытка США проводить миротворческую операцию в Сомали потерпела неудачу. Жертвами стали 18 американских военных и до тысячи сомалийцев¹⁰. Чуть более удачным оказалось вмешательство эфиопской армии в 2006–2009 годах.

Ускоренное развитие кризиса

Кризис может развиваться быстрее, форсированно, минуя некоторые этапы.

К примеру, поддержка деструкции странами Запада устраняет необходимость в нескольких промежуточных этапах. Те режимы, которые поддерживаются Западом, вступили в период деструкции на 20 лет позднее, чем бывшие союзники СССР в Третьем мире, которых Запад старался уничтожить.

Другой случай — когда национальное государство пытается интегрировать ислам в политическую систему. Некоторые исследователи отмечают большую ошибку тех политических лидеров, которые пытались подчинить ислам целям государственного строительства. Они видели ислам подчиненным задачам государственного управления, например, в виде легитимизации проводимой государством модернизации¹¹. Ислам же оказался гораздо более влиятельной системой, которую невозможно подчинить желаниям политиков. Эти

⁹ Панкин В. Талибы идут // Коммерсант. № 73 (1255), 21.05.1997.

¹⁰ BBC. Profile: Somalia's Islamic Courts. Tuesday, 6 June 2006, 17:02 GMT 18:02 UK. — URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/5051588.stm>

¹¹ Holm, Ulla. Violence in Algeria: A Question of Securitization of State-Regime, Nation and Islam // Alternatives: Turkish Journal of International Relations, Summer 2003.

политики не добились желаемых результатов. А в случае с Суданом попытка построить ислам в светскую систему управления вообще закончилась гибелью последней.

Похоже, в мире приходит осознание того, что деструкция ИС может оказаться необратимой. И что, соответственно, Запад не получит никаких дивидендов от уничтожения неугодного режима, так как на смену ему придут только хаос и экстремисты. Уже в 2007 году «Вашингтон пост» писала о событиях в Сомали: «Происходящее здесь походит на Ирак и Афганистан. Решительный военный удар разрушил одну угрозу. Но что остается позади, когда пыль оседает? Разрушенное племенное общество, которое не будет иметь реальной стабильности без сложного процесса политического согласования и экономического развития...»¹²

Тем не менее, Запад продолжает совершать ошибки, пытаясь сместить не-угодные режимы, и тем дестабилизируют ситуацию на Востоке. Экстремисты, в частности, организация Hizb ut-Tahrir, принимали участие в свержении Каддафи¹³ под прикрытием авиации НАТО.

Таким образом, ИС демонстрируют устойчивую тенденцию к постепенной деструкции национального государства. А политические режимы в ИС всеми силами пытаются сдержать растущую деструкцию.

¹² Ignatius D. Ethiopia's Iraq // The Washington Post. Sunday, May 13, 2007.

¹³ Bakhshash O. Gaddafi, the enemy of Allah, His Messenger and the Ummah kills hundreds or even thousands of people // Hizb ut-Tahrir. 21 February 2011. — URL: <http://www.hizb-ut-tahrir.org/>

Сергей МЕЛЬКОВ, Александр ПЕРЕНДЖИЕВ

«НОРВЕЖСКИЙ СТРЕЛОК» И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КТО СИЛЬНЕЕ?

На первый взгляд, теракт 22 июля этого года в Норвегии кажется достаточно «новым» и многим как бы неожиданным, во всяком случае — современным европейским политикам. С публичным неприятием и осуждением действий террориста, как обычно, выступили практически все государственные, политические и общественные деятели. Однако спецслужбы оперативно, по горячим следам, не смогли найти «исламский след».

В этой статье поищем слабые, незащищенные места в системе общественной безопасности Норвегии. Попробуем понять: что нового в норвежском теракте? Нужно ли российским спецслужбам и науке чему-то научиться по итогам норвежского теракта?

Что произошло в Норвегии?

Буквально сразу после теракта норвежская нация — так было заявлено официально — осознала, что столкнулась с новым социальным явлением. Никто не ожидал, что в стране с одним из самых высоких в мире уровнем жизни такое возможно. Праворадикальные группировки были, но долгое время считались беспроблемными, мусульман в Норвегии немного.

От рук крайне националистически и антиисламски настроенного гражданина этой страны погибли 77 человек (многие из них дети) и еще несколько десятков были ранены. Убийца — 32-летний норвежский предприниматель А. Брейвик действовал прагматично и крайне жестко: вначале произвел взрыв в районе правительственных зданий в Осло, а потом расстрелял подростков на небольшом острове Утойя. Раненых добивал. Оказалось: он просчитал, что смертная казнь ему не грозит. На арендованной в 40 километрах от Осло ферме А. Брейвик практически создал целую фабрику по производству взрывчатки из закупленных шести тонн азотных удобрений. По сообщениям СМИ полиция также обнаружила на ферме мощную бомбу — одно из «произведений» террориста — весом до полутора тонн (к счастью, она не была использована по назначению).

Были в этом трагическом инциденте и свои герои, которым удалось спасти несколько десятков человек от пуль преступника. Среди них — чеченские подростки и женская пара. Действительно, Т. Хансен и Х. Дален на лодке

вылавливали тонувших подростков, многие из которых были ранены, и отвозили на противоположный берег озера. Террорист заметил женщин и сделал несколько выстрелов, повредив лодку. Но женщины провели четыре спасательных рейда и спасли 40 человек.

Возможно, что переосмысление подобных фактов в дальнейшем позволит всему мировому сообществу прийти к пониманию того, что в противодействии криминалу и террористам могут и должны принимать участие ВСЕ слои населения.

Идентификация «новой-старой» ситуации

А. Брейвик на первом же допросе стал претендовать на некоторую идеологическую цельность. В своем манифесте «2083: Европейская декларация независимости» он негативно оценил «исламизацию Европы» и актуализировал «Движение сопротивления», возлагая вину на мультикультурализм и «культурный марксизм». В манифесте описывается бесперспективность «вооруженной борьбы», однако другого способа развития современной нации он не видит.

Зафиксируем первый авторский вывод: являясь методом и средством политической борьбы, терроризм идеологически может основываться на национальных лозунгах. Количество посетителей сайта убийцы после теракта многократно выросло не случайно. Кстати, в России количество националистических и так называемых консервативных сайтов огромно, и большинство их посетителей довольно агрессивны к проявлениям иных точек зрения.

СМИ подчеркивают, что у норвежского преступника есть единомышленники внутри своей страны и вне ее тоже. И это далеко не случайность. Напомним о результатах проводившегося в 2004 году в нескольких московских мечетях опроса, призванного выявить популярность официальных мусульманских лидеров. Большинство московских прихожан в первую тройку включали в тот момент Ш. Басаева и У. бен Ладена. Объяснялось это прозаично: люди любят героев и нуждаются в них, а эти две личности многим мусульманам казались героями, так как боролись с «мировым империализмом» и иными «видами зла». Также вспомним реакцию исламского мира на теракты 11 сентября 2001 года в США — стране, считавшейся врагом этого мира. И в России в 2001 году было немало людей, полагавших, что «США так и надо», что это «кара небесная» и т.п.

Наш второй вывод: механизмы негативной мобилизации на основе дихотомии «враг — герой» весьма живучи. Как пишет социолог Лев Гудков, даже легитимная власть никогда не является таковой на 100%, а часть граждан живет в рамках древних архетипов¹. Какая-то часть граждан постоянно нуждается во врагах и активных борцах с ними, поэтому у А. Брейвика есть сочувствующие, рассматривающие его действия не только как уголовное преступление.

Недавно многим политикам, гражданам и даже экспертам казалось, что навсегда ушли времена немецких «Фракции Красной Армии» и «Движения 2 июня», итальянских «Красных бригад» и «Подпольной антикоммунистиче-

¹ Цит. по: Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. С. 11–12.

ской армии», французской «Секретной вооруженной организации», греческой «Организации национального возрождения»² и др. Европейцев и россиян несколько десятилетий энергично приучали к мысли, что угроза терроризма исходит от экстремистски настроенной части мусульман. На наш взгляд, приучили напрасно.

Третий авторский вывод заключается в признании факта возрождения в Европе так называемого своего, внутреннего терроризма. Неважно, ультраправый и/или ультраправый европейский терроризм. У него есть внутренние причины и внутренние условия. Борьба в будущем только с внешним терроризмом к успеху, полагаем, не приведет.

Мировые СМИ отмечают, что вслед за американцами в 2001-м, испанцами в 2004-м и британцами в 2005 году норвежцы осваиваются в новой реальности. Известно, что американцы пошли по пути укрепления спецслужб и усиления технических средств идентификации внешних террористов. Наверно, все это делать придется и в Норвегии, но магистральный вектор все же иной. Для Норвегии пришло время понимания хрупкости существующей национальной системы безопасности. Скорее всего, традиционным надеждам норвежских граждан на то, что государственные институты безопасности вкупе со спецслужбами справятся с внутренним терроризмом, не суждено сбыться.

Поэтому четвертый вывод заключается в признании перспективности и полезности для любого открытого общества общественно-государственной системы безопасности. Основу этой системы, полагаем, могут и должны составлять институты, т.е. формально зачастую не оформленные социальные практики, а не органы и/или учреждения.

Чтобы этого достичь, нужна серьезная либерализация сферы безопасности, что предполагает активизацию населения страны и общественных институтов в построении безопасной среды обитания. «Граждане только тогда станут активными участниками сферы безопасности, — пишет исследователь С.Н. Соколова, — если они будут видеть в этом собственный интерес. Тогда граждане и их объединения смогут реально сотрудничать с государством в сфере безопасности, и, может быть, его контролировать»³.

Институционализация сферы безопасности, на наш взгляд, должна быть постоянно в центре внимания любого открытого общества и государства, а не только деятельность силовых структур/спецслужб. В свое время верно заметил нобелевский лауреат по экономике Дж. Бьюкенен: «...Если бы люди прекратили поиск строящих козни недругов, а вместо этого обратили бы внимание на институты, укомплектованные самыми обычными людьми, открылись бы широкие перспективы»⁴.

Пятый авторский вывод — пора изменить взгляд на социально-экономические причины как основные детерминанты терроризма. Упрощенно это выразилось в причинно-следственной связке: там, где люди живут хорошо, при-

² Кожушко Е.П. Современный терроризм: Анализ основных направлений / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Мн.: Харвест, 2000. С. 57–152.

³ Соколова С.Н. Философия государственного регулирования безопасности в российском обществе: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2011. С. 38.

⁴ Джеймс М. Бьюкенен. Сочинения / Пер. с англ.; гл. ред. Р.М. Нуреев и др. М.: Таурус Альфа, 1997. Т. 1. С. 398.

чин для терроризма нет. При этом эффективная социальная политика якобы может сама по себе, что называется на «автомате», предотвращать и минимизировать террористическую угрозу. Но сегодня все больше ученых, экспертов, политиков и общественных деятелей понимают: социальная стабильность не гарантирует защиты от всплеска террора и насилия.

Приведем отечественный пример. Общеизвестно, что в настоящее время республики Северо-Кавказского федерального округа весьма щедро финансируются из госбюджета России. Планируется, что объем целевых расходов властей на их развитие до 2025 года составит более 3,8 трлн руб. — эта сумма зафиксирована в подготовленной Министерством регионального развития программе развития округа. Фактически, расходы на эту госпрограмму запланированы в десять раз больше, чем сейчас предусмотрено действующими региональными целевыми программами. Но деньги не решают проблем взаимоотношений между кланами, между властью и населением в регионе. Поэтому мы считаем, что, несмотря на обильное финансирование Северо-Кавказского региона, причины и условия для терроризма остаются.

Наш шестой вывод: скорее всего, организаторы последующих терактов будут все активнее использовать Интернет, социальные сети и мобильную связь. Современные информационные технологии и правовые механизмы в развитых демократических государствах позволяют малочисленной группе людей овладеть всеми необходимыми ресурсами для проведения широкомасштабного теракта. Так, А. Брейвик на законных основаниях приобрел огнестрельное оружие, имел достаточные финансовые средства для приобретения взрывчатки, отслеживал информацию о действиях политических деятелей Норвегии, а также о системе безопасности на острове Утойя и т.д.

Постепенно террористы, использующие новые информационные технологии, начинают все больше походить на организаторов «цветных революций». Не случайно вооруженная оппозиция в Судане и Египте, участники событий декабря 2010 года на Манежной площади в Москве активно использовали социальные сети. Подобные изменения ученые-криминологи называют мимикрией преступности, под которой они понимают, прежде всего, слияние преступных деяний с социальным, культурным и духовным фоном общества⁵. А с точки зрения политологии, террористы все активнее включаются в различные социальные процессы, применяя при этом все имеющиеся в их распоряжении современные политические и информационные технологии.

Наш седьмой вывод: терроризм в настоящее время уже не только преступный вид деятельности, и даже не только негативное социальное явление, но и современная политическая технология. Понимание терроризма как «продвинутой» политической технологии позволяет по-новому взглянуть на существующие механизмы противодействия террористической угрозе, базовую основу которых составляет специальная (политический сыск), правоохранительная и судебная системы.

Особая острота проблемы заключается в том, что органы правопорядка предназначены для борьбы с «обычной» преступностью, а не для противодей-

⁵ Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 75.

ствия различным политическим технологиям. Так, существующие в Норвегии система права и эффективный социальный порядок не смогли ни предотвратить, ни даже минимизировать ужасный по последствиям теракт А. Брейвика. Попытки же разрешить проблему революционного движения в России XIX — начала XX века методами политического сыска, как известно, разрушили ее в 1917 году. Поэтому не нами придумана необходимость выработки иных подходов к формированию безопасной среды человека.

Изменения неизбежны?

Предложим несколько мер по предотвращению подобных угроз в будущем.

Первая мера — формирование общественных институтов безопасности. Любому обществу нужны новые институты безопасности, направленные на защиту отдельных граждан, социальных групп и общества в целом от насилия и террора. Речь, прежде всего, идет о формировании институтов общественного противодействия терроризму. «Для России, как и многих других стран постиндустриального мира, созрела необходимость институционализации организованного снизу общегражданского противодействия терроризму, — пишет гендиректор Общенационального неправительственного центра по предотвращению терроризма В.В. Луков⁶.

Попытки государственной власти самой сформировать такие институты будут обречены на провал. Такой вывод подтверждается американским философом Ф. Фукуямой, считающим, что государство может создавать только новые органы и учреждения, но не институты. Сеть институтов безопасности появится тогда, когда власть будет создавать условия для этого процесса, а у общества появится потребность в подобных институтах и запрос на них. И тогда, со временем эти институты будут образованы общественностью и гражданами в нашей стране⁷.

«Если органы более или менее эффективны при стабильном политическом строе (чаще всего закрытого характера), — пишет Ф. Фукуяма, — то с наступлением любых изменений в политической системе (например, в связи с либерализацией, модернизацией и т.д.) фактически сразу обнаруживается нехватка соответствующей структуры институтов»⁸. Поэтому нашей власти и обществу пора понять, что патернализм в сфере безопасности и надежды только на силовые структуры и спецслужбы не создадут безопасную среду в России.

Формирование общественно-государственной системы безопасности предполагает решение широкого круга задач, требующих согласованных усилий граждан, социальных групп и власти. Решение этих задач целесообразно проводить на основе «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации». В этих документах уже намечены контуры работы по консоли-

⁶ Луков В.В. Международный терроризм: Новые подходы российских ученых (об актуальных проблемах общественного противодействия терроризму). М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 12.

⁷ Шляков С.А. Трансформация отечественных институтов безопасности (на примере МЧС России) // Власть. 2011. № 2. С. 9.

⁸ Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке / Пер. с англ. М.: АСТ МОСКВА, 2010. С. 39.

дации усилий и ресурсов отечественной власти, институтов гражданского общества в сфере безопасности. То есть власти следует обеспечить как предоставление качественных услуг безопасности обществу и гражданам, так и конкуренцию между государственными и негосударственными структурами в этой сфере.

Необходимо вовлекать в сферу безопасности институты гражданского общества.

Во-первых, увеличивать число организаций и учреждений в сфере безопасности за счет негосударственных структур, образуя единую систему общественно-государственной безопасности. Аутсорсинг реализуют у себя сегодня многие российские силовые структуры, но мы считаем, что со временем в нашей стране объективно появятся частные военные компании, а также негосударственные компании, оказывающие самые различные услуги в сфере безопасности. Не случайно Р. Уэсселер и Дж. Фридман полагают, что в этом заключается магистральный путь развития сферы безопасности.

Во-вторых, внедрить практику, когда подготовка проектов и заключение правовых договоров в области безопасности и обороны проводится только с участием представителей общественных организаций, функционирующих в сфере безопасности. Например, высшее руководство нашей страны уже приходит к пониманию необходимости привлечения общественности к политико-правовому регулированию деятельности силовых структур. Так, по предложению президента России Д.А. Медведева в августе 2010 года в Интернете был размещен проект Федерального закона «О полиции» для широкого обсуждения. Кроме этого, глава государства в феврале 2011 года предложил общественным деятелям представить свою антикоррупционную экспертизу закона «О полиции» и вместе с ними заполнить существующие в нем пробелы.

В-третьих, государственной власти целесообразно согласовывать основные принципы политики с институтами гражданского общества. Как пишет исследователь Н.Ю. Данилова, «функция гражданского общества заключается в распространении, оценке информации о политике безопасности и обороны, формировании общественного мнения, подготовке экспертных материалов, анализе механизма принятия решений в этой сфере, проведении мониторинга ситуации в вооруженных силах, защите прав военнослужащих, оказании гуманитарной помощи, разработке стратегий миротворчества, разрешении конфликтов и многом другом»⁹.

В-четвертых, имеет смысл включать в состав российской делегации для участия в саммитах и совещаниях в сфере обороны и безопасности представителей общественных структур, правозащитных организаций и бизнеса. По факту руководство нашего государства уже обращается к помощи независимых экспертов для решения проблем международной безопасности. «То, что сегодня этими вопросами занимаются не только государственные служащие, и не только те, кто хорошо знает международные отношения, имеет большой опыт, думаю, что это очень неплохо», — заявил Д.А. Медведев в марте 2009

⁹ Данилова Н.Ю. Армия и общество: принципы взаимодействия. СПб.: Норма, 2007. С. 213–214.

года на встрече с членами независимой консультативной комиссии по изучению политики США в отношении России¹⁰.

В-пятых, целесообразно фактически заново формировать систему политического контроля и общественной экспертизы над деятельностью силовых ведомств и спецслужб. Мы согласны с исследователем А.В. Лаврентьевым, полагающим, что «полемика по проблематике контроля над силовыми структурами отошла на второй план, а проблема остается в целом нерешенной»¹¹.

Основными общественными структурами, выражающими интересы граждан в сфере безопасности, скорее всего, станут комиссии Общественной палаты — по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебной-правовой системы, по развитию волонтерства и благотворительности, по международным отношениям и свободе совести, по вопросам развития гражданского общества. Также существует необходимость повышать социальную роль Общественных советов при силовых министерствах. Они пока являются совещательными органами при руководителях федеральных органов исполнительной власти, а их решения носят рекомендательный и даже, скорее, пиаровский для силовых структур характер. В свою очередь, условиями для активизации деятельности населения в сфере безопасности является создание ценностной системы и повышение потребностей у граждан России в формировании институтов безопасности «снизу».

Однако даже точного выполнения этих условий сегодня также недостаточно. Существует настоятельная необходимость в создании, становлении и развитии системы социальных связей внутри общества в сфере безопасности, в открытости деятельности самой власти и институтов безопасности. Только наличие всех указанных условий может детерминировать формирование институциональной безопасности нового типа на условиях партнерства власти и гражданского общества.

Вторая мера — качественное изменение характера и содержания воздействия на сферу безопасности. В этой сфере назрел переход от системы государственного управления к госрегулированию. Пора в нашей стране не только предусмотреть и осуществлять прямое административное воздействие со стороны исполнительной власти на сферу безопасности, но и всемерно развивать политическое воздействие в виде госрегулирования со стороны политической с участием законодательной и судебной ветвей власти. На наш взгляд, потому, что современное государственное управление в сфере безопасности не предполагает эффективное сотрудничество с негосударственными структурами, действующими в этой сфере: ЧОПами, частными детективными агентствами, сообществами спасателей, казачьими подразделениями и т.д.

Неправильно противопоставлять систему негосударственных органов системе национальной или комплексной безопасности, они друг друга дополняют. В то же время негосударственная система обладает рядом особенностей, отличающих ее от предприятий, органов и структур, входящих в систему

¹⁰ Начало встречи с членами независимой консультативной комиссии по изучению политики США в отношении России // президент.рф/выступления/3385 (дата обращения: 27.08.2011).

¹¹ Лаврентьев А.В. Гражданский контроль над вооруженными силами и разведывательными службами в США (по американским источникам). М.: Изд-во МГОУ, 2005. С. 6.

государственной безопасности: отсутствие иерархических управленческих звеньев и жесткой управленческой структуры; деятельность ее элементов координируется общественной по характеру формирования организацией (союзом, ассоциацией); постоянные связи между элементами отсутствуют и возникают по мере необходимости. То есть система негосударственных органов в сфере безопасности представляется нам более гибкой и во многом сетевой.

Поэтому в условиях системы государственного управления практически невозможно согласовать интересы каждого гражданина, различных больших социальных групп, общества в целом и государства. В связи с этим необходимо осуществить переход к приоритетному политическому воздействию со стороны элиты на сферу национальной безопасности, на практике перейти к системе ее регулирования, когда государство будет играть основную, но координирующую роль.

Необходимость госрегулирования в сфере безопасности обусловлена еще одним отличием государственной и негосударственной систем. Это отличие состоит в том, что госсистема безопасности отражает и защищает, в первую очередь, интересы власти, а негосударственная система — ближе к выражению и защите интересов гражданского общества и граждан. Это связано с тем, что негосударственная система безопасности складывалась исключительно по инициативе граждан для защиты их частных интересов.

Введение системы госрегулирования в сфере безопасности, формирование институтов безопасности в обществе позволяют переосмыслить такие термины, как «национальная безопасность» и «комплексная безопасность». Может быть, теоретически удастся их «примирить» введением в политическую науку понятия «институциональная безопасность». Институциональный метод исследования безопасности поможет расширить наши представления об этой сфере и мерах по повышению ее эффективности.

Третья мера — переход от антитеррористической борьбы к формированию политики противодействия терроризму. К сожалению, пока руководством ведущих государств больше внимания уделяется силовой составляющей этой политики. Скорее всего, это происходит в силу того, что международное сообщество настроено в основном вести войну/борьбу с терроризмом. Фактически не до конца осознана необходимость перехода от этой войны к осуществлению продуманной и целенаправленной системы широкого спектра мер, в первую очередь политических на международном уровне. Поэтому ключевым отличием международной антитеррористической политики от борьбы с международным терроризмом является ориентация на приоритетность политических мер в эффективном сочетании с социальными. Военные же и другие силовые средства в рамках политики противодействия международной антитеррористической угрозе должны рассматриваться как крайние и дополнительные к несиловым.

Власти и общественным институтам пора активнее формировать общеевропейскую (включая Россию, Украину, Белоруссию, Молдову, Приднестровье, закавказские признанные и непризнанные государства) антитеррористическую политику. В отличие от борьбы с терроризмом (которая направлена на субъектов терроризма), политика всегда направлена на формирование у насе-

ления антитеррористического сознания, устранение причин и условий возникновения террористической угрозы. Для формирования и разработки такой политики следует привлечь научную и экспертную европейскую общественность, включая российских ученых. Не случайно, в Указе Президента России от 7 июля 2011 года № 899 из восьми приоритетных направлений развития науки, технологии и техники первым определено «Безопасность и противодействие терроризму»¹².

Четвертая мера — введение реального парламентского и общественного контроля за деятельностью силовых ведомств и спецслужб. Во главе такого контроля должны быть депутаты Госдумы — представители комитетов по обороне и безопасности и члены комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебной-правовой системы. Основной их функцией должно стать противодействие неподконтрольному расходованию национальных ресурсов и нарушениям законодательства со стороны сотрудников силовых ведомств и спецслужб.

Гарантии предотвращения злоупотребления властью в демократическом обществе никогда не могут стать действенными, если сами руководители с помощью граждан и СМИ не будут заинтересованы в поддержке систематического контроля за исполнительными органами, предупреждающего общество о посягательствах на законность и правопорядок со стороны самой власти. Поэтому взаимодействие высших органов госвласти, ответственных должностных лиц, общественных организаций и СМИ необходимо для освещения механизмов госуправления, остающихся закрытыми для контроля¹³.

Пятая мера — формирование положительного имиджа российской антитеррористической политики. Эта мера требует повышения роли и уточнения места ряда общественных объединений и российских СМИ в противодействии терроризму.

Шестая мера — быть бдительными в связи с возможным перерастанием теракта в большой (по объему и последствиям) конфликт. Наверное, не все уже помнят, что убийство в июне 1914 года эрц-герцога Ф. Фердинанда и его жены герцогини С. Гогенберг в Сараево членом сербской террористической организации «Млада Босна» также поначалу выглядело заурядным фактом национальной криминальной хроники. Но именно этот теракт стал поводом к началу Первой мировой войны.

Некоторые выводы

Таким образом, ничего нового в политическую теорию, в политическую и специальную деятельность норвежский теракт не внесет. Основные выдвигаемые нами идеи достаточно просты: власть должна доверять своим гражданам, рассматривать их в качестве контрагентов и на этом основании создавать единую систему общественно-государственной безопасности. В демократическом обществе спецслужбы должны быть подконтрольны власти и организо-

¹² События.президент.рф/справки/987 (дата обращения 4.08.2011).

¹³ Рыжак Н.И. Контроль законодательной власти за деятельностью спецслужб (Теоретико-правовые вопросы исследования): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 5.

ванным гражданам. Для организации этого контроля неизбежна дальнейшая либерализация сферы безопасности. Иного пути просто нет.

Сегодня бороться с терроризмом нужно, но победить его фактически невозможно. Как политическое явление, технология и метод политической борьбы он в ближайшем будущем будет весьма и весьма активно использоваться. Теракт А. Брейвика сплотил норвежскую нацию. Но вряд ли так будет всегда.

Необходимы дальнейшие научные исследования качества формирования безопасной среды путем сближения дефиниций национальной и комплексной безопасности. Возможно, что платформой такого сближения станет разработка теории институциональной безопасности, в основе которой — формирование «правил игры» в интересах каждого гражданина, любой социальной группы, общества в целом.

СПРОСИТЬ У СЕБЯ: А ЧТО МЫ МОЖЕМ САМИ?

*Беседа публициста **Геннадия Бочарова**
и сенатора, председателя Комиссии Совета Федерации
по культуре **Виктора Лопатникова***

Некоторое время назад я встретился с Виктором Лопатниковым, с которым был давно знаком. Речь, естественно, зашла о том, что у кого, образно говоря, болит. У Лопатникова болела культура, которой он профессионально занимается уже немало лет, у меня — неизбывный интерес к этой сфере как неиссякаемому источнику животрепещущих проблем. В разговоре, среди прочего, он рассказал о запомнившемся ему предсказании генерального консула Японии г-на Суэдзавы о последствиях начавшейся в те годы перестройки. Незадолго до отъезда из страны Лопатников спросил у него, что он думает о переменах, которые происходили в нашей стране. Дипломат был откровенен: «Мне жаль вас. Вы станете такими же, как все. Утратите свою самобытность». Но ведь мы, возразил Лопатников, становимся на путь, каким идет все западное общество. Вы призывали нас к этому долгие десятилетия. «Это так, — сказал г-н Суэдзава. — Но будьте готовы к неизбежным жертвам. Вы даже не заметите, как утратите самые ценные из тех черт, которые присущи только вам».

— И вскоре, Геннадий, это стало происходить. А теперь уже можно сказать — произошло, — сказал Лопатников.

— А вот об этом давайте подробнее. Я думаю, ни один разумный человек не пожалел бы об утрате таких наших черт, как пьянство или холуйство. Как чиновничье кумовство или мздоимство. Как терпимость к беспорядку или извечному пренебрежению к законам.

— Но если бы речь шла только об этом, — возразил Лопатников. — Речь идет обо всем том, что мы понимаем под словом культура. То есть о культуре как образе жизни народа, страны, социума.

— Что же такое должно было произойти за такой относительно короткий срок, чтобы огромная страна стала другой, враз утратив свою культурную самобытность? — удивился я.

— Самосознание, национальная культура всегда оказывались жертвой социальных потрясений. Они затрагивали все слои общества — от высших до низших. Так было всегда и так всегда будет. Россия знает слишком много драматических переломных этапов. Они не могли не влиять на национальное самосознание людей. На их мировоззрение. Петровские реформы, уничтожившие «старомосковский» «дремотно-азиатский» уклад жизни, привели к трансформации

традиций, быта, нравов россиян. Общественное мнение постоянно подвергалось воздействию полярных взглядов. В самом деле, при Петре I — одно мировоззрение, при Николае I — другое, при советской власти — третье. Какому народу еще выпали подобные исторические испытания? Кто сегодня может ответить на вопрос о нынешнем мировоззрении россиян? Думаю, что внятно — никто. Потому что оно представляет собою невероятную смесь позиций, взглядов, настроений и устремлений. Что, в общем-то, и неудивительно. Удивительнее то, что это определяющее в значительной мере своеобразие духовного мира наших людей, их образа жизни мало учитывается общественной практикой.

— Согласен, Виктор Алексеевич. Необходимость культурной самобытности не должна обесцениваться общественным и государственным безразличием.

— А предпосылки уже налицо. В бюджете на 2012 год — ни строки о культуре, только «подстрочник». Государство не готово к удовлетворению запросов современного культурного процесса. В связи с этим вспоминаю академика Дмитрия Сергеевича Лихачева — он тоже предвидел, с чем столкнется российская культура. В конце своей жизни он составил проект под названием «Декларация прав культуры». Проект был опубликован в сентябре 1995 года. Через два года проект поддержал Учредительный съезд российской интеллигенции в Москве. А следующий шаг — полка. Что мы имеем сегодня? Устаревший закон «О культуре» 1992 года. Несколько лет говорили о необходимости его обновления. И новый проект появился. Разработанный с учетом современных реалий, он был представлен в Общественную палату. Из палаты он вышел с ярлыком: «документ-благопожелание»...

— В чем же главный тормоз? — спросил я.

— В том, что по-прежнему не определены источники жизнеобеспечения сферы культуры, — ответил он. — И без этого он и не продвинется дальше декларации, как и все предшествующие.

— А как же насчет благотворительности, которая за рубежом серьезно поддерживает культуру как образ жизни? У нас, как известно, немало сверхбогатых людей. А точнее — 500 топ-сограждан, владеющих миллиардами. Как никак, первое место в мире по их числу!

— Цифра, которую вы озвучили, говорит только об одном: значительная доля национального достояния государству уже не принадлежит. Так что нравственная атмосфера в деловом мире изменится, видимо, не скоро. Ведь по большому счету благому делу уже серьезно сегодня не препятствует ничто. Особенно миллиардерам. Кроме нравственной глухоты.

— Болезнь?

— Болезнь, и очень запущенная, — согласился Лопатников.

— Уже многие годы наши интеллектуалы говорят о создании благоприятных условий для меценатства. Что-нибудь сдвинулось с мертвой точки? Или это тоже лишь умозрительная необходимость?

— Когда-то казалось, что да, сдвинулось. На десятом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи СНГ в декабре 1997 года был принят модельный закон «О меценатстве и благотворительной деятельности». Но в октябре 2010 года российский Форум меценатов констатировал: точка как была мертвой, так и осталась. В действующих все это время законах этой позиции как не было, так и нет. А сравнительно новый законопроект, внесенный в Государственную Думу, отложен на неопределенный срок...

— И все же, что можно сказать о государственной поддержке культуры в современной России? Есть ли хотя бы видимость системы, по которой такая поддержка, пусть и минимальная, осуществляется?

— Определенно нет. В сущности, любые «вливания» происходят без ясного представления о том, кто в них нуждается в первую очередь, а кто — в десятую. Распределение средств не мотивировано знанием реальности. А нередко и здравым смыслом. Источники, из которых должно было бы складываться хотя бы относительное благополучие культуры, замутнены. Средства расходуются нерационально. Часто — бесконтрольно. Олигархи «от культуры» склоняют государственные институты в пользу выгодных им проектов. Бизнес-сообщество обслуживает корпоративные амбиции. Ресурсы, поступающие от учредителей, размазываются по неисчислимым союзам и ассоциациям. Там же, где еще сохраняются родники подлинно народной культуры, уровень оплаты труда работников, как и само состояние объектов культуры, находится в удручающем состоянии. Некоторые чиновники во властных структурах источником финансирования культуры хотели бы видеть платные услуги. По их мнению, это бы позволяло учреждениям культуры самим ощутимо пополнять свой бюджет. Вероятно, могло бы. Но далеко не всем и не сейчас. Подобные проекты, в части имеющей отношение к реальной культурной деятельности, вероятно, навеяны впечатлениями от коммерческих успехов шоу-бизнеса. От вульгарно-ослепительного образа жизни его звезд. От упоения воцарением прежде запрещенного. Ничем другим это не объяснишь.

— Что же вы предлагаете?

— Создание крупных частно-государственных фондов. На федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Это поможет избавиться от непрозрачного расходования и без того скудных средств. Поможет аккумулировать денежные ресурсы, направлять их на целесообразное использование. Эту роль могли бы взять на себя попечительские советы из независимых экспертов.

— Это идея? Предложение? Или осторожное пожелание?

— Это необходимость. Госбюджету все труднее восполнять нужды культуры. Но нельзя и дальше не понимать, какое значение имеет культура для великой страны.

— Но это должно востребовать появление иного министерства культуры. Иных чиновников, иных менеджеров. Новых методов работы «культурного» сектора президентской администрации. И вообще принципиально иных инициатив и энергии.

— И, прежде всего, — заключил Лопатников, — упорядоченного и разумного подхода к проблеме, единственно определяющего основы существования и развития цивилизованного государства. Глубоко убежден, что именно такой подход должен возобладать в политическом руководстве страны. А главное, считаю, что мы, я имею в виду граждан страны, должны спросить у себя: а что мы можем сами, каждый из нас? В своей совокупности народ не только основной потребитель, образно говоря, продуктов культуры, не только ее хранитель, но и многовековой ее создатель.

Очередной разговор. Очередные слова. Очередное раздражение и озабоченность.

Но говорить об этом человеку, который занимается этой проблемой предметно, было бы не очень тактично. В лучшем случае получилась бы новая оживленная беседа с тем же, увы, исходом.

Валерий ПАУЛЬМАН (Эстония)

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА ВО ВЛАСТИ СТИХИИ

То, что в обстановке эйфории и грандиозных праздничных салютов в связи с наступлением третьего тысячелетия казалось еще немыслимым, уже к концу первого десятилетия текущего столетия стало явным. Метастазы все-стороннего кризиса поразили капитализм до самых глубинных оснований. *Глобализация мировой капиталистической системы обусловила ее вхождение в качественно новую фазу развития.* Одним из характерных ее проявлений является длящийся уже пятый год мировой экономический кризис.

Некоторые могут возразить: разве можно говорить о кризисе, когда в США и в Евросоюзе статистика фиксирует неуклонно снижающиеся, но, тем не менее, плюсовые темпы роста ВВП? Однако следует иметь в виду, что кризис представляет собой сложное экономическое, социальное, политическое и нравственное явление, которое не может характеризоваться только одним показателем. Даже после преодоления спада производства кризис может еще долго продолжаться, проявляясь в *растущем государственном долге, бюджетном дефиците, высокой инфляции, массовой безработице* и т.д. Короче, экономико-социальное положение в любом государстве, да и в целом в мире, определяется *системой показателей*. И чтобы правильно оценивать ситуацию в экономике, следует отслеживать положение дел во всех ее сферах, а не ориентироваться только на динамику ВВП. Словом, необходим системный подход. Разве можно признать нормальным уровень безработицы в 10%, или величину государственного долга, равную или превышающую объем годового ВВП страны? И совсем не случайно, что в дебатах с республиканцами перед принятием решения о повышении лимита кредитования Барак Обама и Гайтнер использовали слово «кризис», характеризуя состояние экономики США. Также очевидно, что долговой кризис, терзающий сегодня Евросоюз, обусловлен общим кризисом ее экономики.

Если до сих пор характерной была цикличность функционирования капиталистической экономики, то в настоящее время все с большей степенью вероятности можно утверждать, что *суть новой фазы состоит в перманентности экономического кризиса*. И совершенно не случайно управляющий директор Всемирного экономического форума (ВЭФ) Роберт Гринхил высказал в очередном докладе *Global Risks Report 2011* мысль о том, что «...часто-та возникновения и серьезность рисков для мировой экономики увеличи-

лась, в то время как возможности систем мирового регулирования по борьбе с этими рисками не возросли. Системы XX века не могут справиться с рисками века XXI, и миру необходима новая сеть взаимосвязанных систем для распознавания и предотвращения рисков, прежде чем они успеют вырасти в кризисы».

Один из авторов упомянутого доклада Дэниэл Хофманн уверен, что текущая кредитно-денежная политика является неустойчивой в большинстве развитых стран. В отсутствии структурных изменений может увеличиться риск суверенных дефолтов (<http://news.mail.ru/economics/5106473/>). В Евросоюзе в таком положении, как известно, уже оказались Греция, Ирландия, Португалия; а на очереди — Италия, Испания и Бельгия. Сгущаются тучи и над Францией.

Приступая к рассмотрению современных сложнейших общемировых проблем, необходимо, в первую очередь, отметить *взаимосвязанность факторов* возникновения качественно новой ситуации для воспроизводства совокупного глобального капитала. Ведь у кризиса не одна, а множество причин. В частности, уместно подчеркнуть, что свое мощное воздействие на экономические процессы оказывают также *геополитические конфликты*, число которых не уменьшается, а наоборот, возрастает. Все это в итоге не может не порождать эффекта мультипликации рисков.

И еще один существенный момент, который вносит диссонанс в функционирование глобальной экономики, — это *различие в темпах роста ВВП*, обусловленное особенностями экономических систем тех или иных государств. Особенно ярко это видно на примере Китая, США и Евросоюза, интересы которых по многим проблемам не только не совпадают, но даже противоположны (дефициты платежного и торгового балансов США и многих стран Евросоюза, соотношение номинальной и реальной покупательной способности доллара, евро и юаня). Если в 2010 году экономика Китая выросла на 10%, то США — на 3%, а Евросоюза — почти на 2%.

Противоположность или несовпадение интересов капитала и труда стран «золотого миллиарда» и остального мира, а также национальных интересов различных стран — все это в условиях разбушевавшейся стихии рынка сводит на нет попытку прийти к общему знаменателю в решении глобальных проблем.

Приступая к непосредственному рассмотрению наиболее острых проблем современности, отметим сначала важнейшие процессы в области производительных сил, порождающие глубочайшие макродефекты в глобальной системе экономических отношений. Они следующие:

1) Истощение природных ресурсов с учетом быстрорастущего населения

Сегодня энергетика большинства стран базируется на использовании углеводородного топлива и атомной энергии. Используются и так называемые альтернативные источники энергии (гидроэлектростанции, ветряки, солнечные батареи и др.). Однако гидроресурсы есть далеко не во всех странах, а электроэнергия, получаемая с использованием силы ветра, солнечной энергии, в разы дороже, чем на атомных электростанциях или станциях, работающих на угле, сланцах, газе и нефти. Сегодня на альтернативные виды энергии

(включая энергию приливов и геотермальные источники) приходится около 1% совокупного потребления энергии. И вряд ли эта доля к 2030 году превысит 5%.

СМИ наводнены сообщениями о том, что мир стоит на пороге нефтяного кризиса, который может случиться в ближайшие пять лет. Эти сообщения продолжают все время поступать на фоне разговоров о том, что пик нефтедобычи уже пройден. Однако такие компании, как BP и ExxonMobil, а также такой крупнейший производитель нефти, как Саудовская Аравия, считают, что беспокоиться не о чем. Пока еще имеются свободные мощности в странах ОПЕК. Глава компании Aramco из Саудовской Аравии Халид аль-Фалих заявил на последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе, что из 4 трлн баррелей нефти, которые имеются на планете, добыт только один триллион. Однако, комментируя это заявление Халида аль-Фалиха, британская газета *The Times* писала: «Это факт, что большая часть оставшихся ресурсов более трудно извлекаема, без сомнений, но мы можем обеспечивать больше 95–100 млн баррелей в сутки, как то прогнозируется на следующие несколько десятилетий» (*bfm.ru*). Всемирный банк дает следующий консервативный прогноз: цена барреля нефти в 2011 году составит 96,8 долл., в 2012 году — 92,3 долл. Но в силу различных причин, в том числе и в результате масштабных спекуляций, цены на нефть явно имеют тенденцию к росту и вряд ли она сменится на противоположную. По оценкам специалистов компании BP, ежегодные инвестиции в добычу нефти в ближайшие десятилетия составят около 1 трлн долл.

Обобщая, можно сделать вывод о том, что энергетический и сырьевой секторы мировой экономики испытывают весьма сильное напряжение и весьма неустойчивы из-за *спекулятивных операций* на мировом рынке. Достаточно отметить, что в 2008 году цены на добываемые природные ресурсы, по данным ЮНКТАД, превысили уровень 2000 года почти в 3,5 раза.

2) Нарушение экологического баланса на земном шаре и обусловленное этим глобальное изменение климата

Вывод экспертов таков: если средняя температура на Земле повысится еще на 2°C, то успокоить атмосферу планеты уже не удастся. Правда, учеными из Оксфорда названа другая «точка невозврата» — повышение средней температуры против сегодняшнего уровня на 4°C. Столь большое увеличение может быть достигнуто к 2070 году. Именно при такой температуре вечная мерзлота и воды океана начнут выпускать в атмосферу парниковые газы, и этот процесс станет необратимым.

К сожалению, полномочные представители 193 стран мира, собравшиеся в начале декабря 2009 года в столице Дании, несмотря на предварительные двухлетние переговоры, так и не сумели в течение целой недели заседаний, проходивших под мощным давлением огромного стечения «зеленых» и антиглобалистов (а их собралось около 30 тысяч), достичь договоренности, устраивающей всех участников саммита. Все ожидали, что на конференции будет наконец-то подписан юридически обязывающий документ об ограничениях на промышленные выбросы в атмосферу, который заменит Киотский протокол, чье действие истекает уже в 2012 году.

Неспособность государств мира договориться по одной из самых животрепещущих проблем, с которой столкнулось человечество в результате бурного роста индустрии и хищнического использования природных ресурсов, еще раз доказывает, что частные интересы значительно весомее общечеловеческих, а так называемое «мировое сообщество» расколото сегодня на два противостоящих друг другу лагеря. Причина этого острейшего глобального противоречия элементарно простая — *диаметральная противоположность экономических интересов развитых и «периферийных» стран.*

Обратимся теперь к рассмотрению комплекса проблем в области *экономических отношений* глобального капитализма.

Регулирование валютного курса. Неустойчивость главных мировых валют — доллара, евро, фунта стерлингов и иены — сегодня стала очевидной. Все аналитики, следящие за валютными биржами, отмечают их нестабильность. Как заметил Джордж Сорос, инвесторы уходят от валютных вложений, предпочитая, как и он сам, вкладываться в реальные активы, например, в золото. Он высказал мнение, что *валютная система, которую мир имеет в настоящее время, фактически сломана.* В то же время ясно, что без стабильной валюты никакое преодоление кризисов невозможно. До тех пор пока валютные биржи будет лихорадить, затрудняя прогнозирование курса той или иной конвертируемой валюты, ни о каком завершении экономического кризиса говорить нет смысла.

Имея в виду государства как игроков на глобальном рынке, эксперты Департамента по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ) ООН в докладе «*Мировое экономическое положение и перспективы в 2011 году*» (раздел «Резюме») писали: «...обменные курсы основных валют были очень нестабильны в течение 2010 года, и эскалация напряженности быстро распространилась на другие валюты. Неспособность поддерживать стабильность обменных курсов между тремя основными международными резервными валютами отрицательно сказалась также и на валютах стран с формирующейся рыночной экономикой. Резкое увеличение притока капитала в развивающиеся экономики, подпитываемое расширением денежной массы в развитых странах и переформированием портфеля международных инвесторов, а также ослаблением курса доллара, создало давление в сторону повышения обменных курсов в некоторых странах с формирующейся рыночной экономикой. Развивающиеся страны отреагировали на это вмешательством на валютных рынках и/или введением контроля над движением капитала, чтобы избежать повышения курсов валюты, утраты конкурентоспособности и образования финансовых «пузырей». Нестабильность валют и ощущение, что валютные курсы отклоняются от равновесного уровня, может стать частью крупного конфликта по поводу торговли, который вполне может вылиться в волну протекционистских мер и ответных действий по всему миру, вновь создавая риск прекращения роста мировой экономики и дестабилизации финансовых рынков» (стр. 10).

К сказанному следует добавить, что не только КНР, но и другие страны (Япония, Бразилия, Малайзия, Перу, Колумбия, Сингапур) вступили, по существу, на тропу валютной войны, используя снижение стоимости национальных

валют как проверенный инструмент протекционизма, что содержит в себе угрозу дальнейшей дестабилизации системы мировых финансов. И, конечно же, боевые действия возглавляет ФРС США.

Выпуск в обращение массы дополнительных «зеленых» и казначейских билетов показывает, что вся внешняя политика США от начала и до конца основана на лицемерии и демагогии. Как можно очередную эмиссию долларовой массы увязать с обязательством, которое США приняли на себя, подписывая итоговую декларацию «двадцатки» на саммите в Сеуле, в которой они клятвенно заверили в очередной раз весь мир о том, что не допустят чрезмерной волатильности валютных курсов и будут воздерживаться от конкурентной девальвации валют? Двудличной является политика и других стран «двадцатки», которые недавно в Каннах вновь дали пустопорожнее клятвенное обещание, что ни в коем разе не допустят проведения политики протекционизма во внешней торговле. Как ни говори, а принцип «своя рубашка ближе к телу» остается превалирующим в жесточайшей конкурентной борьбе за выживание в системе глобального капитализма.

В большинстве стран текущая кредитно-денежная политика является не-устойчивой, что может привести к суверенным дефолтам. Начнем, пожалуй, с констатации того факта, что стоимость суверенных фондов (валютные накопления, различные активы, недвижимость, облигации и прочие финансовые инструменты, являющиеся объектом владения государств) составляет в настоящее время 3,8 трлн долл. и может возрасти в течение ближайших лет до 10–12 трлн долл.

Общеизвестно, что суверенные фонды не лежат мертвым грузом, а пускаются правительствами в оборот, превращаясь в капитал. Причем значительная часть этих фондов используется не столько для инвестиций в акции крупных компаний, сколько для приобретения облигаций займов других государств, главным образом эмитируемых США. Многие государства, которые, казалось бы не испытывают особых симпатий к США, тем не менее их кредитуют, приобретая ценные бумаги ФРС. К примеру, почти 90% золотовалютных резервов Японии представляют собой американские гособлигации, которая сама в то же время имеет государственный долг, превышающий 100% величины ВВП. Крупнейшим обладателем облигаций США является и Китай. Правда, уже сейчас наметилась тенденция освобождаться от облигаций США и вкладывать средства суверенных фондов в реальные инвестиции. А если Япония, Китай и другие страны начнут обналичивать именно ту часть фондов, которая вложена в американские облигации, то доллар неизбежно рухнет. Словом, суверенные фонды благодаря своей структуре представляют собой мину замедленного действия, которая может в любой момент взорваться.

Что же касается казначейских облигаций вообще (не только американских), то отмечается повальное стремление избавиться от них. Серьезные игроки вкладывают свои капиталы в золото. Сегодня, например, облигации Италии и Испании, скупает только ЕЦБ.

Не секрет, что сегодня многие страны накопили огромные государственные долги. Особую остроту эта проблема приобрела в Евросоюзе, в частности, в еврозоне. По данным Евростата, в 2010 году в 27 странах Евросоюза долг

составлял 80% от ВВП. «Рекордсменами» были следующие государства: Греция — 145%, Италия — 119%, Португалия — 93%, Бельгия — 97%. Евросоюзом для нейтрализации государственных дефолтов создан огромный стабилизационный фонд. Однако ряд стран еврозоны, вслед за Финляндией и Нидерландами, начинают выставлять дополнительные условия предоставления финансовой помощи бедствующим партнерам.

Ахиллесовой пятой экономики США, а следовательно, и всего глобального капитализма, также является огромный государственный долг, превышающий в 6 раз объем годового дохода казны, что благодаря бюджетной политике и внешним заимствованиям подвело страну к пропасти дефолта.

Общий итог на сегодня таков, что правительства, отягощенные огромными долгами, больше не в состоянии стимулировать экономику за счет госрасходов; даже наоборот — взят курс на их урезание.

Растущее влияние на экономические процессы гиперспекулятивных сделок валютой, деривативами, недвижимостью, сырьем, продовольствием. Этой проблеме была посвящена моя статья в «Вестнике аналитики» № 2 за 2010 год, и здесь нет необходимости подробно на этой проблеме останавливаться. Однако замечу, что на биржах фиксируются широкие финансовые кредитные спрэды и повышенная волатильность в связи с возросшими рисками новой волны кризиса.

Ненадежность многих банков, а также их политики в области кредитования, приводящая к нарушениям платежеспособного спроса на рынках, в особенности в сфере недвижимости и потребительского спроса. В начале текущего кризиса правительства спасли банковскую систему с помощью бюджетных денег, а центробанки снизили процентные ставки, влив в финансовую систему огромные объемы ликвидности. Повышение на основных фондовых биржах курсов ценных бумаг, хотя несколько смягчило убытки многих финансовых учреждений (было восстановлено в среднем около половины потерь, понесенных в ходе кризиса), тем не менее, процесс нормализации их финансового положения за счет частичного списания так называемых проблемных активов (а на самом деле дутых и сомнительных) и снижения доли заемных средств в капитале еще далек от завершения. Об этом свидетельствует анализ стресс-банков Европы.

Проблемы с капиталом развиваются в условиях кризиса ликвидности и снижающегося качества активов финансового рынка. Так, МВФ недавно оценил кредитные риски банков Европы в 300 млрд евро.

Наличие углубляющегося макроэкономического дисбаланса между экономикой развитых стран и стран так называемой периферии. Как показывают расчеты, страны «золотого миллиарда» различными способами изымают из беднейших стран примерно 760 млрд долл. в год. Из года в год увеличивается экономическая зависимость слаборазвитых стран от ТНК, международного финансового капитала; ширится «технологическая колонизация» менее развитых стран более развитыми.

Итак, какие выводы следуют из предыдущего анализа 7 узловых проблем?

Во-первых, повторяю, между всеми названными проблемами существует тесная взаимозависимость. Все они в той или иной мере влияют друг на друга, представляя собой огромную симметричную матрицу. Поскольку в глобальной стихийной рыночной экономике все страны взаимосвязаны, наряду с мультипликацией рисков *возникает явление «домино»*, т.е. приходит в действие цепочка причинно-следственных связей, кризисные явления передаются по цепи финансовых и торговых связей.

Во-вторых, экономическая политика, проводимая МВФ, Всемирным банком, государствами ОЭСР и периферийных капиталистических стран, в принципе остается той же, что и до кризиса, начавшегося в 2007 году. Вера в то, что свободный рынок решит все проблемы, остается непоколебимой. «Экономику сегодня, — заявил Джозеф Стиглиц, — пытаются лечить теми же средствами, что вызвали кризис, — увеличением кредитования и денежного предложения». Конечно, кризис заставил активнее включиться в регулирование экономических процессов чиновников международных структур и государственных аппаратов. Но они опираются в своих действиях на два столпа: *частный капитал и рынок*, которые между собой связаны неразрывно, как сиамские близнецы. Иначе и быть не может в системе глобального капитализма. А это означает, что *частные интересы всех субъектов воспроизводства в этой системе превалируют над интересами всеобщими, что неизбежно приводит к хаосу, стихийности в воспроизводстве общественного капитала в масштабах всей планеты*.

В мире господствует финансовый капитал. Финансовые рынки живут по своим правилам, а связь с реальным производством практически утеряна, что и доказал нынешний глобальный кризис, начавшийся в США в 2007 году с краха рынка ипотечного кредитования. Кредитные организации нацелены не на долгосрочные отношения с клиентами, а на получение прибыли уже на следующей неделе, финансисты в погоне за высокими бонусами берут на себя повышенные риски, в сделках огромную и все возрастающую роль приобрели торговля деривативами, дефолтными свопами и всевозможные спекулятивные операции, а также незаконная торговля, организованная преступность и коррупция.

Капиталистический мир все больше и больше напоминает гигантское казино.

И, наконец, самое главное — мы наблюдаем *отсутствие какого-либо эффективного механизма решения всех названных проблем*.

Меры, предпринятые по укреплению МВФ и Всемирного банка (которым еще недавно обещали верную гибель), а также по спасению крупнейших банков, корпораций, стимулированию экспорта и внутреннего спроса, оказанию финансовой поддержки государствам, погрязшим в долгах, осуждению пойманных за руку мошенников, ограничению бонусов топ-менеджерам и т.п., были неизбежны, чтобы спасти существующий порядок. Однако они лишь позволили не доводить экономику до полного краха, явились аварийными работами по укреплению разваливающегося фундамента глобального капитализма, латанием дыр тришкина кафтана.

В выступлениях политиков, экспертов лишь констатируются факты, осуждаются отдельные изъяны системы, а также содержатся многообещающие, громкие и, по существу, невыполнимые декларации по их устранению.

В то же время реальные проблемы не решаются, а с каждым месяцем и годом углубляются, вызывая в различных регионах мира массовые выступления отчаявшихся людей, как правило, жестоко подавляемые властями. И пока совершенно не просматривается свет в конце тоннеля. Градус всеобщего пессимизма поднимается с каждым днем.

В мире сегодня нет таких сил, которые были бы способны остановить кризис. Рынки — вещь посерьезнее, чем вышедший из-под контроля атомный реактор. *В настоящее время мировой рынок неподвластен ни одной из многочисленных структур, созданных в предыдущем столетии. Ни один из механизмов, призванных регулировать стихию рынка, не может справиться с задачей предотвращения кризисов: ни государственные бюджеты, ни центральные банки, ни международные коммерческие банки, ни биржи, ни международные структуры во главе с ООН, ни даже такой представительный орган, как G-20. Это вновь продемонстрировал последний саммит, на котором принятие решений по всем важнейшим проблемам (введение налога на финансовые транзакции, пополнение финансовых ресурсов МВФ, увеличение средств стабилизационного фонда еврозоны и т.д.) было отложено на неопределенное время.*

Разве все это не позволяет сделать вывод о том, что глобальная капиталистическая система вошла в качественно новую фазу развития — фазу перманентного кризиса?

Одни и те же «пузыри» и гнойники повсюду, которые сегодня вновь надуваются и созревают, готовые лопнуть в любую минуту. Естественно, хотелось бы верить в иное, но, к сожалению, жизнь со своими законами неумолима.

Недавно бывший глава Европейской Комиссии Жак Делор заявил, что Европа и евро находятся на *краю пропасти*. Действительно, сегодня мир подобен канатоходцу, балансирующему между жизнью и смертью над пропастью, куда он вот-вот может сорваться.

Валерий БОНДАРЕНКО (Беларусь)

БЕЛОРУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: РЫНОЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ В МАЛОЙ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКЕ

Белорусская экономическая модель — «социально ориентированная рыночная экономика» — представляет особый интерес для анализа по ряду весьма различных причин.

Впервые четкую формулировку основных особенностей белорусской модели дал в марте 2002 года президент РБ А.Г. Лукашенко в выступлении на заседании постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. (Подробнее см. <http://socglobal.ru/obschestvovedenie/89-belorusskaya-socialno-ekonomicheskaya-model.html>). Ее особенности, если идеологию вынести за скобки, заключаются в следующем: сильная президентская власть («президентская вертикаль власти»), исключительная степень централизации и персонификации этой власти, преобладание государственной собственности, централизованное государственное директивное планирование («государственный прогноз»). Все это очень способствует тому, что называют «ручное управление» экономикой и социальной сферой.

Многие годы эта модель управления приносила, на фоне СНГ в целом, позитивные результаты, особенно в социальной сфере. Причины называют разные, но результат есть результат. ...

«И я все эти годы бережно и с трепетом несус перед собой на своих руках этот светлый, хрустальный сосуд, имя которому — Беларусь. Несу, боясь его уронить, потому что уж очень он хрупкий и уязвимый» (из Обращения президента РБ А.Г.Лукашенко к белорусскому народу в связи с объявлением референдума, 07.09.2004, <http://www.president.gov.by/press18734.html>).

Оппозиция объясняет это проще — «авторитарный режим». Но на то она и оппозиция...

Белорусская экономика сегодня

«Кризиса нет — есть паника и ажиотаж...
Враждебные силы хотят дестабилизировать
обстановку в стране».

А.Лукашенко

Белорусская модель сегодня (октябрь 2011 года), как и 12–15 лет назад, в период ее расцвета, также представляет особый интерес.

Во-первых, весьма впечатляют масштабы и драматичность обвала: национальная денежная единица с начала года претерпела две девальвации и обесценилась на 189%... Если бы не было двух деноминаций, обменный курс составил бы 86 млн белорусских рублей за 1 долл.! Всемирный банк фиксирует мировой рекорд инфляции за последние 20 лет. Средняя зарплата белорусов, которая полгода назад уступала только российским и казахстанским заработкам (в долларовом эквиваленте), упала ниже уровня Узбекистана, Киргизии, Молдовы (см., напр., <http://hrm.by/issledovaniya/skolko-belorusov-gotovyi-osenyu-otpravitsya-na-zarabotki-za-rubezh.html>).

Во-вторых, теоретически весьма интересны причины этих явлений, а также их понимание и толкование властями, оппозицией, независимыми экспертами. Наконец, интересны предпринимаемые меры и перспективы. Понятно, что они мрачные — но насколько и как долго?

При этом было бы неправильно и необъективно отрицать те известные позитивные результаты (прежде всего, в социальной сфере), которые были достигнуты в предшествующие «тучные» годы, при гораздо более щедрой российской поддержке, при более выгодных условиях внешней торговли.

Причины валютного кризиса

«Мы еще до президентских выборов предвидели, что нас будут давить, целенаправленно и методично дестабилизировать обстановку. Так оно и произошло: сначала на валютном рынке, потом на продовольственном рынке, а потом рвануло в метро. Целая цепь».

А.Лукашенко

Как и следовало ожидать, власть и «не власть», т.е. оппозиция и независимые эксперты, различным образом понимают причины нынешнего кризиса и пути выхода из него. Собственно, власть вообще считает, что в стране никакого кризиса нет — есть лишь «проблемный период», «дефицит валюты» и т.п. Какой же это кризис, если все предприятия работают, безработицы нет, ВВП растет! Действительно, рост ВВП опять впечатляет: почти 10% (в сопоставлении с аналогичным периодом прошлого года) и заметно выше, чем в России и Украине, соответственно 4 и 5%. Правда, объясняется этот «рост» во многом именно «ажиотажем и паникой»... Кажется, именно в таких случаях говорят: «Лучше всех, да никто не завидует»...

Президент не случайно рекомендовал членам правительства не употреблять слово «кризис»: это не вопрос терминологии — это идеология и политическая установка. (<http://obozrevatel.com/abroad/lukashenko-zapretil-smi-pisat-o-krizise-v-belarusi.htm>). Папу лет назад, в разгар мирового финансового кризиса, президент тоже настоятельно рекомендовал не употреблять это слово, а напряженно работать.

По версии властей, причины «проблемного периода» в следующем:

- резкий рост цен на энергоносители;
- недостаточный уровень экспорта;
- ажиотажный спрос населения на импортные автомобили в связи с повышением ввозных пошлин в рамках Таможенного союза (за 3–4 месяца 2011

года на эти цели ушло примерно 1,5 млрд долл.); считается, что Беларусь пошла на «большие издержки» ради своих партнеров и рассчитывает на взаимопонимание;

— попытки «враждебных сил» дестабилизировать обстановку в стране.

Независимые эксперты основные причины валютно-финансового кризиса и непосредственные поводы для столь драматичного «облома» белорусского рубля видят также в следующем:

— экономически необоснованное, но политически/идеологически мотивированное резкое повышение зарплат бюджетникам перед президентскими выборами в декабре 2010 года (с 350 до 500 долл. в рублевом эквиваленте);

— ошибочные действия властей (точнее — их бездействие), которые не учли различные предостережения экспертов в 2009–2010 годах и даже в самом начале 2011 года;

— весьма существенное сокращение российских дотаций (дешевая нефть) и непривычно твердая позиция российских властей относительно условий предоставления кредита («под реформы и приватизацию»);

— необычно большие (до 1 млрд долл. в месяц) выплаты по совокупному долгу страны, который вырос в несколько раз с 2006 года (до 31 млрд долл.), после изменения условий российских поставок энергоносителей.

Столь разное понимание причин «проблемной ситуации» приводит к различным прогнозам и рекомендациям по выходу из этой же ситуации. Оппозиция полагает, как и 10–15 лет назад, что белорусская модель и прежние методы управления себя изжили. А Президент информирует, что «*Беларусь сохранила свою социально-экономическую модель развития*» (http://www.belta.by/ru/all_news/president/Belarus-soxranit-svoju-sotsialno-ekonomicheskuyu-model-razvitija)

Готовность властей и общества к «поворотному моменту»

Многие страны эпизодически — или периодически — попадают в кризисные ситуации. И тогда адекватность властей и всего общества определяет траекторию исхода из этой ситуации. Слово «кризис» в переводе с греческого означает, помнится, «исход, поворотный момент».

Существует так называемый *индекс экономической адекватности*, который оценивает готовность властей, политических партий или других институтов общества к неким креативным действиям, идеям или предложениям программного характера. Суть самих по себе идей не оценивается — лишь бы они были, эти идеи. В Беларуси в конце октября 2011 года были опубликованы результаты такого исследования. Они удручают: идей почти нет. Общий индекс адекватности — примерно 4%, или 7,15 баллов из 155 возможных... При этом «институты государственной власти, повинные в сегодняшнем экономическом кризисе в стране, заняли первое место (!) в рейтинге экономической адекватности» (цит. по <http://rce-ale.org/novosti/liberalniy-klub-opredelil-indeks-ekonomicheskoy-adekvatnosti-belarusi>).

Политические партии вообще — кроме одной — показали «наличие отсутствия» каких-либо программ. Данные исследования говорят о том, что в институтах государственной власти, в отличие от большинства политических

партий и движений, есть люди, понимающие необходимость проведения экономически адекватной политики. *«Однако усилий этих людей пока недостаточно, чтобы преодолеть структурные сложности в принятии решений на высшем уровне».* Интересно, что данное исследование также указывает на существование «значительных противоречий и конфликтов интересов внутри органов власти».

У Беларуси были шансы избежать нынешней «проблемной ситуации». В июне 2009 года представители минфина, минэкономики, нацбанка, экономических институтов Беларуси выработали предложения по сбалансированности национальной экономики в условиях долгосрочных кризисных явлений. Правительство рассмотрело их и... фактически отвергло.

Эксперты указывали, что «фундаментальной причиной несбалансированности белорусской экономики является ее высокая импорто-, энерго- и материалоемкость, технологическое отставание, низкая доля сбережений (особенно долгосрочных) и избыточное стимулирование потребительского спроса» (см., напр., <http://www.gomel-agency.org/news/21.05.2011/3996.html>).

Собственно, ничего принципиально нового. Об этом же в общих чертах говорил, помнится, тот самый А.Кудрин, который «солидаризировался с нашими отморозками из пятой колонны». (Если другими словами, в переводе, то примерно так: «концептуально примкнул к идеологически чуждым элементам нашего здорового общества».) Эксперты предлагали, в общем, «жить по средствам», т.е. прекратить кредитную и денежную эмиссию, сократить и/или прекратить финансирование ряда госпрограмм и др. В общем, предлагали примерно то, что теперь предлагает МВФ и с чем вроде бы сегодня соглашается президент. Но предлагать такое за год до президентских выборов?.. Это либо наивно, либо вообще похоже на «враждебные силы», на попытки дестабилизировать...

В начале неуютного 2011 года эксперты МВФ, словно сговорившись со всеми нездоровыми и враждебными силами, предлагали правительству провести в срочном порядке девальвацию. Но правительство отказалось, мотивировав это решение политическими рисками: «Они особо отметили политические трудности даже частичного свертывания проведенного недавно повышения заработной платы», — говорится в отчете МВФ (<http://news.tut.by/economics/216613.html>).

А где и когда власть не озабочена сохранением своей власти? Во всяком случае, на постсоветском пространстве это как-то не принято, как-то «не комильфо»... При этом абсолютная власть в этом заинтересована абсолютно.

Прогнозы

Весной и летом власти заверяли, что к осени «мы забудем эти надуманные проблемы с валютой... Да и вообще, зачем она, эта иностранная валюта? В магазинах все продается за белорусские рубли!» Такие наставления и прогнозы, действительно, очень часто звучали по ТВ. Народу терпеливо и доходчиво разъясняли, что девальвация (первая, майская) выровняет платежный баланс страны, а кредиты ЕврАзЭС пополнят золотовалютные резервы (ЗВР). А еще Китай обещал аж 15 млрд долл.! (Правда, это предполагалось как свя-

занный кредит, т.е. на закупку китайских же товаров.) Как говорят в Одессе: «Вам хочется прогнозов? Их есть у меня!»

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) вообще прогнозирует усиление кризиса в Беларуси, а также в Центральной и Восточной Европе. «Серьезный кризис платежного баланса» в Беларуси, по мнению ЕБРР, стал следствием большого объема целевого кредитования, быстрого роста пенсий и зарплат в бюджетной сфере и экспансионистской денежно-кредитной политики. Аналитики ЕБРР отмечают, что вместо того, чтобы позволить обновиться балансу внутреннего и внешнего спроса после девальвации в мае, белорусские власти использовали административные методы на валютном и потребительском рынках. По мнению ЕБРР, подобные шаги только «усилят кризис». Кроме того, эксперты ЕБРР отмечают, что кризис в зоне евро через торговые и финансовые связи ударит в следующем году по экономикам стран Центральной и Восточной Европы (из регионального экономического обзора ЕБРР за октябрь 2011 года; <http://www.open.by/economics/64075>).

Еще один прогноз, не для ТВ. В начале этого неуютного 2011 года премьер-министр, представляя экономическую программу правительства парламенту, сообщил следующее. При выполнении прогнозных показателей, в рамках существующей структуры экономики, при росте экспорта в 2,2 раза, дефицит счета текущих операций сократится к 2015 году с нынешних 9 млрд только до 4,7 млрд долл. Это — если все будет благополучно и удастся получать кредиты. А решение проблемы дефицита, по мнению премьера, возможно только при существенном изменении **структуры экономики** страны... А на структурную перестройку экономики, по словам президента, потребуется что-то типа 1 трлн (!) «зеленых» (<http://www.firstnews.ru/news/policy/Lukashenko-nuzhen-trillion-dollarov-na-p/>).

Вот такой прогноз. Как говорится, прочувствуйте разницу...

Есть и как бы позитивные прогнозы: «экономика Беларуси уже достигла дна и дальше будет подниматься». Так считает — или считал в июне 2011 года — один из аналитиков «The Financial Times» (http://svobodaslova.by/novosti/tema/_5163.html): *«Доходность по государственным облигациям превышает 11%, так что мы полагаем, что Беларусь представляет одну из инвестиционных возможностей на рынке. Пора приобретать активы по дешевке, пока нас никто не опередил».*

Он считает, что после девальвации национальной валюты местные площадки стали более привлекательны для инвесторов. Этот аналитик также уверен, что в ближайшее время можно надеяться на кредит МВФ: «МВФ пойдет на продолжительную поддержку, чтобы сохранить влияние Запада». С этим геополитическим прогнозом можно согласиться. Но уместно обратить внимание, что этот прогноз о «достижении дна» он сделал... до второй девальвации.

Другой вопрос: очень ли нужна Беларуси «программа помощи» от МВФ? Деньги — это хорошо, но на каких условиях? Решит ли девальвация рубля и возможная помощь главную проблему народного хозяйства РБ — импорто- и ресурсоемкая структура экономики? При такой структуре любой рост ВВП ведет к увеличению дефицита текущего счета торгового баланса ввиду опережающих темпов роста импорта. Поэтому в Беларуси, в отличие от, например,

похожих валютных кризисов Украины или России, сама по себе девальвация с гораздо меньшей вероятностью может дать радикальный и долговременный оздоровительный эффект. Помощь МВФ для Украины была направлена, главным образом, на укрепление бюджетной дисциплины. В Беларуси бюджетная дисциплина почти примерная — всем бы так. Основная задача Беларуси — изменение структуры экономики, чтобы повысить конкурентоспособность потенциально сильных и независимых от импорта отраслей («Программа МВФ в Украине и Беларуси»; <http://www.belgazeta.by/20110606.22/010107061/>).

Замыкая круг — в ловушку бедности?

Но две девальвации и сокращение госрасходов на социальную сферу лишь зафиксировали положение дел. А вот требования всех потенциальных кредиторов (МВФ, РФ, ЕврАзЭС) о резком сокращении госрасходов на поддержку реального сектора (АПК, промышленность, инфраструктура) — в сочетании с почти убийственной для спроса девальвацией, с высокой инфляцией, с высоким процентом по вкладам и кредитам — могут надолго лишить реальный сектор экономики перспектив развития. В условиях ужесточения бюджетной политики откуда возьмутся ресурсы для значительных инвестиций?.. Белорусский капитал не смог накопить собственный инвестиционный потенциал в значимых объемах. Иностраный капитал в таких условиях обычно в страну идет неохотно, и уж никак не в сферу производства: кризис еще не закончился, а в мире много мест, куда инвестировать и выгоднее, и безопаснее. Именно такой сценарий называют «ловушкой бедности».

Так, белорусские госпрограммы (3,3 млрд долл. в год) и госсубсидии (7,7 млрд долл.) выглядят впечатляюще. При этом, по данным Комитета госконтроля РБ, до 30% средств используются неэффективно. Неудивительно, что МВФ предлагает ограничить финансирование госпрограмм уровнем 0,7–1,5 млрд долл. в год, а госсубсидии (в ЖКХ, в АПК) постепенно свести к нулю. Сегодня это означает рост стоимости услуг ЖКХ в 3 раза и коматозное состояние примерно 20% хозяйств. Само собой — с ростом цен на продукты, но он уже достал то ли пол, то ли потолок, то ли всех сразу... В рамках предложений МВФ аграрная политика РБ подлежит полному пересмотру. Но мы же ребята креативные и в свое время придумали и шефскую помощь селу, и агрохолдинги с участием банков, заводов, железной дороги... Учитывал ли МВФ особенности нашей национальной аграрной политики? Сомневаюсь.

Где возьмем 8–10 млрд долл. инвестиций? Откуда возникнут бизнес-проекты, под которые будем одалживать деньги? Как долго без модернизации протянут наши предприятия?

Очень хотелось бы ошибиться относительно «ловушки бедности»... Возможно, этот мрачноватый прогноз могут как-то скорректировать — в лучшую сторону! — создание ЕЭП и братья-россияне с казахами?

Таможенный союз и ЕЭП

Результаты работы в условиях Таможенного союза весьма позитивны и дают действительно серьезные основания для разумного оптимизма. Напри-

мер, к осени заметно сократился дефицит торгового баланса, ради чего и проведены две девальвации. Но радикального сокращения импорта при сложившейся структуре экономики и при данном уровне ее инновационности ждать не приходится. Во-первых, в белорусских товарах очень велика доля импортных комплектующих, не говоря уже о энергоносителях. Доля импорта в ВВП в целом оценивается в 60–70%. Во-вторых, спрос на нашу продукцию не очень эластичен по цене. Это в основном нефтепродукты, калийные соли и т.п. Их покупают не потому, что они подешевели, а потому что они нужны. Девальвация дает положительный эффект обычно лишь в очень краткосрочной перспективе. Механизм низких цен более заметно срабатывает на иных товарных рынках. В белорусском экспорте таких товаров сравнительно немного, прежде всего продукция аграрного сектора. Но этот сектор и ранее экспортировал около 90%.

Интересна и даже драматична ситуация с импортозамещением, что характерно не только для РБ. Эта тема со времен СССР очень популярна, в народе даже частушки сложили: «Импорт замещать — не мешки ворочать». Понятно, что импорт всегда — дорого, а после двух девальваций... Но дорогой импорт — это также высокие поступления в госбюджет (импортные пошлины, НДС). При импорте комплектующих бюджет не получает этих поступлений: пошлины на их импорт гораздо ниже, добавленная стоимость и суммы НДС — тоже. Наконец, многие отечественные аналоги гораздо дороже импортных, особенно китайских.

Что ждать партнерам Беларуси по ЕЭП

Ничего страшного, конечно же, партнерам не грозит. Но возможны новые идеи, предложения, просьбы, что обогащает теорию и практику.

Одно из условий участия в ЕЭП — это отмена для субъектов хозяйствования обязательств по продаже валютной выручки. Однако Беларусь пока не готова на это пойти. Обязательная продажа 30% валютной выручки позволяет пополнять ЗВР и обеспечивать стабильность белорусского рубля. Белорусские власти в срочном порядке пытаются подкорректировать условия своего пребывания в ЕЭП, и, похоже, партнеры с пониманием относятся к этим намерениям. Минск обратился с просьбой сохранить 30-процентную обязательную продажу валютной выручки резидентами до 1 января 2017 года (http://naviny.by/rubrics/economic/2011/10/24/ic_articles_113_175580/).

Кроме того, по мнению белорусских экспертов, РБ теряет определенные доходы, которые ей полагаются в рамках ТС при распределении пошлин. Причина в том, что белорусские таможенники практически полностью пресекают «серый импорт», но сильно сомневаются, что их российские и казахские коллеги и партнеры по Таможенному союзу справляются с этой задачей и столь же добросовестно выполняют свои обязательства. Распределение пошлин между членами таможенной «тройки» происходит не на паритетной основе, убеждены аналитики. Партнеры белорусских таможенников в частных беседах подтверждают эти оценки. Так, официально через таможню белорусских партнеров по ТС проходит «не более 30% грузов, а все остальное — это серый импорт. Зато Беларусь 99,99% товаров импортирует абсолютно официаль-

но» (цит. по: http://naviny.by/rubrics/economic/2011/10/24/ic_articles_113_175580/).

Иностранным банкам и/или их филиалам на территории РБ также придется готовиться к неким новшествам. По мнению руководителя Беларуси, сложившаяся в экономике республики ситуация закончится и наступит время «оценки поведения» финансовых структур. «Мы серьезно займемся коммерческими банками и очень аккуратно, рыночным образом, но попытаемся все-таки повернуть банки лицом к государству» (REGNUM).

Наконец, интересной темой может быть идея единой валюты ЕЭП. Теоретически следующим этапом интеграции после Таможенного союза является именно союз валютный. В Беларуси эта тема, по понятным причинам, была поднята весной неуютного 2011 года. Так, в апреле А. Суриков, посол России в Беларуси, назвал актуальной возможность начать переговоры о введении российского рубля в качестве платежного средства в Беларуси: «Ситуация, честно говоря, актуализировалась» (см., напр., Бондаренко В. О российском рубле замолвите слово... Полемика о введении российского рубля в Беларуси: «за» и «против». Russkie.org — О российском рубле замолвите слово... — Русское зарубежье... russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23106). Ранее, по Договору о создании Союзного государства, российский рубль планировалось ввести в 2005 году. Но тогда как-то не сложилось. Сегодня ситуация иная — и в Беларуси, и в России, и в мире. Для РБ ориентиром следует считать, вероятно, 2015 год, не позднее. Во-первых, к этому году прогнозируется выравнивание торгового баланса. Во-вторых, это год очередных президентских выборов. А к выборам у нас со времен СССР принято делать подарки, не так ли?..

Устойчивое, сбалансированное развитие кейнсианской постсоветской модели (понимаемое как ее имманентная способность к бескризисному саморазвитию и саморегуляции) весьма проблематично. В Беларуси практически не развиты такие институциональные предпосылки и структуры, которые обеспечивают такое развитие и саморазвитие: фондовый рынок, институт банкротства, частная собственность и свобода экономического поведения собственников. Развитие этих предпосылок и структур начиналось 12–15 лет назад, но потом получили преобладание иные подходы к «ручному управлению» экономикой...Сегодня практически нет объективных рыночных индикаторов и механизмов саморегуляции и самонастройки экономических процессов.

Идеи Д.М. Кейнса в эпоху глобализации препятствуют интеграции постсоветских стран в мировое хозяйство (подробнее см.: Бондаренко В. <http://liberty-belarus.info/Tendentsii/Beloruskaya-ekonomicheskaya-model-idei-DMKeynsa-v-epohu-globalizatsii.html>). Административное вмешательство правительства (протекционизм, ограничения свободы экономического поведения, ограничения на рынке ценных бумаг, льготы и субсидии) создает квазирыночные условия, весьма отличные от мировой экономики. Полноценное, органичное участие данной модели в современных глобальных и интеграционных процессах весьма затруднено. Это довольно общая проблема для всех постсоветских стран, что наглядно показывает практика интеграции в СНГ. Разумеется, внешняя торговля вполне возможна, о чем говорит ее хорошая динамика в Беларуси. Но торговля — это еще не интеграция, торговля была и в Римской империи.

Возможно, жесткая и управляемая из единого центра белорусская модель предназначена лишь для выхода из кризиса, как и «новый курс» Ф.Д.Рузвельта, как и кейнсианские рецепты? Возможно, тем более, что мы живем в неспокойном мире, очень щедром на кризисы.

Перспективы

Президент А.Лукашенко понимает, что только он является гарантом принципиальной неизменности данной системы. И только он может начать реформы, если это не ослабит основные «принципы модели», т.е. сильную президентскую власть. Но некоторые непринципиальные изменения в экономической модели объективно неизбежны в ближайшее время.

Во-первых, государство просто не имеет возможности продолжать политику субсидий и льгот в прежних масштабах. Это находит отражение в аграрной программе в части создания агрохолдингов и в передаче хронически убыточных колхозов фермерам, коммерческим фирмам, организациям, учреждениям, банкам (включая Национальный банк) за символическую плату.

Во-вторых, давно назрела необходимость серьезной либерализации частного бизнеса: сегодня он просто уходит «в тень» или за границу и вообще не платит налоги. Только малый бизнес может заметно содействовать разрешению растущих проблем на рынке труда (вероятность роста безработицы), особенно в регионах.

Следует ожидать также некоторого снижения налоговой нагрузки, что связано с необходимостью повышения конкурентоспособности белорусских товаров, с интеграционными процессами в рамках ЕЭП. В России и Казахстане общий уровень налоговых изъятий составляет примерно треть ВВП, в Беларуси — чуть меньше половины, т.е. на 10–15 процентных пунктов выше. Сегодня эта разница сглаживается во внешней торговле низким курсом белорусского рубля, но введение ЕЭП и, тем более, единой валюты упразднит валютный, курсовой фактор конкурентоспособности.

А каковы перспективы введения в Беларуси — и/или в Евразийском союзе — российского рубля и/или другой единой региональной валюты? Есть ощущение, что сегодня Беларусь к этому более готова, чем пять лет назад. Готова ли Россия?

Выводы

Данная модель почти идеально соответствует сложившейся политической системе, в высшей степени централизованной и персонифицированной. Экономическая модель служит основой данной политической системы — и наоборот. Данная модель дает техническую возможность проведения популярных (популистских?) программ и мероприятий, что одобряется электоратом и, действительно, дает весьма заметный позитивный социальный эффект: высокие социальные стандарты, в том числе в сельской местности (агрогородки), высокую занятость, сравнительно высокие (до двух девальваций 2011 года) зарплаты и пенсии. Кроме того, данная модель очень подходит для мобилизации и концентрации всех ресурсов (включая финансовые ресурсы предприя-

тий) в случае чрезвычайных ситуаций — напр., необходимость скорейшего восстановления народного хозяйства в «лихие 90-е годы», обеспечение продовольственной безопасности страны, мировой кризис или агрессия извне. Именно поэтому данную «социально ориентированную» модель иногда называют «мобилизационной экономикой».

Это — главные и вполне достаточные факторы очень длительного существования данной модели... Если бы еще инвестиций добавить, да импорт сократить, да снизить стоимость энергоносителей...

ЧТО ТАКОЕ «ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО», ИЛИ В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ?

*В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета **Вал. А. Луков**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАО **Л.П. Буева**.*

*Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор **П.С. Гуревич**.*

Гуревич П. В 360 году до н.э. выдающийся античный философ Платон написал книгу «Государство». В ней он обосновал проект идеального государства. Этот образ безупречного человеческого общежития Платон развил также в «Законах». Особую роль в этом замысле придавалась справедливости. Обращаясь к социальной структуре совершенного общества, Платон думал о гармоничном сосуществовании разных сословий. По мысли философа, управлять государством должны философы, мудрые граждане, аристократы. Они обязаны любить свой Город и ощущать громадную ответственность за судьбы людей. Платон озаботился также порядком, который должен быть в этом государстве, отдав «стражам» право думать о безопасности Города и налаженности всего социального бытия. Что же касается земледельцев и ремесленников, то Платон стремился «укоротить» их всегда растущие вожеления. Итак, совершенное государство — это такое государство, в котором преобладает умеренность, мудрость, мужество и сила.

С легкой руки британского философа Карла Поппера такое государство называли тоталитарным, даже «фашистским». Но многие социальные мыслители иначе оценивали данный проект. В нем находили ресурсы для демократического общества. В конечном счете, некоторые социальные философы считали его никогда нереализуемым идеалом. Прошли многие столетия. Социальная мысль пережила огромные потрясения от катаклизмов истории, пытаясь осмыслить ее логику, возможно, заключенную в ней справедливость, гарантию мира внутри социума, благоденствие для всего человеческого рода.

В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Как вы оцениваете этот социальный проект, считаете его — идеальным, романтическим или дисциплинарно-принудительным?
2. Получили ли реализацию хотя бы отдельные мысли философа о равенстве, справедливости, порядке или проект оказался абсолютно утопическим?
3. Как можно оценить современное российское общество в параметрах Платона? В каком обществе вы хотели бы жить?

1. Как вы оцениваете этот социальный проект, считаете его — идеальным, романтическим или дисциплинарно-принудительным?

Луков В. Вряд ли здесь нужно противопоставлять три названные вами, Павел Семенович, атрибутивные черты. Здесь, возможно, и нет места для выбора, поскольку идеальность предполагает и некий светлый образ, который часто называют романтическим, и ту кристаллизацию, заостренность форм, которая в обществе не достигается иначе как дисциплиной и принуждением.

Буева Л. Насчет того, чтобы укоротить вожделения людей — Платон, без-условно, провидец. Ведь известный американский социолог Даниэль Белл вывел даже специальный закон — социальный инстинкт, ведущий к росту человеческих потребностей в современном обществе. Он отмечал, что человечество не в состоянии обеспечить эту революцию растущих ожиданий. Платон ведь не мог знать, что произойдет сегодня в арабском мире: в Тунисе, Ливии, Египте, Иордании и в целом ряде других государств.

Гуревич П. Вопрос поставлен мною в другой плоскости — дело не в том, что мы назовем эти атрибутивные черты платоновского проекта — романтика, социальная подневольность или одна из версий многоликого утопизма. Я ждал ответа в ином хронотопе. Что показала история? Удалось ли Платону выразить некие эталонные признаки общества, в котором многое, если не все, выстроено идеально. Или наоборот, будем считать, что Платон — социальный романтик. Ему помстилось, что его проект обладает достоинством правоты, исключительности. Но можно, вероятно, оценивать в этом проекте его дисциплинарную принудительность. Тогда нам пришлось бы присоединиться к Карлу Попперу и полагать, что Платон действительно предтеча тоталитарных режимов. Итак, в социальном проекте античного мудреца есть все, но нам нужен не семинар по Платону, а размышление о том, как все это аукнулось в истории, каков многостолетний опыт обживания социума, направленный на выработку оптимального общественного бытия. Что же все-таки может служить моделью для нас и наших потомков? И, наконец, сумело ли человечество в своей разнообразной политической практике и интенсивной социальной рефлексии создать другой проект, который позволил бы нам не обращаться к Платону?

Луков В. Хочу заметить, что Платон строил свое идеальное государство как последовательное воплощение принципа социальной справедливости и порядка, делающего жизнь, организацию жизни простой и понятной. От ремесленников ожидается, что они обеспечивают материальное благоденствие, и этот их вклад в государственное целое достаточен, чтобы ставить перед ними какие-то особые нравственные задачи. Но если два высших слоя общества — стражники и правители — занимают это самое высшее место, то из их общественной функции, а не из чего-то иного, вытекают высокие требования к их готовности выполнять соответствующие высшему предназначению обязанности.

Буева Л. Да, организация социальной жизни должна быть простой. Но кому и что должно быть понятно? Ведь сегодня многие люди сознательно ухо-

дят во внутреннюю эмиграцию, не хотят быть гражданами. Они предельно деполитизированы и не интересуются, как вообще устроен социальный организм. Проблема массового филистерства, которая волновала Артура Шопенгауэра, неизбывного конформизма, проанализированного Теодором Адорно или Эрихом Фроммом, показала, что население зачастую не хочет даже этой простоты. Оно не вовлекается в гражданское общество. Да и справедливость понимает сугубо эгоистически. «Мне положено то, что есть у других». Рекламный слоган: «Вы этого достойны». Недавно услышала разговор двух подружек. Одна из них всхлипывала: «Мне исполнилось 18 лет, а родители не купили мне машину». Другая очень сочувствовала и тоже причитала: «Как же так? Ведь тебе уже 18 лет».

Луков В. Но Платон как раз и считал, что «заниматься своим делом и не вмешиваться в чужие — это и есть справедливость. Иначе общество будет поражено хаосом. Знать свое место и не посягать на несбыточное.

Гуревич П. Согласен, что несомненное достоинство данного идеального проекта в том, что он предельно прозрачен, понятен каждому мыслящему человеку, сопряжен со здравым смыслом. Не только эллин, но и человек наших дней, понимает, что общество надо оберегать от внешних врагов, обеспечивать порядок. С этой колокольни он может, скажем, следить за полемикой нашего президента с бывшим министром финансов, который не видел необходимости выделять огромные средства на перевооружение армии. Казалось бы, вполне доступно, что во главе государства должны стоять предельно образованные и ответственные мудрецы. Кто оспорит? Но ведь такая принудительность социальной мысли стала сегодня притчей во языцех. Ознакомившись со статьей публициста Станислава Белковского, В.В. Путин не смог скрыть своего сарказма. Он объявил, что этот человек очень, очень мудрый. Понимать это следует таким образом: все вы умники, но попробуйте порулить государством.

Буева Л. Здесь нет убеждающей новизны. Каганович тоже любил повторять: «Больно вы все вумные...». А у самого образование-то было школьное...

Луков В. Конечно, в наших предыдущих обсуждениях мы ссылались также на книгу канадского ученого и писателя Джона Сола «Диктатура разума на Западе». Само название книги вводит нас в современные дискуссии «новых философов» во Франции, в постмодернистские искания. Все толкуют о том, что не дай Бог, чтобы во главе государства оказались ревнители мысли. Они-то и утащат человечество в пропасть.

Буева Л. «Новые философы» во Франции как раз и артикулировали эту мысль. Андре Глюксман, лидер «новых философов», считал, что все европейские беды спровоцированы «властителями-мыслителями». К этим создателям революционных теорий он относит Фихте, Гегеля, Ницше и Маркса. История, по Глюксману, это реализация идей, представленных в текстах великих авторитетов мысли, написанных специально для достижения господства. Другой лидер «новых философов» — Бернар-Анри Леви — разрабатывал концепцию «онтологии власти». Платон, очевидно, не мог и помыслить, что влияние философии на социальную жизнь может оказаться негативным, директивным и опасным.

Луков В. Он, вероятно, не предполагал, что идея сама по себе живет собственной многострадальной жизнью. Робеспьер очень любил свою маму, кото-

рая была воплощением нежности. Он к тому же был учеником Руссо. Но за несоблюдение кантовского категорического императива легко отрубал головы непослушных.

Буева Л. Хайдеггер отмечал, что беспощадность запрета рождает тягу к разрушению.

Гуревич П. Мы можем отметить интеллектуальную отвагу Платона, который, вероятно, одним из первых попытался создать некий идеальный проект жизнеустройства людей, стремился сделать этот проект максимально понятным не только для Любомудров, но и для каждого отдельного человека. И даже более того, социальное устройство общества Платон пытался вывести из человеческой природы, из строения души человека. Он хотел показать, что только такое совместное бытие людей может обладать прочностью, стабильностью.

Буева Л. Задолго до Андрея Вознесенского Платон выразил его мысль «все режимы реакционны, если рушится человек». Отсюда и тема воспитания юношества. Молодое поколение должно получить должную социализацию.

Луков В. Именно так. Но еще раз подчеркну: не всего юношества, а тех молодых людей, которые готовятся стать стражниками, и тех, из кого воспитывают правителей. Занимательно, что в «Государстве» Платона буквально в самом начале этого знаменитого диалога возникает хорошо узнаваемый образ молодежного поведения: Кефал, обращаясь к Сократу, говорит об обычном для людей одного возраста, когда они встречаются вместе, деле: они «сокрушенно вспоминают возжеленные удовольствия юности — любовные утехы, попойки, пирушки и тому подобное — и брюзжат, словно это для нас великое лишение: вот тогда была жизнь, а теперь разве жизнь!». Описание утех юности такое же, как, к примеру, в «Фаусте» Гете, хотя расстояние между текстами во времени составляет тысячелетия.

Гуревич П.

*Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключенье
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожняая...*

Луков В. Ну, да, «Фауст». Но у Платона на этом фоне неожиданными оказываются требования к юношам-стражникам, вытекающие из системы идеального государства. Уже в самом отборе тех, кому доверяется охрана государства, прослеживается жесткая линия: между юношей «хорошего происхождения» и породистым щенком, говорит Платон, нет разницы в плане их природных свойств: и тот, и другой должны остро воспринимать, проворно преследовать то, что заметят, и, если настигнут, упорно сражаться. В общем, должны отличаться яростным духом. Но и кротостью в отношении «своих». И снова как пример — породистая собака, которая со знакомыми кротка, а с незнакомыми — «как раз наоборот». Исходя из этой аналогии, «безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным».

Буева Л. У Платона стражи добры в отношении своих сограждан и яростны, когда обнаруживается враг. В наше время это для кого идеал? Для полиции, армии, ФСБ? Для тех, кому поручено истребить «цветные» революции?

Луков В. На фоне постоянно возникающих уголовных дел в отношении высоких начальников силовых и правоохранительных структур такой идеал уже и не вспоминается. Вот одно из свежих сообщений СМИ: Пресненский суд Москвы 5 октября арестовал старшего следователя Главного следственного управления столичного ГУ МВД Нелли Дмитриеву, обвиняемую в попытке получения взятки в размере 3 миллионов долларов. Вину она не признала и заявила, что готова дать показания против ряда высокопоставленных лиц. Речь идет о том этаже власти, который ответствен за правовой порядок в стране. Это и есть стражники, от которых, по Платону, мы вправе ожидать стремления к мудрости и стремления познавать. Сегодня от высшей школы власть (Минобрнауки и выше) только и требует, что подготовку в профессии. Но если хорошо профессионально подготовленный юрист не обладает нравственными качествами, то он опаснее для государства, чем преступник. По сути дела, Платон ставит вопрос о воспитании гражданственности.

Гуревич П. Не потому ли у Платона так детализированы вопросы воспитания стражников?

Луков В. Здесь идеальное государство проявляет чудеса принудительности — и, наверное, не без оснований. У Платона отбор подходящих для исполнения функции охраны государства юношей сопровождается их воспитанием — гимнастическим (для тела) и мусическим (для души). Система этого воспитания описывается платоновским Сократом с предельной детализацией. Из образования исключается все, что может формировать юношу в неверном направлении. Такой цензуре подвергаются даже мифы, например, о взаимоотношениях Урана и Кроноса.

Буева Л. Уран — представитель так называемого первого поколения греческих богов, свергнутых восстанием. Это вы имеете в виду, Валерий Андреевич? Его преемник Кронос тоже лишился власти в результате восстания под руководством младшего сына Зевса. Упрощенно говоря, миф не предполагает бескровной передачи власти.

Луков В. Нельзя, по этому предписанию, рассказывать юному слушателю, что, поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца, как Кронос действовал в отношении Урана, и что он просто делает то же самое, что и «первые, величайшие боги». Устанавливаются требования к юношам, которых готовят в стражники: они должны давать отпор рассказам относительно богов и героев, осмеивая их как нечто недостойное, но, добавляет Платон, «наши юноши не должны быть и чрезмерно смешливыми» — следовательно, «нельзя допускать, чтобы изображали, как смех одолевает достойных людей и уж всего менее богов». Юношам должна быть внушена недопустимость «лгать собственным правителям», у них должна быть сформирована рассудительность, воздержанность, стойкость.

Гуревич П. Не только, не только ...

Луков В. А дальше — просто для наших дней: «Нельзя... позволить нашим воспитанникам быть взяточниками и корыстолюбцами», и «пусть и не пытаются у нас внушить юношам убеждение, будто боги порождают зло и будто герои ничуть не лучше людей... А потому нам пора перестать рассказывать эти мифы, чтобы они не породили в наших юношах склонности к пороку».

Установлены и другие требования, которые должны осваиваться юношами через подражание положительным образцам. И главное: «... наши стражи должны отбросить все остальные занятия и заниматься лишь охраной свободы государства самым тщательным образом и не отвлекаясь ничем посторонним. Им не надо будет делать ничего другого или чему-либо другому подражать. А если уж подражать, так только тому, что им подобает, то есть уже с малых лет подражать людям мужественным, рассудительным, свободным и так далее».

Гуревич П. Платон не толковал, к примеру, о всеобщем избирательном праве. Чужда была ему и мысль о равенстве всех людей. Разве каждый может быть героем, ощущать себя свободным гражданином или мыслить во всю мощь своего ума? Подражание героям — это мощный фактор социальной жизни. Но он забыт в наши дни. Наш идеал — не смельчак, не подвижник, не носитель доблести или бесстрашия, а «человек успеха».

Луков В. Забавно, но Платон подробно разъясняет, кто не достоин подражания. Не следует брать за образец женщин, рабынь, рабов и дурных людей. Но это не все. А также не надо подражать «кузнецам, различным ремесленникам, гребцам на триерах и их начальникам, вообще тем, кто занят чем-нибудь в этом роде», кроме того — «ржанию коней, мычанию быков, журчанию потоков, шуму морского прибоя, грому и прочему в том же роде». Как сегодня мы далеки от такой постановки задач перед стражами Отечества! И наивными (вроде не подражать мычанию быков) — но и самыми что ни на есть главными с точки зрения интересов государства и народа.

Будева Л. Здесь во всем видна четкость замысла идеального государства.

Луков В. Даже в музыке. Причем не только цензура, как в отношении мифов, указывала, что допустимо использовать в воспитании стражников. Устанавливалось, в каких ритмах должна создаваться музыка: не надо гнаться за их разнообразием и за всевозможными размерами, говорил Платон устами Сократа, но, напротив, надо установить, какие ритмы соответствуют упорядоченной и мужественной жизни. За этой мелочной детализацией стоит обобщение, представленное в знаменитом символическом образе пещеры, в которой люди, скованные с малых лет цепями, не могут двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Они видят только тени того, что происходит за входом в пещеру, принимая тени за реальную, перед ними протекающую жизнь, за истину. Если человеку из такой пещеры дать возможность увидеть подлинность вещей, он окажется в большом затруднении и подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь.

Гуревич П. Здесь о соотношении истины и насилия. Истина бывает обманчива, но нельзя человека принудить к ней. Не коренится ли в этой детализации общественной жизни просветительское стремление силком разместить людей в счастье и благополучии? Именно в этом обвиняли Платона и Поппер, и Рассел, и другие философы. Нынешняя власть, и не только в России, внушает населению, что она лучше знает, чего хочет население. Более того, она без особых сомнений «загоняет» людей в «потребительский рай», в «постиндустриальное общество», в компьютерный Эдем. Скажем, базисные основания

постиндустриального общества, по существу, не подвергаются философской экспертизе. Заведомо предполагается, что люди инертны и поэтому не спешат катапультироваться в новую цивилизацию. Но многие сопротивляются этой предрешенности. Они мечтают жить по ту сторону традиций и циркуляров. Они хотят ощущать себя вольными птицами. Погромы в Англии — лучшее тому свидетельство.

Буева Л. Разве только в Англии? Дошел черед и до Америки. Повсюду не-ожиданные всплески эмоций против общественного диктата.

Луков В. Свобода замещается своеволием.

Гуревич П. В «Литературной газете» была напечатана статья о том, что мы поразительно равнодушны к судьбе маргиналов, бомжей. Предлагалась организация ночлежек, столовых для бедствующих и бездомных. Такая постановка вопроса справедлива. Но у темы есть и иной аспект. Число социальных изгоев во всем мире растет в пугающей прогрессии. И вот парадокс: многие маргиналы вообще не хотят жить в социуме. Они убегают из ночлежек к кострам, дезертируют из ухоженных мест. Социологи пока скупко комментируют этот парадокс. Но ведь это как раз своеобразная реакция людей на общественные пути. Вспомним Пушкина: «Мы дики, нет у нас закона». Хорошо отлаженный быт, предустановленные общественные узы тяготят людей. Они протестуют против элементарных социальных правил, с удовольствием их нарушают. Культурные антропологи пугают нас неожиданным открытием. Оказывается, первобытные люди неохотно сбивались в группы, племенные стаи. Возможно, человек вообще не коллективист по определению. Платон, понятное дело, не мог в полной мере разглядеть эту проблему. Он, как и Аристотель, полагал, что человек — социальное животное.

Буева Л. Многие исследователи пишут сегодня о социальности как о не-отъемлемом признаке не только человека, но и животных. Между тем, как отмечают специалисты, надо еще объяснить, почему каждая обезьяна существует в обособицу, но при этом имеет социальные навыки. Отечественный философ Федор Гиренок утверждает, что человек — не природное и не социальное существо. Маркс считал, что человек социален по определению. Оценим парадоксальность мыслительного хода этого философа. Одни философы утверждали: сначала был человек, потом возникло общество. Другие возражали: общество, напротив, первично. Человек только родился, а тут уже общество, некая предуготовленная связь людей. Маркс и Энгельс как бы связали воедино эти точки зрения. Человек и общество появились одновременно: никто никому не предшествовал. Маркс конкретизировал: «Общество. Т.е. сам человек в его общественных отношениях». Люди живут не в одиночку. Но здесь много спорного, неясного. Действительно ли человек стал человеком благодаря коллективности?

Луков В. Но ведь во всех культурах сложилась социальная форма бытия. Если в обществе нет оплота, оно распадается. Платон размышляет о том, как обеспечить человеку условия для развития, для счастья. Но он осознает, что если человека будут насильно тащить в гору, к солнцу, он будет страдать и возмутится таким насилием, а увидев солнечный свет, будет ослеплен им и не увидит ничего из обещанных истин. Вот почему освобождение от мрака, постижение блага — вовсе не простая и не общедоступная задача, требующая

предварительной подготовки. Но и способные к этому и прошедшие особую школу воспитания люди, ставшие философами (а это и есть в идеальном государстве Платона правители), также оказываются в отношениях должностования перед теми, кто остается слеп к истине: им, философам, предъявляется требование заботиться о других и стоять на страже их интересов.

Гуревич П. Но верно ли обозначено здесь философское призвание? После Фуко чаще всего в философской среде раздаются призывы максимально дистанцироваться от власти. Политика, следовательно, не имеет ничего общего с философией. Пусть люди, захваченные властоманией, управляют обществом. Но философия не может обслуживать политическую конъюнктуру. Политическое знание принадлежит свободно изменяющемуся сообществу, отдельным его акторам, не связанным между собой едиными целями, идеологией, волей к власти. Об этом пишет, например, Валерий Александрович Подорога в своей книге «Апология политического».

Луков В. Да, у любомудров нет опытного знания. Они не должны управлять государством. Они призваны критически перерабатывать социальный опыт. У Платона — иное. Если в обычном государстве философы вправе не принимать участия в государственных делах, поскольку стали такими вопреки государственному строю, то в идеальном государстве это совсем не так. «Вы, — обращается к философам платоновский Сократ, — воспитаны лучше и совершеннее, чем те философы, и более их способны заниматься и тем, и другим. Поэтому вы должны, каждый в свой черед, спускаться в обитель прочих людей и привыкать созерцать темные стороны жизни. Привыкнув, вы в тысячу раз лучше, чем живущие там, разглядите и распознаете, что представляет собой каждая тень и образ чего она есть, так как вы уже раньше лице-зрели правду относительно всего прекрасного, справедливого и доброго. Тогда государство у нас с вами будет устроено уже наяву, а не во сне...». Здесь — с позиций нашего времени — та сторона платоновского проекта, которую можно считать романтической.

Будева Л. По мне как раз не романтическая, а именно прагматическая сторона дела. Нынешняя власть предлагает философам оперативно внедряться в экономику. Вот, к примеру, документ, посланный руководителям сектором от Российской академии наук: Предлагается немедленно отчитаться, над чем любомудры работают. Какова сфера применения их философских занятий — возможное практическое применение. В чем заключается вклад в научно-технологическое развитие страны? Какие потенциальные результаты могли бы стать основой обеспечения технологических прорывов. Ожидаемый вклад в решение социально-экономических проблем, стоящих перед обществом. Сравнение с мировым уровнем (оценка конкурентоспособности).

Последний раз такое упорное стремление поставить философию на службу умелого хозяйствования наблюдалось во времена Хрущева. Тогда на защите диссертации, посвященной, скажем, тому же Платону, могли задать вопрос, как данное исследование может повлиять на повышение урожайности в нашем районе?

Луков В. Но это уже искажение социальной мысли Платона. Он учил: «каждому свое». Философ, вероятно, обязан созерцать темные стороны жизни, но создавать нанотехнологии ему не обязательно.

Гуревич П. Однако Платон для нас — лишь предуведомление к дискуссии. Ведь опираясь на Платона, можно сегодня анализировать, какой политический режим доказал свое превосходство. Древнегреческие мыслители — Сократ, Платон, киники, стоики, Аристотель — испытывали ненависть к тирании. Однако современная чернь, захваченная сильными страстями, комплексом воздания и расправы, буквально жаждет самовластья. Клань, борющиеся за наследство Каддафи, рискуют оказаться заложниками данного политического режима. Тирания держится на насилии, беззаконии, произволе. Когда тиран чувствует, что в народе вызрела мечта о «сильной руке», он способен развязать войну. Не секрет, что в наши дни все чаще раздаются голоса о неизбежности войны, которая рассматривается как неизбежный результат финансово-экономического кризиса.

Луков В. Мудрые греки выступали не только против тиранов. Они не признавали и другие, неправильные с их точки зрения режимы. Платон, в частности, отвергал тимократию, олигархию, демократию и тиранию. Он полагал, что каждая из этих политических форм служит примером порчи для идеального государства. Вместо справедливого распределения обязанностей в них преобладает насилие и насильное принуждение, вместо стремления к общим целям — жажда власти, вместо бескорыстия — алчность, вместо единства и согласия — раздор.

Гуревич П. Философы и писатели написали немало о том, что тоталитарное, тираническое общество может служить самым худшим вариантом для человеческого бытия. Роман Евгения Замятина «Мы» рисует Город, где происходит действие, тоже, как и по Платону, создается, исходя из модели сознания. Психика в этом произведении угнетена абсолютной властью рационального. Бессознательному — сексу и творчеству — отводится только два часа в день. Персонажи романа лишены сильных страстей, чувств, духовно обескровлены. В той же мере, как и у Оруэлла, в конце романа основные герои, испытывавшие сопротивление «Старшему Брату», превращаются в душевно и духовно выпотрошенных людей. Но разве технократическое общество, рожденное идеей демократии, не ведет к тому же результату? Технократический рай вроде бы антипод тирании, но не ведет ли он к принудительности, хотя бы и другого рода?

2. Получили ли реализацию хотя бы отдельные мысли философа о равенстве, справедливости, порядке или проект оказался утопическим?

Луков В. Упомянутый Сол пишет: «Мы живем в эпоху, которая продолжается четыре с половиной века. Из-за своей заикленности на прогрессе и подбострастия перед структурами мы были вынуждены давать ей разные названия, переименовывавая десяток раз, и нам казалось, что эта карусель теоретических и фундаментальных концепций означает реальное движение. А реальность такова, что мы не продвинулись дальше базовых идей шестнадцатого века, которые ввиду отсутствия более совершенного определения нам пришлось назвать концепцией разума. И этот Век Разума пребывает с нами уже почти пятьсот лет».

Гуревич П. Вслед за Платоном мы хотим до предела рационализировать социальную жизнь. Античный мудрец, раскрывая структуру человеческой души, на последнее место поставил эмоциональную жизнь людей. Она менее всего поддается формовке. Любопытно, что в XVIII веке платоновская схема подверглась переосмыслению: ее лишили принципа иерархичности. Иначе говоря, разум, воля и эмоции стали рассматриваться как равноправные. Но вскоре ценность чувственных переживаний человека снова оказалась порушенной. Мы опять невольники Разума. Современные технократы считают, что нет такой сферы общественного бытия, которую невозможно отладить с помощью научной экспертизы. Однако иррациональная природа человека трудно поддается педантичному досмотру. Нескончаемые погромные вспышки в разных странах Европы. Макабрические пляски по поводу поверженного диктатора в Ливии. «Идейный» убийца норвежец Андерс Брейвик, которого нельзя причислить ни к нормальным, ни к «ненормальным» людям. Спутаны все психологические критерии. В европейских странах нарастает глубинное раздражение, вызванное бесконечным финансово-экономическим кризисом, который превратился в вечную страшилку.

Луков В. Карл Поппер критикует Платона за то, что он хочет видеть общество таким же прекрасным, как произведение искусства. А из этого как раз и следует принудительность. Если в обществе не все соответствует лекалам рациональности, то, согласно Платону, надо принимать меры. Но какие? Политик должен искоренить существующие институты и традиции. Он должен очистить, удалить, выслать, изгнать и убить. Платон, выходит, поощрял своих правителей к применению безжалостного насилия.

Буева Л. Мы говорили о том, что Платон не мог полагать, что за идею надо платить кровью. Но, оказывается, все-таки не только мог, но даже искал обоснования для таких экзекуций.

Гуревич П. Хотя Поппера и упрекали за радикальность его оценок, многое в его работе «Открытое общество и его враги», разумеется, справедливо. Вряд ли сегодня можно считать, что Платон, по сути дела, доказывал правомочность тиранства, тоталитаризма. Это, скорее всего, преувеличение, получившее признание в годы тотальной критики всякого авторитаризма. Но вот парадокс. Помню то время, когда философы и писатели активно изгоняли все привычки и навыки тоталитарного мышления. Был вечер, посвященный памяти П.А. Флоренского. Выступавшие говорили о жертвах деспотизма. Все вроде справедливо. Но само мероприятие самым неожиданным образом напоминало что-то вроде пленума ЦК КПСС. Зачитывали списки людей, которых следовало посадить в президиум. Оглашалось письмо С.С.Аверинцева, который, прикованный болезнью к постели, приветствовал заседание. Громили и изгоняли инакомыслящих, принимались резолюции. Оказалось, что «свободная интеллигенция» буквально копирует навыки деспотизма, который она обличала. Менялся только состав избранных. Создавалась другая элита, но она тоже была захвачена властоманией. Судя по всему, Поппер был убежден в том, что расчеты с тоталитаризмом навсегда покончат с тираническими замашками и социальными навыками к принуждению. Такой процесс «очищения» сознания он считал радикальным, потому и начал с Платона. Хотя

Поппер и пишет о том, что одно зло может повлечь за собой новое зло, однако о технократической утопии в двух томах его книги, по сути, ничего не говорится. Упоминаются социальные технологии, содержатся отдельные ссылки в комментариях. Но разве технократы свободны от похоти власти? Те самые философы, которых Платон просил пойти во власть, установили такую духовную диктатуру, что мы не успеваем даже понять, в какое общество мы парашютировали.

Буева Л. Но технократы — не философы. Скорее, может быть, социологи или менеджеры. Это уже другая социальная утопия — технократическая. В ней нет принудительной абстрактной истины, философской экспертизы. В этом случае на политическую арену выходят люди науки. Они объясняют, что их рекомендации не содержат ничего личного. Ведь технократы выступают от имени знания, по поручению социальной инженерии.

Луков В. Лозунги у неолибералов казались очаровательными. Надо строить общество на основе демократии и предпринимательства. Но что выявилось на практике? Хозяйственная деятельность, призванная быть эффективной, насаждалась принудительно. Демократия превратилась в инструмент, с помощью которого произошло перераспределение доходов в пользу элит, но за счет большинства. Политика структурных реформ была реализована, но главным образом за счет разграбления ресурсов России путем их присвоения. Посмотрим на современных технократов, которые модернизируют образование, здравоохранение, культуру. Их власть беспредельна. Они не обращают внимания ни на рекомендации науки, ни на мнение общественности. Они последовательно и методично разрушают те ведомства, которые им подвластны, регулируя финансовые потоки.

Буева Л. К власти пришли люди, которые не предполагают заняться созиданием. Менеджеры нового поколения знают, как добиться прибыли. Этот критерий и оказывается единственным для оценки эффективности общественной жизни. Можешь получить дивиденды от реализации платного образования, способен снять с бюджета непосильное бремя, ты востребован. Знаешь, как использовать территорию бывшего завода для вселения фирмы, ты «человек успеха». Соображаешь, что игровой салон приносит больше дохода, чем библиотека, можешь считать себя менеджером нового поколения.

Луков В. Но разве такие люди не пребывают в состоянии внутренней подорванности, не видят плоды своей деятельности? Надо, очевидно, понять, что они не только творцы новой жизни, но и ее жертвы. Из логики Платона вытекает простая мысль: если ты сконструировал некий социум, подумай, хочешь ли ты жить в нем? Будет ли тебе комфортно? Неужели вы убеждены в том, что технократам неуютно в современном технотронном мире?

Буева Л. Надо, наконец, признать, что востребованность социального знания в современном мире практически исчерпала себя. Политики больше соотносятся с текущей конъюнктурой, с личным обогащением или с логикой актуальной интриги, нежели с рекомендациями социальных инженеров. Властители сами рулят, но сами же оценивают результаты своей деятельности. Самим технократам в новом социуме, в котором есть безнадежная попытка с помощью научных рекомендаций отладить иррациональные процессы в

обществе, не очень комфортно. Отечественный поэт Валерий Митрохин выразил это в таких поэтических строчках:

*В довольстве живу и в покое.
Откуда тогда наваждение вины —
Невнятное чувство такое?*

Гуревич П. Более семидесяти лет прошло с тех пор, как американская исследовательница Карен Хорни издала свою работу «Невротическая личность нашего времени». Особое внимание она уделила таким базовым потребностям человека, как стремление к власти и готовность к эксплуатации других людей. К невротикам она отнесла бизнесменов и политиков. Люди власти стараются доминировать, завоевывать престиж и добиваться благосостояния. Конечно, К. Хорни уточняет свою мысль: невротическое стремление к господству рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности.

Луков В. Но ведь и бизнесмен, человек успеха, тоже причислен Хорни к невротикам. Общество, построенное на конкуренции, на стремлении к обогащению, плодит ненормальных людей. Предприниматели, готовые добывать деньги из всего, что их окружает, становятся психотиками.

Буева Л. Кстати, так называемая «агональная конкуренция» — продукт античной культуры — строилась на иных посылах. Если ты опережаешь соперника, ты должен не только доказать свое превосходство, но и помочь бедствующему, отстающему. Недавно адвокат, которая защищала одного бывшего ректора от судебных исков нового ректора, спросила меня: «Мне все понятно, но почему эта женщина, она же и новый ректор, с такой невероятной мстительностью истребляет своего предшественника?». Мне пришлось сказать молодому юристу, что обозначилось новая страта людей, которая знает, что нельзя добиться успеха, если ты не уничтожила своего соперника. Идти по головам, добиваться удушения любой опасности — вот невротический портрет новых менеджеров.

Гуревич П. Почему политик становится искривленной личностью? Отечественные психоаналитики внесли немалый вклад в освещение этой проблемы. Первая реакция психики на наркотик — снижение критики. От эйфории, от ощущения собственного величия, всемогущества, безграничности своих прав, которыми человек упивается на пике опьянения, невозможно, наверное, полностью вернуться назад, к трезвой и нелестливой самооценке. Соответственно накапливается и недоброжелательность к другим, недоверчивость, подозрительность: если я такой прекрасный, не получаю рукоплесканий, которых достоин, то кто же вокруг меня, как не заклятые враги? Обостренная обидчивость, уязвимость приводит к бессмысленной растрате сил. Психика регрессирует, но тоже по-особому, на более примитивный, инфантильный уровень.

Луков В. По мнению К. Хорни, далеко не во всех культурах в качестве ценности выступают власть, престиж или богатство. Власть — это способность и реальная возможность правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами. В самых примитивных обществах, где основным источником существования была охота или собирательство, власть осуществляло лицо,

которое по всеобщему признанию было компетентным для выполнения этой задачи. То, какими качествами должен был обладать этот человек, в большей степени зависело от конкретных обстоятельств. Как правило, эти качества включали жизненный опыт, мудрость, великодушие, мастерство, «внешность», храбрость. Во многих племенах не существовало постоянной власти. Она устанавливалась только тогда, когда возникала необходимость в ней. Разные представители власти осуществляли ее в различных сферах: ведения войны, отправления религии, решения споров. Когда исчезали или ослабевали качества, на которые опиралась данная власть, переставала существовать и власть.

Гуревич П. Хозяйственная элита тоже поражена невротическими искривлениями.

Луков В. Характеризуя психологическое состояние человека, увлеченного накоплением богатства, отечественный исследователь А.И. Белкин пишет: «Больной приходит в состояние безудержной эйфории. Возбуждение переключается через край, срывая все тормозные системы психики. Резко возрастает агрессивность. Меняется представление о самом себе. Появляется ощущение всемогущества, исключительного значения собственной личности, дающего право на то, что между людьми считается запретным — вплоть до убийства, неприятие которого биологически заложено в человеке».

Бueva Л. Но Хорни ничего не написала еще об одном типаже — чиновнике наших дней. Этот социальный персонаж обрел невиданную власть. Мздоимец, волокитчик, строго следующий параграфу, такой невротик всегда убежден в том, что он никому неподотчетен.

Луков В. Покинувший пост министра финансов Алексей Кудрин признался, что недооценил разрушительную мощь кризиса. Технократы уверяли общественность, что после Великой депрессии экономическая наука научилась регулировать финансовые процессы. Однако реальность постоянно опрокидывает все расчеты и предположения. И только Нобелевская премия по экономике по-прежнему присваивается американским экономистам, как будто ничего опровергающего основы американской мечты не происходит и не произойдет никогда. И в новейшем мировом рейтинге вузов по-прежнему в первой десятке семь американских вузов, а из всех 200, попавших в список, 75 — «американцы». Разве что Гарвард уступил (впервые за восемь лет) первое место Калифорнийскому технологическому институту и оказался на одной ступеньке с другим калифорнийским образовательным чудом — Стэнфордским университетом. Именно здесь учат экономистов, в руках которых управление мировым капитализмом. Но что-то, видимо, не заладилось до такой степени, что из США в октябре поступали почти военные новости: «В настоящее время в Нью-Йорке и ряде городов США проходит акция протеста «Занимай Уолл-стрит!». Участники выступают против политики властей и финансовых институтов, называя ее «финансовым терроризмом». Еще одна новостная строка: «За минувшие сутки армия активистов движения «Захвати Уолл-стрит» продвинулась вверх по Манхэттену, растет и число протестующих по всей стране». Впечатляет.

Гуревич П. Но предположим, технократическая утопия восторжествовала. Люди живут в потребительском раю. Возьмем для примера современный Сингапур. Как сообщают газеты, два миллиона мигрантов-бедняков за полвека превратили остров в мировой финансовый центр. Сегодня каждый десятый

житель Сингапура — миллионер. Власть страны победила коррупцию, богатые пополняют казну благодаря своеобразному налогу на роскошь.

Буева Л. Решена проблема жилья. Идет огромное строительство, доступное даже беднякам. Технократический принцип торжествует. Приглашая зарубежных специалистов, чиновники контролируют даже соотношение мужчин и женщин.

Гуревич П. У американского фантаста Роберта Шекли есть небольшой рассказ. Он называется «Стоимость жизни». Персонаж произведения живет в потребительском раю. Однако рано утром он удручен тем, что его знакомый Миллер покончил жизнь самоубийством. Герой рассказа живет в долг. Однако наслаждается предметами роскоши — настенный секретарь заменяет ему память. У него есть стереовизор, реактобиль, фонор, который меняет мелодии через каждые семнадцать часов. Многие чудеса роскоши стоят в прихожей нераспакованные. Достаточно нажать кнопку, и командооператор выполняет различные домашние работы, от уборки комнаты до приготовления пищи. «Сто лет назад даже первому богачу мира было недоступно то, чем владеет в настоящее время простой гражданин». Но герой рассказа продолжает мучиться вопросом: почему Миллер покончил жизнь самоубийством? Наконец, он понял, что именно беспрерывно гнетет его. Ему не нравилось нажимать на кнопки.

Луков В. Мне кажется, мы ведем речь уже не о политических режимах. И тираническое, и либеральное общество на поверку в чем-то смыкаются. Деспотизм пытается трансформировать природу человека, добиваясь от подданных не только бессмыслия, но и бесчувствия. Вот и либеральный рай благоустроил жизнь многих граждан. Однако создал такое благополучие, которое заставляет думать о самоубийстве. «Именно этими причинами следует объяснить странную меланхолию, которую можно часто наблюдать у жителей демократических стран посреди окружающего изобилия, а также охватывающее их среди спокойного и удобного существования чувство отвращения к жизни», — писал французский социолог А. Токвиль. Можно также вспомнить страну, нарисованную братьями Стругацкими. Люди в ней «желудочно» удовлетворены, но в то же время утратили смысл жизни.

Гуревич П. Анализируя тот или иной политический планктон, мы словно воспроизводим кантовский принцип. Описывая общество определенного типа, мы задаемся кантовским вопросом: согласились бы вы жить в таком социуме? Уроки Платона можно уяснить только таким образом. То, что кажется многим политикам целесообразным, отвергается по определению существованием огромного массива людей. Может ли, стало быть, потребительское общество обеспечить людям благополучие и удовлетворенность жизнью? Комфортно ли человеку жить в неправоном обществе? Долговечно ли безнравственное общество?

3. Как можно оценить современное российское общество в параметрах Платона?

Луков В. Английские мыслители и политики на протяжении многих столетий шлифовали идеал правового общества. Они были убеждены в том, что только под сенью закона люди обретают покой и защиту. Философы считали,

что существуют определенные правовые нормы, которые соответствуют человеческой природе. Другие были убеждены в том, что законы природы похожи на нормативные законы, поскольку они введены волей и решением Создателя Вселенной. Вот и Пушкина, говорят, спросили: «Чего ты хочешь?». И он будто бы ответил: «Законов. А еще более их исполнения».

Гуревич П. Жизнь, однако, показывает, что дело не в законах и даже не в их исполнении. Нынешний президент России, оценивая собственную деятельность, называет впечатляющую цифру — сколько новых законов было введено в его политическую бытность. Но вот вопрос — оздоровилось ли общество, возникла ли благоприятная ситуация для предпринимательства, укрепилось ли у граждан осознание того, что они находятся под сенью закона? Или уже совсем просто — всеильно ли право? Так, много говорят и пишут о гражданском обществе. Призывают граждан защищать свои интересы, сетуют даже на безучастность нашей культуры к правовому устройству общества. Право рассматривается как панацея от всех российских бед. Да, Платон в «Законах» трактует государство и право еще более сурово и серьезно. Он делает ставку на неукоснительные и детальные положения, по сути дела, жестоко регламентируя публичную и частную жизнь людей. Определяется даже распорядок дня и ночи.

Луков В. Более того, он буквально внушает идею божественности закона, незыблемости учрежденных порядков и установлений. Напоминает даже о карах, которые последуют за нарушение закона после смерти. В диалоге «Политик» Платон выделил формы государства, основанные на законе. По его словам, монархия, аристократия и демократия опираются на закон, тогда как тирания, олигархия и извращенная демократия управляют вопреки существующим в них законам и обычаям. Однако все перечисленные формы правления, как подчеркивалось в диалоге, являются отступлениями от идеального, «подлинного» государства, где политик единолично осуществляет власть, «руководствуясь знанием». Смысловое содержание учения Платона не совпадает с современными формулами правового государства.

Гуревич П. Но одна идея все-таки, мне кажется, сохраняет свою правомочность. Право, если оно не поддерживается моралью, оказывается разрушительным и пагубным. Во главе нашего государства оказались юристы. Казалось бы, вот счастливый шанс, когда власть и закон могут осчастливить общество. Но этого как раз и не произошло. Законы в России не только не соблюдаются, но они и не отражают, как правило, реальную жизнь. Некоторые философы удивляются: почему все толкуют в основном о праве государства, а не рядовых граждан? Подразумевается мысль: если бы право соотносилось с рядовыми гражданами, с их запросами, в России было бы построено гражданское общество. Но дело в том, что нельзя уповать на право как на единственный рычаг преобразования социума.

Буева Л. Правосознание выражает лишь один сегмент общественного устройства. Оно способно развиваться по собственным правилам, преследовать цели профессионального кретинизма.

Луков В. Как и все стороны жизни, право может подвергнуться бюрократизации.

Гуревич П. Эксперты утверждают, что в сталинские времена оправдательных приговоров было крайне мало. Примерно 3 процента. Но сегодня оказа-

лось, что в современной юридической практике оправдание вообще эксклюзив. Допустим, следователь, прокуратура довели дело до суда, а судья не нашел состава преступления. Что же это получается? Неутомимая деятельность блюстителей закона признана бесплодной. Испорчены все показатели, которые характеризуют торжество ревнителей законности. Такой судья вряд ли сможет работать на данном поприще. Бюрократы от права сделают все, чтобы вытеснить слишком правильного судью из его судебной ниши. Что же удивляться тому, что оправдательных приговоров у нас чуть ли не в три раза меньше, чем при Сталине. Возникает вопрос: в каком обществе мы живем?

Луков В. Платон строил свое идеальное государство не на демократической основе, позволяющей свободно перемещаться в политическом и управленческом пространстве. Нет, у него все было последовательно сконструировано. Правители — не те, за кого голосует народ, а те, кто прошел с детских лет школу подготовки. Властители готовятся из стражников, воспитанных по правилам, когда даже музыку им нельзя было слушать всякую, а только ту, что способствует высоким нравам. Вот потом, после многих лет подготовки и службы, есть путь наверх: «Из этих юношей, когда им исполнится тридцать лет, надо будет опять-таки произвести отбор, окружить их еще большим почетом и подвергнуть испытанию их способность к диалектике, наблюдая, кто из них умеет, не обращая внимания на зрительные и остальные ощущения, подняться до истинного бытия». Таков идеал.

Гуревич П. Согласен с вами. Современных политиков выносит на властный Олимп популистская волна, а не суровая школа добродетели. Но ведь у нас сегодня много учебных заведений, о которых говорится в рекламе — «Здесь готовят президентов». Учат политике, но, по сути дела, куют кадры чиновников, не отягощенных никакими добродетелями.

Луков В. Но все-таки этот политический идеал оказался только далекой звездой на политическом небосклоне. И я бы не сказал, что он не реализован. Весь вопрос в масштабе реализации. Мы знаем об институте праведничества, который во многом построен на самоограничении и самовоспитании, на преодолении шаг за шагом искушений. Или совсем другая сфера — опыт перевоспитания малолетних преступников в коллективе сверстников в педагогической системе А. С. Макаренко. Есть и еще одна сторона реализации платоновского проекта. Она относится к сфере философии политики, теории государства и права. А теорию не следует отрывать от реализации социальных идей.

Буева Л. Какую теорию вы имеете в виду?

Луков В. Думаю, это относится ко всей европейско-американской цивилизационной модели. Здесь и известные социальные утопии Мора или Кампанеллы можно иметь в виду. Но и Гегеля, его философию права, понимание государства. Гегель прозорливо выводил субстанциональное свойство государства (а у него оно — «обладающая самосознанием нравственная субстанция») из соединения принципа семьи и гражданского общества. В гегелевском понимании государства его сущностью является то самое единство, которое в семье проявляется как чувство любви, но форма ему придается посредством второго принципа, и это — форма опознанной всеобщности. Возможно, в этом понимании сущности государства центральное место занимает определение отдельного индивидуума в качестве его действительности. Этот поворот

темы в «Энциклопедии философских наук» снова оказывается актуальным почти 200 лет спустя после того, как он был положен на бумагу. Государственное дело и сводится к тому, что индивидуумов необходимо сохранить в качестве лиц (чтобы придать действительность праву) и этим содействовать их благу. Хотя каждый при этом порядке заботится сам о себе, но всеобщими становятся две задачи: охранять семью и руководить гражданским обществом. Они и есть задачи государства.

Гуревич П. Платону было знакомо слово «кризис». Размышляя о социальных потрясениях, он вынашивал идеал героической личности. Античный мудрец восхищался Тимолеонтом, который славился не только воинской доблестью, но и чувством справедливости. Жители Сиракуз, уставшие от войн и внутренних столкновений, бежали в другие города. Нужен был спаситель. Тиран? Душегуб, восстановитель порядка? Но Тимолеонт отличался даже кротостью. Он не стремился к самовластью, не страдал властоманией. После устранения тирана он вместе с другими политиками приступил к разработке законов.

Буева Л. Этот тип поведения описан в диалоге «Законы».

Луков В. Мне кажется, сохранила свою значимость платоновская идея справедливости. Он, разумеется, связывал ее с силой законности. К примеру, академик Вячеслав Семенович Степин отмечает: для того чтобы изменилось состояние правового сознания, нужно, чтобы изменились базисные ценности культуры, чтобы они были приведены в соответствие с провозглашаемым общественным идеалом правового общества. Идеи всеобщего права стали проникать в Россию после того, как она стала осуществлять модернизационные реформы. В России справедливость всегда была выше права. Люди жили по обычаям, а не по праву.

Гуревич П. Однако эксперты отмечают, что социальная жестокость в нашей практике встречается гораздо чаще, нежели в других европейских странах.

Луков В. Но право и не может быть мягкосердечным. Возьмите восточную практику. Иранскую актрису Марзиях Вафамер приговорили к 90 ударам плетью и году тюрьмы за деятельность, которая была расценена как критика властей этой исламской республики. М.Вафамер была арестована в июле 2011 года после выхода на экраны фильма «Мой продажный Тегеран». Картина, снятая в сотрудничестве с австралийскими режиссерами, рассказывает о молодой тегеранской актрисе, которой запретили играть в театре. Однако девушка все-таки продолжила свою актерскую карьеру, держа это в тайне от властей.

Гуревич П. Но вернемся к российской действительности.

Луков В. В дилемме судить по законам или по «понятиям» обычно побеждали «понятия». Впрочем, и сейчас к этой формуле обращаются очень часто, понимая ограниченность возможностей простого гражданина решать дело по закону. Еще со школы помню, как в «Грозе» Островского Феклуша рассказывала об иноземной жизни: «...и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все непра-

ведные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!»

Буева Л. Тогда это казалось очень забавным.

Луков В. Кто бы знал, что времена Кабанихи — впереди, что несправедность судов станет обычным делом в XXI веке, а по сравнению с Феклушиными страшилками еще и усилится. В общественном мнении утвердилось константа: справедливость сегодня не найдешь ни в ведомственных кабинетах, ни в суде. Новейший опрос Левада-центра показал, что доверие к правящей группе упало в сравнении с тем, что отмечалось в «лихие» 90-е годы в отношении кабинета Ельцина. А казалось, что ниже-то падать некуда. По данным этого опроса, 29% россиян считают, что правительство не может справиться с проблемами в экономике, 22% — что у власти нет четкой программы экономического развития; 22% убеждены, что правительственные чиновники коррумпированы и действуют только в своих собственных интересах, а 19% — что они действуют в интересах крупного бизнеса.

Гуревич П. Идея справедливости имела множество смысловых оттенков. И одним из них был идеал справедливого государя, который мог бы защитить народ от произвола и лихоимства чиновников. Приоритет индивидуальных свобод укоренился в новоевропейской культуре «проекта Модерн». Он сформировался в процессе становления техногенного типа цивилизационного развития. Именно здесь складывался идеал свободной и суверенной личности, которая может включаться в различные социальные общности.

Луков В. Многие философы говорят сегодня о непреложности правового общества. Именно в правосознании они усматривают огромную целительную мощь. При этом абсолютизируется британский опыт. Закон при этом ставится даже выше морали.

Гуревич П. В.А.Лекторский отмечает, что закон и право — это не одно и то же. Законы могут быть неправовыми. Любое право, как бы его ни трактовали, не может противоречить закону справедливости. Разумеется, сама справедливость может трактоваться при этом по-разному. Но в любом случае в основе права лежит принцип формального равенства, и из этого вытекают некоторые важные следствия, связанные с пониманием человека и его ценностей. Сама степень свободы человека может меняться, потому что современная цивилизация настолько сложна и становится еще более сложной, что возникает необходимость еще большего контроля над тем, что делает человек. Сама граница между частной жизнью и жизнью нечастной, публичной постепенно размывается.

Луков В. Если на одном полюсе можно было бы поставить платоновское государство, то на другом оказалась бы Россия. Это не значит, что Россия наиболее далека от идеала, каковой лежит в основе «Государства» Платона. Рядом с Россией на том самом полюсе можно поместить Украину, Грузию и некоторые другие государства, образовавшиеся на месте бывшей сверхдержавы СССР. Они, в общем-то, такие разные, оказываются на «полюсе холода» рядом по той причине, что в их ценностно-нормативной системе, на которой, собственно, и держится социальный строй, произошли такие тектонические смещения, что она оказалась бесповоротно разрушенной. Это и называют anomией, то есть утерей регулирующих силы социальных норм.

Буева Л. Выходит, мы возвращаемся к Платону по логике наших рассуждений.

Луков В. Платоновское государство сильно своей нормативностью. Оно устанавливает правила в сущих, по нашим меркам, мелочах, поскольку философский проект не знает мелочей в отношении блага. Россия уже четверть века пересеивает свое ценностно-нормативное поле, но это — как с газоном: сеешь «разумное, доброе, вечное», но сорняки легко подавляют твой романтический порыв и устанавливают свои правила. Вот один депутат Госдумы пишет в докторской диссертации: «Специфика основных тенденций трансформации управления системой социальной защиты населения в постсоветский период обусловлена необходимостью создания государственного института восстановления доверия населения к власти и проводимым ею реформам».

Буева Л. Разве доверие к власти обусловлено только созданием некоего государственного института?

Луков В. Можно, конечно, бросить автору с высоты теории упрек в непонимании того, что такое государственный институт, но сделаем по-другому: посмотрим в существо вопроса. А тогда все это не покажется такой уж ересью, поскольку восстановление доверия к власти у обычного человека в периоды смуты и аномии (отсутствия или ослабления до нижнего предела социальной нормы) становится институциональной задачей, без решения которой институты государства и права оказываются дискредитированы перед своим народом и потому беспомощны.

Гуревич П. Доверие к власти — важнейший показатель стабильности общества. Но ведь нам с вами приходилось обсуждать тему дистанцирования власти от народа, от его потребностей. Возможно, это только риторика — доверие к власти. Сейчас наши властители в канун выборов произносят много слов, постоянно разъясняют народу свои планы. Демонстрируется огромный энтузиазм по этому поводу. Рождается своеобразный политический театр. Имитируются полемика, искренность, реальность планов. Но укрепляется ли доверие к власти?

Луков В. Вряд ли поможет та резвость высших органов власти России, с которой они перекалывают на православную церковь заботы о восстановлении доверия к государству. Патриарха уже и в депутатские разборки втягивают (из сообщений СМИ недавнего времени: «После драки с Лебедевым Полонский попросил совета у тандема и Патриарха»). Здесь надо бы вспомнить Людвиг Фейербаха, который в комментариях к трудам Пьера Бейля подчеркивал: «Собственно говоря, религия мыслится как партикулярный принцип, а не как принцип сохранения современных государств». И уточнял: «Вернее, долговечность современных государств происходит именно от того, что они обособили от себя религиозный принцип, отвели ему, как и подобает, особую сферу внутри самих себя, но не слили с ним воедино свою сущность. У греков и римлян, наоборот, дело государства было слито с делом религии: боги были высшими государственными законами... Поэтому древние государства погибли вместе со своей верой. Но современное государство, которое идентифицирует свое дело с делом религии, губит себя или уже погибло, ибо оно ищет помощи вне себя».

Буева Л. Мудрая мысль. Но ведь и церковь, которая включается в социальные разборки, утрачивает свою главную миссию — окормление масс.

Луков В. Есть еще одна парадоксальная возможность оценить современное российское общество в параметрах Платона. Если у Платона надо было стать философом, чтобы управлять государством, то ныне все иначе: если ты не взойшел на пирамиду власти, то тебе придется научиться философски смотреть на жизнь. И научиться у Козьмы Пруткова не верить глазам своим. Иначе нельзя смотреть телевизор, который строит свой новостной блок так, что не остается сомнений: мир сошел с ума. Американский психолог Филинг Райс пишет, что средний современный ребенок к 14 годам уже увидел на телеэкране 18 тысяч убийств. Раньше бы мы сказали: это там, у них. Но нынче — это и у нас. Исследование по России, проведенное в рамках научно-исследовательской программы РАО «Социология образования», дало такой результат: российский телезритель видит на экране сцену насилия в среднем каждые 15 минут, а в вечерние часы — каждые 10 минут.

Гуревич П. Но экран стал еще и творцом новых политических технологий. Ток-шоу властителей по всем каналам. Мы начинаем осваивать опыт манипулирования, накопленный Западом. Когда должна была состояться инаугурация президента Буша, Белый дом опубликовал точное описание церемонии предстоящего прощания. Рональд Рейган покидает свой пост. Буш провожает господина Рейгана до вертолетной площадки на Капитолийском холме. Поднявшись на вертолет, Рейган поворачивается и отдает честь президенту Бушу. Это напоминает библейский сказ о том, как Иоанн Креститель посвящал Христа в реке Иордан.

Буева Л. Но чем больше политических технологий, тем меньше доверия к власти.

Луков В. Философ нашего времени вряд ли станет правителем. Теперь он призывает смотреть на происходящее глазами стоика. Стоит ли переживать по поводу предстоящих выборов — ведь «лучше все равно не будет».

Гуревич П. А может, и не так? Перед философами возникает другая задача — прояснять общественное сознание, не исповедовать холопство, давать точную характеристику социальных процессов.

Луков В. Предлагаю вспомнить знаменитую сентенцию Панглоса из вольтеровского «Кандида»: «все к лучшему в этом лучшем из миров». Оптимизма такого масштаба высоким политикам хватает, а мне нет. Чем не оптимизм — ответы премьер-министра на вопрос лауреата Бунинской премии Захара Прилепина про 4 миллиарда долларов, пропавших в компании «Транснефть» при строительстве трубопровода «Восточная Сибирь — Тихий океан»? «Путин, комментируя вопрос Прилепина, заверил его, что при строительстве трубопровода не было совершено никаких преступлений, а было лишь «нецелевое расходование средств», притом в коммерческой, а не государственной компании. «Если бы там было что-то уголовно наказуемое, то я вас уверяю — там уже давно за решеткой сидели бы люди», — сказал Путин». Так описывает ситуацию Интернет. Это почти чудесно, почти чудесно! И в самом деле, все к лучшему в этом лучшем из миров.

Гуревич П. Между прочим, Платон, вероятно, находился не в лучшей ситуации. Ведь это ему пришлось уговаривать тиранов внять голосу разума.

Кто-то из коринфян спросил Дионисия Младшего, что получил он от личного знакомства с Платоном. Тот ответил: «Неужели тебе кажется, что я ничего не взял у Платона, если так спокойно переношу превратности судьбы».

Буева Л. Нам предстоит еще ответить на вопрос, в каком обществе мы хотели бы жить?

Луков В. Все-таки в ответе на вопрос, поставленный перед нами, мы можем опираться не только на свое мнение, но и на мнение жителей нашей страны, то есть тех людей, которые живут в том же обществе, что и мы. Несколько лет назад, в 2004 году — не то чтобы недавно, но и не так уж давно — был опубликован доклад под названием «Кем мы себя ощущаем и в каком обществе хотели бы жить?». Это итог исследования, которое провели в Институте комплексных социальных исследований Российской академии наук по инициативе представительства Фонда имени Фридриха Эберта (Германия) в РФ. В отчете мудро замечено: «Разные поколения по-разному смотрят на различные этапы российской истории». Мне это напомнило, как в 1968 году на одной международной встрече начальная версия фразы из коммунике звучала так: «Участники встречи осуждают ввод войск пяти стран Варшавского Договора в Чехословакию». После того как наши поработали с делегациями, фраза зазвучала так: «Участники встречи по-разному оценивают события лета 1968 года в Центре Европы».

Буева Л. Еще древние заметили, что смысл меняется даже от перестановки слов.

Луков В. Но это сказал попутно. В общем-то, тогда было установлено (в других исследованиях картина была такой же), что старшие поколения гордятся не тем, чем младшие, когда говорят о своей стране. Но уже тогда, в середине 2000-х, стало ясно: большинство россиян не считают времена СССР временами «70-летнего кошмара», а ведь именно на такую оценку общества, с которым мы расстались, были брошены все силы внутренней и внешней пропаганды демократических, так сказать, правителей. Вот он, глас народа. Тогда только 20% опрошенных — и из молодых, и из стариков — соглашались с утверждением, что «во всей 70-летней истории Советского Союза найдется мало того, чем россияне могли бы гордиться».

Буева Л. Сейчас нам сообщили, что период застоя уж и не был так плох...

Луков В. Семь лет назад по итогам упомянутого исследования делался вывод об устойчивом тяготении соотечественников к жизни в государстве со смешанной экономикой и с сильной регулирующей ролью государства, его доминирующим присутствием в большинстве отраслей экономики. «При этом они считают, что все стратегические отрасли и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства». Почти советская модель, без ее очевидных противоречий, перегибов и ошибок управления. А сегодня понимание в народе того, от какого великого наследства за нас попытались откатиться, усилилось. По всему видать, что зреет поворот в мозгах, который на вопрос, в каком обществе Вы хотели бы жить, странным образом не ответит, что в нынешнем.

Буева Л. Зато есть прекрасные поэтические строчки: «Ненавижу я власти любые, кроме нынешних, правда, властей».

Луков В. В оценках того общества, в котором хотелось бы жить, стоило бы избрать принцип простоты, а даже, возможно, и предельного упрощения, двигаясь в этом вслед за Александром Александровичем Зиновьевым. Он вывел замечательные по простоте социальные законы, которые выразил пословицами, вроде той, что своя рубашка ближе к телу. Он подчеркивал, что фундаментальные законы социальной жизни до примитивности просты и вовсе не романтичны.

Буева Л. Трудно оспорить. Законы жизни вообще не столь уж и затейливы.

Луков В. Напомню, как в «Глобальном человечнике» он в уста Фила вкладывает такое размышление: «В детстве мне пришлось прочитать сказку об ослике, который, увидев в луже лягушку, решил сделать ей добро и вытащил ее из лужи на раскаленный от солнца камень. Но лягушка вместо благодарности с гневом обрушилась на ослика. Ослик удивился и спросил о причине гнева. Лягушка ответила, что лужа — ее родная стихия, а солнцепек для нее смертельно опасен. Истина банальная. А мы между тем с ослиным упорством вытаскиваем западных «лягушек» из привычных для них «луж» на губительный для них западный «солнцепек». Вообще, подход Зиновьева очень глубокий, и глубину придает ему понимание жизни в ее естественном основании. Политические манифесты уводят от этой простоты, но в каждодневной обыденности дела и чувства человека соразмерны его картине мира, а сам этот мир чаще всего простирается в пространстве, ограниченном «скорлупой повседневной жизни», как метко заметил культуролог А. Мольт. Если в масштабах такой «скорлупы» (а масштабы различаются для людей с разным образом жизни, уровнем образования, кругом постоянного общения и т. д.) все более или менее хорошо, то общество тоже кажется «хорошим». Вообще, в анализе общества его идеальная модель, вроде платоновской, сегодня не столько актуальна, как модель «хорошего общества».

Гуревич П. Этой темой в Институте философии занимается В. Г. Федотова. Впрочем, в этих терминах мыслили и Абрахам Маслоу, и Эрих Фромм. Монография Валентины Гавриловны посвящена социальным изменениям, произошедшим в обществе за последнее время, и поискам наиболее приемлемых альтернатив, которые реально могли бы улучшить жизнь людей. Процессы модернизации и глобализации рассматриваются здесь под углом зрения их социального, экономического, политического и нравственного результата. Учитываются такие новые феномены, парадоксы эпохи, как повышение риска, изменение соотношения локального и глобального, ослабление Вестфальской системы национальных государств одновременно с усилением национализма, ростом локальных войн и терроризма вместо ожидавшегося мира.

Луков В. Да, она попала в яблочко, занявшись этой темой. Общество, в котором мы хотим жить, — меньше всего идеальное общество и больше всего — общество, о котором можно сказать, что оно хорошее. Точно так же у человека складывается представление о «хорошей жизни», то есть жизни удобной, доставляющей радость, не бьющей тебя каждый день по голове. Мы во многих своих исследованиях задаем вопрос о «хорошей жизни» молодым людям, студентам. Четыре ключевые позиции сохраняют устойчивый приоритет в оценках студентами того, что для них есть «хорошая жизнь», а именно: «быть

материально обеспеченным»; «иметь хорошую семью»; «быть здоровым»; «иметь хорошую работу». Все другое имеет гораздо меньшую ценность. Вот, собственно, и ответ поколения, за которым будущее России: общество, в котором хотелось бы жить, такое, какое позволяет жить в любящей семье, не испытывающей особых материальных проблем, не болеть, идти на работу с желанием. Так все просто!

Гуревич П. Конечно, просто. Только это всего лишь ожидания, приоритетность частных целей. Но мы должны завершить другую тему — тему социального бытия людей, а не их житейского благополучия. Хотя, конечно, эти темы связаны.

Луков В. Еще, Павел Семенович, два слова о наших исследованиях среди студентов российских вузов. Один из вопросов, который мы задавали, звучал так: «Если бы вам предложили выгодный контракт, который предполагает выезд за границу на постоянное место жительства, Вы бы согласились?» В начале 2000-х годов «да» говорили примерно 30% опрошенных студентов, в 2009-м — больше половины и еще одна треть не определились, сказать ли «да» или «нет». Надо ли в таком случае считать положительный ответ антипатриотичным? Очевидно, что это лишь некоторая направленность мысли, а не принятое решение. В молодых головах брожение мыслей всегда было свидетельством становления, поиска своего пути в жизни. И все же. Вот вопрос: «Если бы Вы могли выбрать, то в какой стране мира Вы хотели бы родиться?». Из отвечавших на него российских студентов чуть больше половины (54%) предпочли свою страну. А что же другая половина? Почти 7% предпочли бы родиться в Великобритании, почти 6% — в США, от 3 до 4% — во Франции, Германии, Италии, на Швейцарию и Японию с той же мыслью смотрят примерно 2%. Во всем этом проглядывает какая-то тревога за свое будущее. В анонимном обществе не на что опереться молодому человеку (впрочем, и старому), и есть стремление скрыться от всего где-то там, где нас нет. Для тех, кто не мыслит своей жизни вне Родины, а я отношу себя к этой части наших сограждан, связь с Россией реализует то (воспользуюсь словами великого гуманиста Пико делла Мирандолы), что человек связан с природой «как бы брачными узами». Свобода воли может вести нас в далекие и прекрасные земли, «где нас нет». Может низвести до положения игрушки в руках властителей. Но может принудить нас (хоть это и свобода, но — воли!) идти по жизненному пути, стремясь к высоким целям, высоким идеалам. Идеалу государства — в том числе.

Гуревич П. Обсуждение темы, предложенной для дискуссии, прежде всего, показало, что экспертиза Карла Поппера, который считал «чары Платона» предвестием тоталитарного мышления, несостоятельна. Античного мудреца можно попрекнуть чем угодно — его философской наивностью, когда он предлагает тирану реализовать его социальный проект, или когда он идеализирует прошлое в виде быта дорийских пастухов. Но в текстах Платона вряд ли отыщется двоедушие, то самое политическое лицемерие, которое стало привычным в наши дни. Философ с негодованием бы отверг предложение прихватить богатые нефтяные края под флагом борьбы с тиранией. Он не принял бы и всяческие «обоснования», толкующие о том, почему тот или иной правитель должен немалое время оставаться у власти. Платон не принял бы и политический театр, который отвлекает людей от реальных жизненных проблем и погружает в мир

социальной демагогии. Он первым заговорил о несчастной судьбе тирана, который становится рабом своей алчности и похоти власти. Ему была глубоко чужда мысль о том, что можно отдать в рабство собственную родину. Платон не был и утопистом, который боготворил собственный проект. Он полагал, что полную, окончательную справедливость в государстве могли бы осуществлять только боги, если бы они снизошли до непосредственного управления людьми. Но Платон не согласился бы с оценкой справедливости как химеры, которая никогда не получает реализации. Он оценивал властителя не по достигнутым им общим показателям отвлеченного «роста», а по тому, насколько свободно и комфортно чувствуют себя граждане достойного общества.

Опираясь на Платона, мы пытались взглянуть на мир в целом, на историческую динамику. Можно ли считать, что идеи Платона не получили реализации в истории? Обсуждение показало, что это не так. Человечество так и не смогло реализовать проект, предложенный Платоном. В Европе сменилось немало политических режимов. Она познала парламентскую монархию в Великобритании. Она пережила и опыт абсолютных монархий, как в Пруссии, Испании или России. Европа выстрадала и тоталитарные режимы, переболела тотальным либерализмом.

Сегодня, когда в политическую практику вторгается судьба восточной деспотии, мы с особой остротой осознаем — трудно, почти невозможно представить себе идеальное общество, как невозможно изобрести и идеального человека. «Хорошее общество» грезилось не только А. Куприну или А. Маслоу. О «здоровом обществе» рассуждал Э. Фромм. Но и эти проекты не получили реализации. Менялись режимы, цивилизация разворачивала все новые и новые ресурсы. Но про социальные проекты можно было бы сказать словами О. Мандельштама: «Нет, никогда ничей я не был современник». Не получив воплощения, идеи Платона оказали громадное воздействие на общественную мысль. Здесь уместна ссылка на Канта, который считал, что хорошо продуманная мысль не теряет своего значения, даже если она не получила осуществления в реальности. Иначе говоря, тем хуже для этой реальности.

Мы сегодня говорим о диктате закона. В период становления гражданского общества в Европе эта идея была безупречной. Но наше обсуждение показало, что нет такой сферы многообразной общественной жизни, которая могла бы осчастливить социум. Верховенство закона, оторванного от нравственных основ и интересов людей, рождает новые опасности.

Демократию сегодня сводят только к всеобщему избирательному праву, закон толкуют как средство укрепления властных полномочий, социальную справедливость как лицемерие мультикультурализма. Общество становится комфортным, когда в нем есть обширное пространство для самостоятельности людей. История сама по себе, как подчеркивал К.Маркс, ничего не творит. Социальный континуум создают люди. Они руководствуются традициями, здравым смыслом, неумным стремлением изменить жизнь. Но нам досталось от Платона только убеждение в том, что чем больше будет разного рода регламентаций, тем лучше для людей. Но это не так. Ни чиновничий произвол, ни юридическое формотворчество, ни политическая демагогия не направлены на устройство жизни людей. Общество нуждается сегодня не в имитации мнимого содействия техническому прогрессу, а в серьезных философских экспертизах.

ПУБЛИКАЦИИ

К 70-летию разгрома немецких войск под Москвой

Владимир РОЩУПКИН

ПЕРВАЯ СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

«Подвиг этот поистине великолепен».

Так оценил итоги контрнаступления под Москвой посланец союзной Англии Антони Иден, посетивший места недавних сражений.

Гости Москвы и туристы, прогуливающиеся от здания Центрального телеграфа вверх по Тверской (ранее ул. Горького), неизменно обращают внимание: фундаменты больших домов в «сталинском» стиле, построенных здесь вскоре после войны, облицованы плитками из красного камня.

Эти плитки — словно каменные скрижали нашей Истории, возвышенной и трагической, обыденной и героической. Они напрямую связаны с Московской битвой, 70-летие которой мы отмечаем в нынешнем году. Тогда на ее карту — и в прямом, и в переносном смысле — были поставлены честь, независимость и будущее русской нации и всей страны. А красный камень немцы специально завезли под Москву для строительства объекта особого назначения, о котором мы скажем позднее.

Летом первого года войны в план стратегических действий верховного командования гитлеровской Германии были включены три цели и направления. Это захват Ленинграда как крупнейшего индустриального города и плацдарма к выходу на Север. Это захват Украины, хлебной житницы страны, с последующей оккупацией угольного Донецкого бассейна, Ростова и Сталинграда — перевалочных пунктов к Кавказу и бакинской (а в перспективе и иранской) нефти. Главной же военно-политической целью и соответственно — стратегическим направлением для гитлеровских генштабистов была Москва — древняя столица России, ее государственно-политический, военный, научный и культурный центр.

Служба безопасности СС доносила в те осенние дни в Берлин: «В широких кругах населения (немецкого. — *Авт.*) все еще существует определенное разочарование по поводу того, что разгром большевиков ведется не так быстро, как надеялись, и что конца восточной кампании не видно. Отсутствие дальнейших сообщений о победах под Москвой дает населению повод задуматься: правдивым ли было сообщение, переданное 14 дней назад о том, что немецкие войска находятся в 60 километрах от Москвы». Так что, планируя масштабные боевые действия по захвату Москвы, нареченные операцией «Тайфун», Гитлер надеялся поднять не только дух армии и нации, но и союзников рейха.

Начальнику генерального штаба сухопутных войск Германии генералу Гальдеру виделись радужные перспективы. Он исходил из того, что к концу октября возможности Красной Армии по защите Москвы были незначительными. А посему она, мол, не сможет удержать сплошной фронт. Попытка же русских отстоять Москву и Кавказ, по мнению Гальдера, вынудит их отойти вплоть до Волги и отвести войска от Ленинграда к Рыбинску.

Командование вермахта рассчитывало овладеть русской столицей до того, как в свои права вступит «генерал Мороз». На предложение же одного из лучших стратегов вермахта — начальника оперативного управления генштаба сухопутных войск генерала Фридриха Паулюса — заготовить для солдат зимнее обмундирование фюрер самоуверенно сказал: «Вы что, Паулюс, не верите в нашу скорую победу?». Позднее Гитлер и его стратеги дорого заплатят за свой авантюризм и недооценку военного, экономического и морально-политического потенциала своего восточного противника.

В октябре 1941 года враг развернул под Москвой масштабное наступление. Его начало командование вермахта расценило как блестящий успех, уверовав, что успех операции «Тайфун» уже предрешен. По этому поводу 4 октября в берлинском Спортпаласе (Дворце спорта) состоялся массовый митинг. Впервые с начала нападения на СССР на нем выступил сам фюрер. «Я могу совершенно определенно сказать: этот противник разгромлен и больше никогда не поднимется», — витийствовал глава рейха. С этим сообщением он явно поторопился...

Ставка, предвидя наступление немцев на Москву летом, заблаговременно предпринимала меры к созданию глубокоэшелонированной обороны. Вяземская линия обороны находилась в 250–300 км западнее Москвы (Осташков — Селижарово — Оленино — Дорогобуж — Ельня — Брянск), Можайская — создавалась в 120–130 км от Москвы по линии Волоколамск — Бородино — Ильинское — Детчино — Калуга — Тула.

Начало боев на дальних подступах к столице сложилось для нашей стороны крайне неудачно. На основных направлениях у немцев было превосходство в живой силе, а главное, в бронетанковой технике. На рассвете 2 октября немецкая авиация нанесла сильные удары по аэродромам, штабам, основным и запасным узлам связи Западного и Резервного фронтов. Вслед за этим соединения 3-й и 4-й танковых групп по сходящимся направлениям устремились к Вязьме. 7 октября 1941 года войска вермахта завершили окружение оборонявшихся частей и соединений Красной Армии западнее Вязьмы, а через день — в районе Брянска. Положение становилось угрожающим из-за образовавшейся в нашей стратегической обороне брешы почти в 500 км. В те тревожные дни командование принимало неотложные меры для восстановления и укрепления обороны.

Кабели особого напряжения

Предметом особого внимания нашего командования было укрепление Можайской линии обороны. Здесь сосредоточивались 14 стрелковых дивизий, другие силы, в том числе 40 артиллерийских полков и ряд спецчастей и подразделений. В интересах Можайской линии обороны было решено использовать все не очень многочисленные резервы, имевшиеся к тому времени в

Москве и Подмоскowie — даже курсантов. Курсантский полк училища имени Верховного Совета РСФСР занял оборону у Волоколамска. Их сверстники из Московского военно-политического училища прибыли в Можайский укрепленный район. А сводный отряд подольских курсантов из пехотного и артиллерийского училищ города занял рубежи Малоярославецкого укрепрайона. На усиление Волоколамского и Можайского укрепрайонов были направлены также подразделения курсантов 1-го Московского артиллерийского училища и Московского военно-инженерного училища с минно-подрывными средствами. Однако немцы не прекращали наращивание своих сил и средств. Они уже почти подошли к Можайской линии обороны.

В связи с ростом угрозы вражеского прорыва на этом рубеже 11 октября было созвано заседание Государственного Комитета Оборона (ГКО). Итогом рассмотренных на нем мер были подписанные И.В. Сталиным два постановления. В первом отмечалось: «В связи с приближением линии фронта и необходимостью наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта Государственный Комитет Оборона постановляет: 1. Поручить НКВД СССР взять под особую охрану зону, прилегавшую к Москве с запада и юга по линии Калинин — Ржев — Можайск — Тула — Коломна — Кашира».

Вторым постановлением предписывалось ускорить строительство 3-й линии обороны, мобилизовав для этого до 450 тыс. человек. Ее главный рубеж должен был проходить по линии Хлебниково — Сходня — Звенигород — Кубинка — Наро-Фоминск — Подольск, а потом по реке Пахре. Малоизвестный факт: помимо противотанковых рвов и других преград на подступах к Москве было проложено 300 км высоковольтных кабелей. Впоследствии врагу ни разу не удалось преодолеть их. Кабели снабжались током с Рыбинской ГЭС. Оттуда же электричество поступало в Москву. К слову, во время боев по защите столицы электричество в ней не отключалось. Исправно работала и городская телефонная сеть.

Оборонительный комплекс на близких подступах к столице стал именоваться Московской зоной, которую возглавило командование Московского военного округа (МВО).

Приказ на наступление генерал-фельдмаршал Федор фон Бок отдал 14 октября. Основная ставка была сделана на главные силы его группировки — танковые группы. Их поддерживали с воздуха соединения люфтваффе. Несмотря на упорное сопротивление войск Красной Армии, врагу удалось прорвать ряд рубежей нашей обороны и продвинуться в ее глубь. Немецкие танки ворвались в Калинин (Тверь). Напряженный характер носили бои на Волоколамском и Можайском направлениях.

18 октября военный совет Западного фронта принял решение об отводе войск. Это было вынужденное решение — ради сохранения сил и организации более устойчивой обороны на готовившихся в тылу рубежах. При невозможности сдержать наступление противника на Можайском оборонительном рубеже армии фронта, оказывая арьергардами сопротивление наступавшему противнику, должны были отойти главными силами на готовившийся рубеж обороны: Ново-Завидовский — Клин — Истринское водохранилище — Истра — Жаворонки — Красная Пахра — Серпухов — Алексин. На следующий день Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин утвердил этот план.

В его реализации, как и в ходе всей битвы за Москву, неоценима роль Г.К. Жукова как командующего фронтом. Он бывал на самых опасных, критических участках, на месте помогая решать оперативные задачи. По решению Жукова штаб 16-й армии (командующий генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский) был направлен на Волоколамский рубеж. При обороне Москвы в армии Рокоссовского отличились многие части и соединения. Среди них и 316-я стрелковая дивизия генерал-майора И.В. Панфилова, ранее прибывшая из Казахстана и находившаяся в резерве.

13 октября военный совет Западного фронта приказал 5, 43 и 49-й армиям перейти к прочной обороне и не допустить прорыва противника. Но из-за недостатка сил для сплошной обороны командование фронта в первую очередь решило занять главнейшие направления: волоколамское, истринское, Можайское, малоярославецкое, калужско-подольское. Там же сосредотачивались и основные артиллерийские и противотанковые средства.

В сражение вступали свежие силы и войска, перебрасываемые с других фронтов. Из Сибири, с Дальнего Востока, других регионов на московское стратегическое направление перебрасывались крупные резервы — хорошо обученные и оснащенные дивизии. Сделать это позволили аналитические сообщения из Токио выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге. Их суть — Япония, дальневосточная союзница гитлеровской Германии, пока не вступит в войну на ее стороне, а повернет стрелы агрессии на юг, в сторону «теплых морей».

В октябре и в первой половине ноября в наступательных боях на московском направлении враг потерял 88 тысяч человек. Немецкое наступление стало пробуксовывать. Защитники Москвы уже не только вели активную оборону, но и на некоторых рубежах переходили к контрнаступательным действиям. К концу месяца сформированный 17 октября Калининский фронт (командующий генерал-полковник И.С. Конев) заставил противника перейти к обороне в районах Торжка и Калинина.

Одновременно шло формирование 9 резервных армий в составе 59 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, 75 стрелковых и 20 танковых бригад, отдельных частей различных родов войск. Трудовая Москва сформировала пять дивизий народного ополчения, которые заняли оборону на ближних подступах к столице. Всего на западном направлении войска трех советских фронтов насчитывали около 1250 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков и 667 боевых самолетов.

Тем не менее, как показывают архивные документы, силы оборонявшихся продолжали уступать противнику — несмотря на поступление сравнительно крупных резервов. Так, после перегруппировки сил и средств и восполнения потерь оружия, техники и людей немцы превосходили силы Красной Армии на западном направлении по личному составу почти в 2 раза, танкам — в 1,6, по орудиям и минометам в 3 раза. Однако по авиации к тому времени превосходство уже было за нами — в полтора раза. «Для постановки более далеких и решительных целей у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери», — вспоминал впоследствии маршал Г.К. Жуков, осенью 1941-го возглавлявший Западный фронт. Важно отметить, что в конце ноября совет-

ское командование пришло к выводу: в тылу врага больше нет резервных войск.

Так или иначе, поздним вечером 29 ноября Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о контрнаступлении — в интересах не отдаленных, а ближайших задач по снятию угрозы Москве. Суть решения заключалась в том, чтобы ударами правого и левого флангов Западного фронта (которому отводилась главная роль), взаимодействуя с Калининским и Юго-Западным фронтами, нанести удар по основной группировке противника.

Когда завершилась битва за Москву?

Контрнаступление под Москвой началось 5 декабря 1941 года. Именно эта дата узнаваема — она стала памятной и вошла во все календари и учебники истории. В массовом сознании с ней и связана историческая победа под Москвой. Но если подходить со строго исторических позиций, это не совсем так. Вернее, совсем не так. Это было началом успеха. Временные рамки этого сражения гораздо более широкие, нежели мы обычно представляем.

Еще в 1943 году Генштаб Красной Армии под грифом «Секретно» подготовил фундаментальное трехтомное исследование под редакцией маршала Б.М.Шапошникова «Разгром немецких войск под Москвой (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 года — 31 января 1942 года)». Как видим, в подзаголовке четко были указаны сроки операции. Но в более широком военно-историческом контексте битва на стратегическом московском направлении охватывает по времени довольно длительный (по меркам войны) период: с сентября 1941-го по апрель 1942 года.

Декабрьское контрнаступление было обусловлено тем, что в первых числах месяца враг уже выдохся, и для серьезных наступательных действий сил у него не хватало. Но масштабные наступательные бои оказались делом непростым: войскам пришлось учиться наступать буквально на ходу. Ведь ранее такого опыта у них просто не было. По свидетельству маршала И.С.Конев, эти бои многому научили Красную Армию. Они показали стойкость и героизм наших войск, дали богатый опыт командованию и штабам, показали, как нужно бить врага — не числом, а умением. Высокий боевой дух наших войск, их стойкость, воля к победе — все это компенсировало недостатки в вооружении и боевой технике, которые мы тогда испытывали.

Разрушение Кремля не состоялось

В Московской битве до сих пор есть страницы, по разным причинам не известные широкой общественности. Вот одна из них.

29 ноября 1941 года Гитлер объявил, что «война в целом уже выиграна». Победу, то есть окружение и взятие русской столицы, он высочайше «назначил» на 6 декабря. Именно на этот день командование вермахта запланировало «парад победителей» на Красной площади. С немецкой пунктуальностью заранее были заготовлены комплекты парадной (но не зимней) формы, расписаны места на трибунах для почетных гостей и отпечатаны пригласительные билеты на банкет по случаю взятия Москвы. Из фатерланда в ближние тылы

наступающих войск подтянули вагоны с трофейными французскими винами для участников парада и банкета.

Уверенность врага в скорейшем захвате Москвы ярко выразилась и в двух других фактах, которые долгое время не предавались огласке. 30 ноября группа немецких мотоциклистов прорвалась на мост через канал Москва-Волга. Это почти в границы Москвы, вблизи нынешней станции метро «Речной вокзал». А в ночь на 1 декабря произошла дерзкая высадка авиадесанта на Воробьевых горах и в Нескучном саду — в четырех километрах от Кремля! — с фантастической задачей «выкрасть Сталина». И хотя оба вражеских десанта были уничтожены, они подтверждают серьезность угрозы, нависшей в те дни над столицей. Ведь ожесточенные сражения развернулись уже на ближних подступах к ней.

Для понимания же общей обстановки напомним, что к концу ноября на северо-западном участке фронт проходил менее чем в 20 км от тогдашней границы Москвы (от нынешней — всего в десяти). Речь, прежде всего, о поселке Красная Поляна близ станции Лобня Савеловской железной дороги, что в Мытищинском районе Подмосковья.

Одновременно самолеты люфтваффе практически ежедневно бомбили прифронтный город. Но противовоздушная оборона столицы действовала эффективно еще в предместьях, и не один стервятник нашел здесь свой конец. В этой ситуации гитлеровские стратеги попытались сделать ставку на массированные артобстрелы. Причем из Красной Поляны немцы намеревались обстреливать город из дальнобойных орудий. Ведь оттуда до Садового кольца 27,5 км, а до Кремля — 33. Выбор позиции был обусловлен и тем, что Красная Поляна находится на высоте 200 метров над уровнем моря, а Кремль — на целых 40 метров ниже. Вообще волею судьбы этому населенному пункту в хронике битвы за Москву было отведено особое место.

Итак, небольшой поселок Красная Поляна, где до войны было менее 6 тысяч жителей, обрел тогда всемирную известность. Именно там фронт ближе всего подошел к Москве. Тяжелые бои здесь гремели около двух недель. По замыслу гитлеровского командования, захват Красной Поляны был важнейшим звеном генерального плана окружения Москвы. Хроникер 2-й танковой дивизии вермахта зафиксировал 2 декабря: «Из Красной Поляны можно в подзорную трубу наблюдать жизнь русской столицы». Кстати, именно в эту дивизию было завезено парадное обмундирование для победного шествия по Красной площади.

А вот выдержка из письма штабного офицера Альберта Неймгена: «Десять минут назад я вернулся из штаба нашей пехотной дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву. Через несколько часов начнется наступление. Я видел тяжелые пушки, которые к вечеру будут обстреливать Кремль. Я видел полк наших пехотинцев, которые первыми должны пройти по Красной площади. Москва наша, Россия наша. Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы!». Главной целью для немецкой дальнобойной артиллерийской батареи являлся Кремль — сердце древней русской столицы, символ высшей политической и державной власти, символ всенародного сопротивления врагу. Немцы рассчитывали также деморализовать советское руководство, защитников и жителей столицы.

...Дежурный по Моссовету принял необычный телефонный звонок. Срывавшийся женский голос с западной окраины Москвы сообщил, что под Лобней, в Красной Поляне, немцы устанавливают большие пушки для обстрела Москвы. Женщина назвала и ориентир: заброшенное футбольное поле. Дежурный записал эти данные в книгу регистрации телефонных сообщений и незамедлительно переадресовал их военным. Но вот кто позвонил — тогда не выяснили. Да и до того ли было? Мне же в поисковой работе очень помогла информация, полученная в музее Московской городской телефонной сети (МГТС).

...Вскоре после оккупации Красной Поляны немцами местная жительница Евгения Горохова случайно узнала, что они строят здесь позицию для батареи дальнобойных орудий большого калибра — для обстрела Кремля. Женщина поняла все это потому, что до оккупации она преподавала немецкий язык в местной школе.

Однажды хмурым ноябрьским вечером в дом Евгении Владимировны попросилась переночевать москвичка, пробиравшаяся домой. Она была одной из 700 тысяч жителей столицы и Подмосковья, возводивших оборонительные рубежи. Но «ее» участок прорвали немцы. Горохова показала женщине кратчайшую и безопасную дорогу к Москве. И попросила передать коротенькую записку своей родственнице. В записке содержалась просьба сообщить военным, что в Красной Поляне немцы разворачивают в лесу большие дальнобойные орудия, способные вести огонь по Кремлю. Об этом незамедлительно доложили командующему Западным фронтом Г.К. Жукову. Сведения подтвердились.

25 ноября 1941 года около 3 часов ночи командующего 16-й армией генерала К.К. Рокоссовского разбудил телефонный звонок из Ставки Верховного Главнокомандования. Звонил сам Сталин. Суть его ночного звонка была краткой, но очень тревожной: «Товарищ Рокоссовский, — глухим голосом сказал Верховный. — Из Красной Поляны фашисты могут начать обстрел столицы».

Командарм-16 срочно направил к Красной Поляне танко-артиллерийскую группу и приказал нанести по немецкой батарее мощный артиллерийский удар. С наступлением темноты наши танки ворвались в Красную Поляну, захватили много пленных, машин и орудий. Согласно сохранившемуся в архиве донесению, «в Красной Поляне захвачены два 300-миллиметровых орудия, которые предназначались для обстрела города. По заключению специалистов, орудия действительно могли накрыть огнем Кремль. 9 декабря 1941 года гитлеровцы были окончательно выбиты из Красной Поляны и отброшены от Лобни.

Победа под Москвой имела важнейшее военно-политическое и международное значение. В декабре 1941 года в ходе контрнаступления Красной Армии была ликвидирована непосредственная угроза столице страны — Москве. Победа в белоснежных полях Подмосковья развеяла миф о непобедимости германской армии, показала, что самоуверенного врага, захватившего почти всю Европу, можно и нужно бить. Красная Армия вырвала у врага инициативу и создала условия для перехода в общее наступление.

После поражения под русской столицей вермахт был вынужден перейти к стратегической обороне. Это означало провал планов гитлеровского блицкри-

га — молниеносной войны против СССР. Глава британского внешнеполитического ведомства Энтони Иден и сопровождавшие его британские журналисты, посетившие места недавних боев в районе подмосковного города Клин, были поражены количеством уничтоженной и захваченной у врага боевой техники. «Подвиг этот поистине великолепен», — признал сэр Иден. После первой стратегической победы Красной Армии активизировалось сотрудничество со странами антигитлеровской коалиции. Западные союзники осознали, что единственная реальная сила в Европе, способная противостоять германской военной машине, — это Красная Армия.

Ну, а что же стало с другими дальнобойными орудиями, на которые завоеватели возлагали большие надежды не только в военном, но и в политическом плане? Наши части захватили их в деревне Каменка на Рогачевском шоссе — в 20 км восточнее Солнечногорска. А красный камень, предназначенный для немецкой трибуны «парада победителей», пошел на отделку фундаментов двух зданий на улице Горького (ныне Тверская).

Бутылки же с отборными винами, заготовленные для «парада победителей», достались, образно говоря, русскому «генералу Морозу». При низкой температуре они полопались. Как лопнул и сам план обстрела Кремля и последующего захвата и уничтожения Белокаменной.

О ПАМЯТНИКЕ МАРШАЛУ К.К. РОКОССОВСКОМУ В МОСКВЕ

Это имя — особо уважаемо и любимо солдатами Великой Отечественной войны, с ним связаны победы под Москвой, Сталинградом, Курском, освобождение Белоруссии, Польши, взятие Берлина.

24 июня 1945 года в Москве на Красной площади К.К. Рокоссовский командовал Парадом Победы.

21 декабря исполняется 115 лет со дня его рождения.

Общественность Москвы многие годы вынашивала идею создания достойного памятника выдающемуся полководцу. Народный художник России, талантливый скульптор Владимир Суровцев создал памятник командующему Парадом Победы в качестве дара городу Москве.

Большую часть финансовых вопросов авторский коллектив уже решил. Скульптура отлита в бронзе на средства авторов. Однако для завершения работы по установке памятника требуются дополнительные усилия и материальная помощь со стороны военно-патриотических и общественных организаций, спонсоров. Необходимую миссию сбора финансовых средств для осуществления проекта по установке памятника К.К. Рокоссовскому в городе Москве ведет продюсерский центр A PROduction (ООО «А ПРОдакшн»).

Практически все инстанции, к которым Фонд обратился с письмами в апреле с. г., поддержали проект. Сценарий открытия и нужные организационные меры члены Фонда готовы разработать вместе со всеми заинтересованными организациями и ведомствами: Мэрией Москвы, Советом ветеранов Москвы, Министерством обороны РФ, Министерством культуры РФ, МИД РФ и другими.

*Пресс-секретарь Фонда памяти полководцев Победы
Александр Урбан*

P.S. Кстати вспомнить: 25 марта 1965 года, т.е. через два десятилетия после битвы за Москву, ее участники — Маршалы Советского Союза И.Конеv, К.Рокоссовский, В.Соколовский на страницах депутатского блокнота написали представление Москвы к званию Города-героя и направили его в Президиум ЦК КПСС.

Москва это заслуженное звание получила...

Владимир КАРЯКИН

**КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ
И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА:
КРИТЕРИИ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ**

Статья посвящена генезису постнеклассической геополитики — новому этапу развития политологии, изложенной в контексте идей В.С. Степина, разработавшего концепцию данного научного направления применительно к методологии научного познания.

Мировое сообщество в условиях нарастания многочисленных угроз и вызовов вступает в эпоху перманентного кризиса. Реальности современного мира выдвигают актуальные задачи разработки новых парадигм, форм и методов исследования процессов трансформации мирового сообщества. В этих условиях современная геополитика призвана заниматься исследованием процессов международной интеграции и дезинтеграции, разработки механизмов укрепления региональной безопасности и сотрудничества в условиях обострения демографических, конфессиональных, экологических и социальных проблем.

Новые реалии обозначили потребность в критическом переосмыслении базовых постулатов классической геополитики и необходимости «инвентаризации» всего комплекса геополитических знаний, приведения их в соответствие с требованиями времени.

Как было отмечено В.С. Степиным в его пионерской работе, посвященной постнеклассическому подходу к методологии научного познания¹, главной причиной, положившей начало рождению этого подхода, явилось осознание непригодности рассмотрения сложных систем, функционирующих в непредсказуемой внешней среде, с точки зрения их детерминированности и линейности. Потребовалось более двадцати лет, чтобы в политологическом сообществе начали осознавать необходимость изменения подхода к исследованию социальных процессов. Свидетельством тому является выступление С. Караганова в Российской газете², который отмечает, что «беспрецедентные по скорости и масштабам в истории человечества изменения в социальных, политических областях существования народов, развертывание очередного тура

¹ Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии, № 10, 1989. С. 3–18.

² Караганов С. Мир: углубление хаоса // Российская газета, № 5571 (195). 07.09.2011.

борьбы за ресурсы и переформатирование политической карты регионов Ближнего Востока и Северной Африки на фоне распада старой системы институтов международного управления и продолжающаяся глобализация экономики и информационной среды породили нарастание «интеллектуального вакуума», что выразилось в неспособности понять и проанализировать мир в рамках старых теорий».

Политические реалии поставили на повестку дня научных исследований вопрос о том, чтобы социально-политические и экономические системы начали рассматриваться как саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, как иерархические и сетевые по своей структуре, нелинейные и открытые для воздействия со стороны внешней среды, подверженной воздействию стихии социального хаоса.

Принятие постнеклассического подхода в геополитике определяет генеральное направление ее развития: рассмотрение социальных систем как сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. Альтернативы данному направлению в настоящее время не существует. Политологи оказались в ситуации, когда они осознали ограниченность возможностей традиционных методов исследования социальных и международных процессов, основанных на детерминизме и рациональности.

Перед геополитикой со всей остротой встала проблема охвата общественных процессов во всем их многообразии, решение которых возможно только в опоре на идеи синергетики, нелинейности и открытости сложных общественных и международных систем. Это позволяет сформулировать новый тип рациональности, позволяющей осмыслить характер и тенденции развития современных политических пространств, в которых все большее значение приобретают информационно-сетевые политические технологии.

Применение постнеклассической методологии при анализе геополитических пространств и их эволюции в динамике сотрудничества и противоборства старых и новых форм существования социальных систем «даст новые коммуникативные стратегии познающему субъекту, определяя то существенное обстоятельство, что целостность в постнеклассической парадигме представляется как открытое, системное и динамическое единство в многообразии выражающих его сторон»³. Общественные субъекты (будь то индивидуумы или политические структуры) выступают в рамках данного подхода как элементы социума, в котором в результате многочисленных проб, ошибок, случайных блужданий и волевых решений акторов политического процесса достигается результирующее направление траектории эволюции социальной системы.

При этом следует отметить, что постнеклассика не отрицает классику и неклассику геополитики. Обозначив свою роль при формировании нового направления, она оставляет классическому и неклассическому подходам их место на более низких уровнях социальной системы. Постнеклассика формирует такой подход к исследованию социальных процессов и явлений, который подразумевает органическое единство субъекта и объекта исследования,

³ Постнеклассика: философия, наука, культура / Коллективная монография. Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Миръ». 2007. С. 9–10.

порядка и хаоса внешней и внутренней среды социальной системы, детерминизма и нелинейности в их эволюции^{4, 5}. Так же, как и классическая геополитика, постнеклассическое ее продолжение занимается исследованием социальных и политических структур, рассматривая их как динамические объекты, эволюционирующие во времени в условиях социального хаоса, присутствующего в значительной степени на нижних иерархических уровнях построения этих систем.

В этой связи для прослеживания генезиса постнеклассики представляется полезным краткое рассмотрение в ретроспективном плане развития геополитической мысли, начиная с ее зарождения и до наших дней, в котором мы можем выделить три значимых этапа.

Первый этап — зарождение классической геополитики. Рождение геополитики как научного направления обозначилось в те времена, когда были разработаны основные научные концепции влияния пространственных географических факторов на политические процессы. При этом, как отмечает Р.Т. Мухаев, развитие классической геополитики проходило в процессе чередования следующих фаз⁶.

Первую фазу можно обозначить как *протогеополитику*, которая вела отсчет от ранних этапов развития человеческого общества вплоть до первой промышленной революции и была основана на географическом фатализме.

Вторая фаза представляла собой *конфронтационный тип геополитики*. Она охватывает период времени от первой промышленной революции до начала обострения глобальных проблем, создающих угрозу существования человечества.

Третья фаза — это *неконфронтационный тип геополитики*, который характеризуется как время понимания того, что народы и их правительства должны переходить от конфронтации к сотрудничеству.

При этом основополагающим принципом всех вышеперечисленных фаз развития геополитической мысли был принцип географического детерминизма — идея обусловленности жизни людей и обществ характеристиками географических пространств.

Основоположником классической геополитики как научной дисциплины считается немецкий этнограф и географ Ф. Ратцель, главная заслуга которого состояла в том, что он научно обосновал связь политики и географии, что позволило рассматривать политику того или иного государства, исходя из занимаемого им географического положения.

Идеи Ф. Ратцеля были развиты шведским географом и политиком Р. Челленом. Ему принадлежит заслуга введения в научный оборот термина «геополитика». Кроме того, он разработал концепцию великих держав, которые, по его мнению, должны быть главным предметом геополитики, поскольку именно они являются самыми активными игроками на международной арене.

⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека и природы / Пер. с англ. Изд. 6-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 296 с.

⁵ Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании // ИФ РАН. М.: 2007, Гл. 2.

⁶ Мухаев Р.Т. Геополитика. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 103–105.

Второй этап развития геополитической мысли — это геополитика взаимодействия. Его начало относится ко второй половине XX века. В это время содержание, границы предметного поля и методы исследования в геополитике трансформировались под влиянием новых международных реалий. Начавшаяся эпоха глобализации на фоне развития информационных и политических технологий стала определяющим фактором развития международных отношений и социальных систем. Как отмечает Р.Т. Мухаев⁷, растущая взаимосвязь государств в условиях глобализации изменила характер геополитических процессов и подходы к их исследованию. Акцент исследований обозначился не столько на различиях государств и конфликтах между ними, сколько на их взаимодействии при отражении глобальных угроз (международный терроризм, наркотрафик, техногенные, природные и экологические катастрофы).

Однако декларации западных стран о демократизации международных отношений не проявились в их политике и не способствовали установлению справедливого и демократического мирового порядка. Напротив, количество региональных и локальных конфликтов значительно возросло после распада СССР и Варшавского договора. Это говорит о том, что природа международных отношений не изменилась. Она по-прежнему сохранила экспансионистский и гегемонистский характер со стороны великих держав. Изменились только методы и формы борьбы за сферы военно-политического и экономического влияния и ресурсы. Изменились также механизмы установления контроля над пространством. Стали широко применяться технологии реформирования сознания, культурной и национальной идентификации целых народов. Наряду с военной экспансией, основанной на современных военных технологиях ведения дистанционных, бесконтактных войн, стали применяться такие формы агрессии, как гуманитарные интервенции, информационные войны и политические технологии разрушения государственности.

Эти процессы обусловили появление следующего этапа развития геополитической мысли — неклассической геополитики, наиболее яркими представителями которой являются И. Галтунг, Ж. Аттали, К. Санторо, Дж. Кеннан, У. Росту, С. Коэн, З. Бжезинский, Ф. Фукуяма и С. Хаттингтон.

По мере изучения процессов развития общественно-экономических формаций выявились новые факторы, которые были выявлены Н.Д. Кондратьевым и сформулированы в его теории больших циклов, основанной на экономических тенденциях и динамике общественного развития⁸. Идеи Кондратьева положили начало появлению геополитической динамики, концепцию которой выдвинули П. Кеннеди и Р. Коллинз на основе анализа фаз подъема и упадка крупных государств и империй мира⁹. Здесь следует отметить таких ярких представителей этого направления, как Дж. Модельски, У. Томпсон, П. Тейлор, И. Валлерстайн и А.Н. Гумилёв.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры. Избр. соч. М.: 1993. — С. 203–205.

⁹ Кеннеди П. Подъем и упадок великих держав. Коллинз Р. Предсказания в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. 2000. Вып. 1. Collins R. Conflict Sociology. N.Y.: Academic Press, 1974. Collins R. The Sociology of Philosophies. A Global Theory of Intellectual Change. Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1998. Collins R. Weberian Sociological Theory. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.

Основной парадигмой геополитической динамики является понятие «цикла восхождения — расцвета — упадка мировых держав», которые в период наибольшего могущества играют роль гегемона, перераспределяющего мировые ресурсы в свою пользу и в пользу своих саттелитов под лозунгом поддержания ответственности за международную безопасность и сохранения своей концепции мирового порядка. Однако чрезмерное расширение сферы своего влияния приводит к перенапряжению сил и упадку гегемона с последующим вытеснением его с мирового олимпа¹⁰.

Развивая эту идею, американские политологи Дж. Модельски и У. Томпсон выдвинули концепцию длинных мировых политических циклов, которые они называли «циклами лидерства»¹¹. По их мнению, смена циклов лидерства трансформирует структуру мирового порядка, способствуя выдвижению новых великих держав на мировом и региональном уровнях.

Значительный шаг в развитии геополитической динамики сделал британский географ П. Тейлор, который сформулировал положение о цикличности в мировой геополитике¹². Гегемония современных великих держав, по его мнению, опирается на экономику, политику и идеологию, выражающихся в установлении монополии в технологической, торговой и финансовой сферах. При этом военная сила играет вспомогательную роль и является инструментом реализации задач, стоящих перед государством в экономической и геополитической областях, которые не могут быть решены иными, несиловыми способами.

Современные государства-гегемоны, по утверждению Тейлора, завоевывают доминирующее положение на международной арене, прежде всего, путем поддержания подавляющего превосходства в экономике и идеологии на уровне, который обеспечивал бы их лидерство.

При этом в качестве «ударной силы», разрушающей устой государства-жертвы, являются либеральные идеи, которые положительно воспринимаются общественным сознанием во всем мире и которые играют роль «троянского коня» при проникновении государства-агрессора в недра социальной структуры государства-жертвы. Однако лидерство государства-гегемона на международной арене, тем не менее, невечно. Достигнув наибольшего влияния, такое государство попадает в фазу стагнации, характеризующуюся кризисными явлениями в финансовой сфере, торговле, идеологии и промышленном производстве. Это создает условия для начала переходного периода, во время которого зарождается новый мировой порядок¹³. Описанный им процесс трансформации политических пространств Тейлор назвал «геополитической динамикой в смене мировых порядков»¹⁴.

Таким образом, он впервые взглянул на геополитические проблемы незащищенным взглядом ученого, занимающегося реальными проблемами, решение которых позволяло объективно оценивать геополитическую обстановку и

¹⁰ Там же.

¹¹ Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика // Вопросы экономики, № 10, 1992. С. 52.

¹² Taylor P.J. Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality. London, Longman, 1993.

¹³ Taylor P.J. Political Geography of the Twentieth Century. London, Belhaven, 1993.

¹⁴ Там же.

служить основой для принятия решений руководством страны¹⁵. Здесь следует отметить, что автором данной работы была предпринята попытка современной реконструкции геополитической динамики Р. Коллинза^{16, 17}.

Подводя итог развития классического и неклассического этапов развития геополитики, отметим, что, несмотря на то, что каждая геополитическая концепция является оригинальной и неповторимой в своей целостности, в эволюции геополитической мысли можно выделить общие парадигмы, определяющие постановку проблем и акценты исследований. К таким общим парадигмам классической и неклассической геополитики правомерно отнести, по крайней мере, две из них: экспансионистскую и военно-экономическую. Обе эти парадигмы обнаруживаются на любом этапе развития геополитики, где каждая из них поочередно, принимая разные формы, играла доминирующую роль.

Однако период неклассической геополитики, исследующей эволюции великих держав от их зарождения до упадка, продолжался недолго. В начале XXI века стало очевидно, что циклическому развитию подвержены не только великие державы, но и вся мировая система, охваченная процессами глобализации и информатизации. Это актуализировало ряд проблем, решение которых потребовало принципиально новых подходов:

- трансформация регионов Ближнего Востока и Северной Африки, принявшая взрывной характер социального протеста народных масс;

- использование телекоммуникационных и социальных сетей, СМИ для создания условий и реализации разного рода «цветных революций» на постсоветском пространстве и в арабском мире;

- растущая роль в международной политике новых центров силы, считающих, что их роль занижена в международных делах (Китай, Индия, Иран, Бразилия, страны Юго-Восточной Азии);

- деградация механизма предотвращения распространения оружия массового поражения в связи с очевидной уязвимостью стран, открыто претендующих на самостоятельную роль в мировой политике. Более того, ни одна страна, проводящая самостоятельную внеблоковую политику, не может рассчитывать на защиту от агрессора, опираясь только на международное право;

- появление на международной арене политических союзов, меняющих геополитический ландшафт мира в условиях формирования глобальной многополярности (ШОС, БРИКС, АТЭС), а также многочисленных внегосударственных наднациональных и трансграничных организаций и корпораций, набирающих политический вес в мировой политике;

- поиск своего места в мире и своей роли на международной арене вновь образовавшимися государствами на постсоветском пространстве и в зонах бывшего влияния СССР;

¹⁵ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 209.

¹⁶ Карякин В. Геополитическая динамика Р. Коллинза и современность // Свободная мысль, № 1(1608), 2010. С. 163–172.

¹⁷ Карякин В.В. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. Монография. М.: ИГ «Граница», 2010. 352 с.

— активная политика НАТО по реализации своих глобальных амбиций, выразившаяся в продвижении альянса на Восток;

— соперничество великих держав за обладание «советским наследством», а также борьба в международном правовом поле за ресурсы Арктики.

Первым, кто откликнулся на вызовы современности, был Т. Парсонс, который, развивая идеи К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето и используя идеи кибернетики и системного анализа, предложил картину социальной реальности как сложной саморегулирующейся и саморазвивающейся системы¹⁸.

Важным аспектом его теории было представление об открытости социальных систем и их воспроизводстве благодаря кодам социальной идентификации, учитывающим обратное влияние результатов деятельности на их состояние и целостность. В своей работе он впервые обозначил переход от неклассики к постнеклассике в социологии утверждением того, что саморазвивающимся системам присуще такое взаимодействие подсистем на всех уровнях организации, которое порождает новую целостность системы, новые параметры порядка, новые прямые и обратные связи.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет свою открытость, выражающуюся в свободном обмене идеями, товарами и услугами, а также информацией с внешним миром. Но характер этой открытости меняется вместе с изменениями во внешней и внутренней средах системы. Это происходит в областях бифуркаций, где прежняя организованность нарушается, рвутся старые связи в системе, рождаются новые и она вступает в полосу динамического хаоса, в условиях которого идет поиск новых путей ее развития.

На этапе формирования области бифуркации появляется спектр возможных направлений развития системы — совокупность аттракторов. При этом эволюция по одним аттракторам ведет к упрощению системы, ее разрушению и гибели. Но возможна и дальнейшая самоорганизация системы с сохранением ее целостности. Какой из сценариев эволюции системы будет реализован, зависит от множества различных взаимодействий как внутри системы, так и с внешней средой. В этих условиях люди своими действиями или бездействиями создают условия, порождающие аттракторы, наиболее сильные из которых втягивают систему в определенное русло развития. В этом смысле можно утверждать, что социальные и политические процессы конструируются деятельностью политических лидеров и социальных групп, ведущих за собой народные массы.

Постнеклассическую геополитику можно со всей определенностью отнести к новой области научного знания, позволяющей исследовать широкий круг динамических взаимодействий в социально-политической и экономической сферах общества, при комплексном взаимодействии многочисленных факторов. Это тем более ценно, что политические процессы развиваются, как правило, по нескольким направлениям и включают в себя субпроцессы на более низких уровнях организации социальной системы, действующих зачастую разнонаправленно. Отдельные факторы геополитической обстановки могут

¹⁸ Parsons T. Action Theory and the Human Condition. N.Y. 1978. PP. 362, 374.

находиться как в согласии, так и в противоречии друг с другом. Это приводит к сочетанию поступательного характера развития политического процесса с изменчивостью, принимающей зачастую характер случайных блужданий участников политического процесса.

Относительно таких фундаментальных положений постнеклассической геополитики, как объект и предмет исследования, то они сохраняются в неизменном виде. Поэтому мы можем воспользоваться формулировками, приведенными в работе¹⁹, в которой объектом исследования является «планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе, как в системе». Предметом постнеклассической геополитики являются «все вовлеченные в этот процесс стороны, их свойства и отношения, которые в данных исторических условиях подлежат исследованию. Иными словами, предмет геополитики — это взаимоотношения между субъектами международных отношений при решении ими мировых и региональных проблем». Естественно, что предмет исследования постнеклассической геополитики не может, да и не должен охватывать все многообразие факторов, имеющих в объекте исследования. В его зону ответственности необходимо включить исследование процессов взаимодействия, взаимозависимости и противоборства всех значимых факторов динамики геополитической обстановки, определяющих траекторию эволюции социальной системы.

Что касается функций постнеклассической геополитики, то здесь необходимо отметить то обстоятельство, что их выделение представляет определенную сложность, что характерно для гуманитарных наук, так как они в реальной жизни не могут быть представлены в чистом виде.

Тем не менее, можно со всей определенностью подразделить функции постнеклассической геополитики на гносеологическую, которую реализует академическая ветвь этой области научного знания, прогностическую, предназначенную для анализа и прогнозирования военно-политической, экономической, демографической и этно-конфессиональной обстановки, и управленческую в интересах политического руководства страны.

Главной задачей академической ветви постнеклассической геополитики является выявление и изучение причинно-следственных связей между различными факторами развития геополитической обстановки до определенного горизонта прогноза. Целью таких исследований является формулировка общих закономерностей и выявление устойчивых тенденций в развитии международной обстановки на заданную перспективу, источников и движущих сил гегемонии и лидерства отдельных держав, причин возникновения разного рода конфликтов.

Наряду с этим, важную роль играет прогностическая функция постнеклассической геополитики, которая связана с изучением тенденций и характера политического развития стран и регионов на основе эмпирических исследований, дающих обоснованные знания о международной и внутристрановой обстановке, что лежит в основе понимания глобальных и региональных политических тенденций и процессов. Как отмечают Нартов²⁰, исследователь

¹⁹ Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. 4-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Единство, 2007. С.18.

²⁰ Там же. С. 38–39.

имеет дело с объективной и субъективной информацией. К первой группе относятся данные официальной статистики, сведения о протекающих в стране и регионе процессах; ко второй группе относятся публикации о мотивах и намерениях, целях деятельности различных субъектов мировой и региональной политики. Ценность субъективной информации очень велика, так как она раскрывает личностные качества политических акторов, позволяет сделать оценку субъективно-психологической стороны геополитических процессов, позволяет оценить степень адекватности отражения объективных тенденций развития политической и социальной обстановки в сознании лидеров государств, политических движений и этнических групп, принимающих участие в политических процессах стран и регионов.

Ценность прогностической функции состоит в том, что она позволяет достаточно адекватно отразить тенденции основных геополитических процессов, призванных стать базой для оценки геополитической обстановки и принятия политических решений. В этом плане большую важность имеет организация мониторинга геополитической обстановки в масштабе времени, близком к реальному.

Управленческая функция постнеклассической геополитики вытекает из первых двух и проявляется в том, что ее прикладная часть непосредственно используется при разработке политических решений и формировании политики руководством страны на определенную перспективу.

В заключение отметим, что постнеклассика, рассматривая политические процессы в их основных проявлениях, исследует эволюцию социальных систем и определяет широкий спектр альтернативных путей их развития. Тотальность влияния постнеклассики, как методологической установки, позволяет использовать ее в качестве базовой исследовательской парадигмы, адекватно отражающей на современном этапе развития политических наук весь спектр факторов и тенденций развития.

Как справедливо отмечают Л.П. Киященко и В.С. Степин, «постнеклассика возникла на новом витке исторического движения познания, структурно сопрягая все то, что было достигнуто на предыдущих этапах, обозначенных как классика и неклассика, и дополняя их соответственно качественно новой атрибутикой научного концептуального аппарата»²¹.

²¹ Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография. Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. СПб.: Издательский дом «Миръ». 2007. С. 9–10.

Игорь КЛЮКАНОВ (США)

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

Замедляя шаг

В последнее время все чаще говорят о так называемой «коммуникативной революции», причем данное обозначение применяют и к коммуникации как явлению, и к ее теоретическому осмыслению. Прежде всего, речь идет о тех сторонах жизни, которые претерпевают преобразования благодаря новым информационным технологиям и техническим изобретениям. Чаще всего о коммуникативной революции, разумеется, говорят в связи с Интернетом. Действительно, мир все больше и больше напоминает «глобальную деревню», которая основана на электронных коммуникативных потоках. По мнению Дж. Гербнера, если бы Маркс жил сегодня, он озаглавил бы свой основной труд не «Капитал», а «Коммуникации».

Похожую картину мы наблюдаем и в области теоретического осмысления коммуникации. В последние десятилетия работы (особенно социальной и гуманитарной направленности) все чаще ориентируются на коммуникационный подход, в рамках которого выдвигаются и активно обсуждаются идеи о природе и функциях коммуникации. Считают, например, что «теория коммуникации Ю. Хабермаса совершила «коммуникативную революцию», обновила представления о самой коммуникации и коммуникативной деятельности»¹. Отмечают, что социальные науки «идут к коперниковой революции, которая сведется к интерпретации общества в целом через использование теории коммуникации»².

Таким образом, можно говорить об определенном изоморфизме обыденного и научного мышления, который проявляется в жажде новизны и надежде на то, что новые («революционные») гаджеты и идеи разрешат, наконец, все проблемы, и мы найдем ответ на вопрос, что такое коммуникация и как она может осуществляться наиболее эффективно. Значимость коммуникации стала острее осознаваться, вероятно, и по причине многочисленных сбоев в общении. XX век — век кровавый, и потому сегодня особенно хочется надеяться, что коммуникация положит конец всем межличностным,

* Статья представлена редакцией журнала АН РФ «Философия и культура».

¹ Фарман И. П. Коммуникативная парадигма в социальном познании // Наука глазами гуманитария. М., 2005. С. 257.

² Василик М. А. Основы теории коммуникации. М., 2006. С. 12.

социальным и глобальным проблемам. Именно в жажде новизны и в уповании на нее и заключаются, как представляется, обыденные разговоры и научные работы, предметом которых является «коммуникативная революция».

Легко заметить, что в таком смысле революцией — и онтологически, и эпистемологически — считается скачок в движении (развития объекта или мысли о нем). Революционный дух стремится совершить переворот, создать что-то новое как можно быстрее; революционный лозунг — это «время — вперед!». При таком подходе кажется, что нет связи с прошлым и нет плавного, постепенного движения; не случайно одним из основных положений Т. Куна о природе научных революций является тезис о несоизмеримости парадигм.

При революционном подходе нам не хватает терпения смотреть назад — как можно дальше и дольше, поскольку мы хотим мгновенного решения любого вопроса. Оказывается, что мы часто принимаем следствие за причину, но это результат не сознательной деконструкции, а простого неведения. Как практическая мера такой подход может быть оправдан, но по большому счету подобное бегство от истории приводит к «одомашниванию» великих мыслителей: Маркс становится кинокритиком, Фрейд — интерпретатором текстов, а Гегель — философом искусства. Между тем, саму историю можно рассматривать как историю коммуникации. Соответственно, история осмысления коммуникации представляется чрезвычайно важной сферой научного анализа, притом, что конкретные исследования в этой области остаются немногочисленными. Как можно осмыслить предмет своего исследования, не зная его истории, «не помня родства»?

Тем не менее, изменив масштаб наблюдения и приблизившись (как к объекту, так и к собственной мысли), можно посмотреть на любое движение как на непрерывный процесс, т. е. увидеть связ(ан)ность различных «точек-революций». Любое понятие, по словам Х.-Л. Борхеса, создает своих предков. Подобный взгляд предполагает более значимую дистанцию между наблюдателем и наблюдаемым, требует большей продолжительности времени.

Революцией считается особо значимое изменение чего-либо, но изменение не может быть незначимым, так как оно предполагает что-то отличное от того, что было до этого. Согласно известному определению Г. Бейтсона, значимая информация — это различие, которое создает различие. Значение может быть более (особо) или менее значимым, однако это уже вопрос степени, т. е. свидетельство постепенности процесса. В этой связи становится понятным, почему тезис Т. Куна о несоизмеримости научных парадигм подвергается критике со стороны представителей эволюционной эпистемологии. Отмечают, что за любым разрывом постепенности на более глубоком уровне скрывается основополагающая непрерывность. Т. Кун, кстати, сам говорит о нескольких стадиях, т.е., по сути, о постепенных шагах, которые ведут к «неожиданному» возникновению новой парадигмы, когда «вдруг» происходит смена гештальта.

Эволюционный подход представляет иной взгляд на изменение, рассматривая его как (более) плавный процесс развития; эволюционный лозунг — это «время — назад в будущее!». При таком подходе, однако, может показаться, что движение — исключительно непрерывный процесс. Между тем, отда-

лившись (как от объекта, так и от собственной мысли), можно посмотреть на любой связный процесс как на серию «точек-революций» разной значимости, т. е. увидеть его прерывность.

Различие между революцией и эволюцией является относительным; в основе такой относительности лежит взгляд, который обращается на тот или иной процесс развития. Можно сказать так: «чтобы понять революцию... надо свести ее к эволюции»³; а можно сказать наоборот: «чтобы понять эволюцию, надо свести ее к революции»⁴. Таким образом, любое движение-изменение следует рассматривать как процесс прерывности-в-непрерывности (или наоборот). Все дело в масштабе взгляда, т. е. в шаге назад или вперед: чем быстрее подгоняют время, тем настоятельнее необходимость сделать шаг назад и посмотреть на процесс с эволюционной точки зрения. Точка, с которой осуществляется взгляд, совмещает в себе пространство и время, поскольку расстояние, с которого мы смотрим на что-то, предполагает прошествие времени. В этом плане революционный взгляд — короче-быстрее, а эволюционный — дольше-медленнее.

Как было сказано выше, дискурс о коммуникации — и обыденный, и научный — носит сегодня преимущественно революционный характер. Показательно, что в эпистемологическом плане идеи Т. Куна, выдвинутые им применительно к наукам физической и естественной направленности, стали особенно популярны среди ученых в сфере социальных и гуманитарных наук. По-видимому, из-за слишком широкого значения термина «парадигма», а может быть, в силу привлекательности данных идей (и определенной доли тщеславия), многие представители этих наук хотят быть революционерами, т. е. бороться с ретроgrадами и реализовывать (как можно скорее, желательно — в каждой своей публикации) радикально новые идеи.

О революционном духе эпистемологической мысли сегодня свидетельствуют многочисленные «повороты», провозглашаемые в различных исследованиях коммуникации, например, «поворот в сторону социальной эпистемологии», «постмодернистский поворот», «интерпретативный поворот», «критический поворот», «культурный поворот», «рефлексивный поворот», «лингвистический поворот», «дискурсивный поворот» и «натуралистский поворот». Ученые говорят о многочисленных поворотах «с самыми разными эпитетами: лингвистический, дискурсивный, иконический, визуальный, перцептивный и пр.» — притом, что «революционные открытия» часто ограничиваются рамками одного поколения, о чем можно судить по ссылкам в конце научных публикаций. Все легче становится выдвигать идеи, как бы подтверждая правильность древнего выражения «*Pereant qui ante nos nostra dixerunt*»⁵.

При таком осмыслении коммуникации картина становится фрагментарной, а сама научная мысль предстает мятущейся и нервной. О подобной невозможности говорят и сами ученые. Так, еще 25 лет назад у исследователей возникало ощущение «методологической шизофрении», существующей в рамках коммуникативной науки. Сегодня один из ведущих представителей этой

³ Маркова Л.А. Место субъекта в научном исследовании // Грани познания: Наука, философия, культура в XXI веке. Кн. 1. М., 2007. С. 103.

⁴ Там же.

⁵ «Пусть погибнут те, кто раньше нас высказал наши мысли».

науки признает, что, несмотря на свое бурное развитие за последние 30 лет, она страдает от «эпистемологической эрозии». Показательно, что одной из основных причин подобной эрозии ученый считает близость коммуникации (как предмета изучения) к тем, кто ее исследует. Такая близость (вернее — слияние) приводит к тому, что каждый может провозгласить себя «экспертом», поскольку все мы, например, смотрим телевизор и можем претендовать на более или менее научные высказывания о коммуникации.

Необходимо вспомнить, что коммуникация и наше теоретическое ее осмысление не столько преобразуются (в результате революционных скачков), сколько образуются (в процессе постепенного развития). Иными словами, необходимо вспомнить, что коммуникация, а также ее теоретическое осмысление — это эволюционный процесс. Следует иметь в виду, что «эволюция мерит свое время крупно — периодами, эпохами, у нее спокойная, величественная поступь; если воспользоваться излюбленным образом древнеиндийского искусства, у эволюции грациозная походка, как у слона (в Индии это большая похвала); у истории другой, более дробный и частный ритм, у истории нервная поступь; современные (неглубокие) «историки истории» меряют ее бесконечными «переворотами» и «революциями», между которыми они оставляют место для «парадигм»... Эволюция ведет к великой цели, не к очередной «революции», а к какой-то «удаче эволюции»⁶.

Своеобразный эпистемологический парадокс заключается в том, что не-удачность (неуспех) осмысления коммуникации можно объяснить именно революционными метаниями и бесконечными переворотами научной мысли. В связи с тем, что растут объемы информации и ускоряются темпы ее обработки, все короче становится наша культурная память. Мы становимся все более нетерпеливыми и хотим «все сразу»; отсюда — наше стремление к ответам, а не вопросам. Мы не хотим тратить время на то, чтобы вести диалог в духе Сократа и Платона. Знаменитая «*docta ignorantia*»⁷ — сегодня не более, чем причудливый философский артефакт. Мы боремся с предрассудками других людей, признание же своих — занятие трудоемкое и опасное.

Вследствие своего насильственного характера (насилия над плавным, эволюционным развитием) революция подгоняет время и часто кажется быстрым ответом на тот или иной вопрос. На самом деле к тем же вопросам приходится обращаться снова (этимология слова напоминает нам, что революция — это процесс «сворачивания»): приходится решать те же вопросы постепенно — диалектически, герменевтически, критически, вынося на обсуждение не только чужие, но и свои предрассудки. Может быть, надо замедлить шаг, т. е. и общаться и, тем более, осмыслять общение медленнее? Может быть, надо задавать более осмысленные вопросы и отвечать на них постепенно, по-степенно?

Именно в результате такого неспешного подхода мы, возможно, будем успешнее двигаться вперед. (Можно заметить в скобках, что научные степени, которые — по крайней мере, номинально — отличают «ученых» от «неученых», свидетельствуют именно о преемственности идей, о том, что

⁶ Степанов Ю.С. Протей. Очерки хаотической эволюции. М., 2005. С. 49.

⁷ Умудренное неведение (лат.).

все — «вопрос степени».)

В результате эволюционного развития на основании того, что есть, возникает нечто новое, о чем также напоминает этимология данного слова (эволюция — это открытие, «разворачивание» чего-либо). С эволюционной точки зрения, коммуникативные события как бы просто происходят. Настоящие научные открытия кажутся такими же естественными, как душевная беседа с попутчиком в поезде или успешные деловые переговоры. Их отличает то, что в их основе — всегда вопрос и что они всегда оказываются не такими, как мы предполагали. В процессе революции стремятся к какому-то результату; революцию в этом смысле провозглашают, делают, осуществляют, совершают и т. д. Эволюцию нельзя сделать, осуществить; в ней можно лишь соучаствовать, т. е. быть ее частью. Результат эволюции нельзя предсказать, так как он постепенно образуется, высказывается в процессе раскрытия значения. В этом смысле ответ находится вроде бы сам по себе, и нам остается лишь радостно удивляться: «Вот как все, оказывается, просто и естественно! Вот как все удачно получилось! Как же мы этого раньше не замечали?!» Тем не менее, в силу причин, о которых шла речь выше, не принято говорить, например: «Какое поистине эволюционное исследование!» Представляется, однако, что именно такое оценочное суждение должно быть высшим комплиментом научной работе, поскольку в ней объект раскрывается.

Таким образом, провозглашение «коммуникативной революции» в XX веке не должно означать, что до этого коммуникации (как и ее осмысления) не существовало. Кажется, тем не менее, что, в отличие от известного мольеровского героя, многие не хотят (с удивлением) признать, что и раньше коммуникация и научная мысль о ней имели место (и время) быть.

Когда говорят о коммуникативной революции, на первый план выдвигают активные преобразования и призывы к новому (пере)устройству дел, поскольку ситуация является «критической». Между тем, критическая стадия коммуникации вырастает из предыдущих стадий ее развития, и по-настоящему критический подход (как к коммуникации, так и к ее исследованию) должен быть основан не столько на революционных призывах к активному вмешательству в положение дел, сколько на умении задавать вопросы и на идеях пассивности в духе стоиков, что предполагает умение слушать и сострадать, воспринимать и уважать тот человеческий и природный материал, который составляет суть коммуникации. Слова Ю.М. Лотмана о культуре полностью относятся и к исследованию коммуникации: «Переход от мышления, ориентированного на взрывы, к эволюционному сознанию приобретает сейчас особое значение»⁸.

Проблема/тика коммуникативистики

Определение основных терминов

Формирование той или иной предметной области (например, науки о коммуникации) предполагает существование определенной терминологии. Одна-

⁸ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 265.

ко, несмотря на длительную и сложную историю подобного теоретического осмысления в отечественной традиции, мы сталкиваемся с трудностями уже при определении основных понятий.

Ситуация осложняется существованием в русском языке двух терминов — «общение» и «коммуникация», притом, что их значения, как правило, либо отождествляются, либо разделяются. Иногда можно встретить словосочетание «коммуникативное общение», под которым понимается «процесс при-обретения знаний путем интерпретации информационных сообщений»⁹. Для некоторых ученых «термины «общение» и «коммуникация» являются в принципе синонимичными. Использование разных терминов продиктовано соображениями скорее стилистическими, нежели содержательными»¹⁰. Когда же между этими терминами проводится различие, то, как правило, общение считается практически-материальным и духовным процессом, высшей человеческой ценностью, тогда как коммуникация предстает в виде чисто информационной передачи сообщений. Соответственно, термин «общение» часто имеет более положительные, а «коммуникация» — отрицательные коннотации. Так, отмечают, что термин «коммуникация» «используется для обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира... а также передачи и обмена информацией в обществе с целью воздействия на социальные процессы», тогда как «общение» «рассматривается как межличностное взаимодействие людей при обмене информацией познавательного или аффектно-оценочного характера»¹¹. Говорят даже о «коммуникативном подходе (средства массовой коммуникации!), не предполагающем, по сути, личного общения и связанной с ним адекватной оценки. В этом смысле коммуникация может быть как раз средством разобщения»¹². Соответственно, предмет науки о коммуникации часто формулируют применительно к человеческому общению и связывают с изучением того, как, где и почему люди вступают в различные взаимодействия (интеракции).

Показательно, что после Октябрьской революции новое общество в СССР строилось на идеалах коммунизма; данный термин имеет тот же корень, что и «коммуникация». Вполне возможно, что, если бы избрали иной термин на основе «общения», более органичный для русского уха и более созвучный русской культуре и ее языку, дальнейшее развитие страны оказалось бы более плавным, т. е. эволюционным.

Итак, существуют разногласия при определении и выборе основных терминов — «общения» и «коммуникации». Пожалуй, можно выявить предельно широкую проблематику, которая связала бы оба данных термина, и эта проблематика не так проста, как кажется, но намного проще: это — связь, сообщение (будь то пути сообщения между населенными пунктами или особое чувство, которое лежит в основе «слияния душ»). Подобный — максимально

⁹ *Переверзев В.Н.* Методологические аспекты теории коммуникации // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. 1. М., 2002. С. 128.

¹⁰ *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? М., 2003. С. 75.

¹¹ *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 99.

¹² *Пешков И.В.* Введение в риторику поступка. М., 1998. С. 143.

широкий — подход вполне оправдан и эвристичен. Все чаще различные дисциплины (естественного, гуманитарного, социального или математического характера) приходят к выводу, что наука изучает не автономные, изолированные области, а рефлексивные отношения, благодаря которым создается реальность. Возможно, именно наука о коммуникации более, чем остальные науки, призвана исследовать подобные отношения.

При таком максимально широком подходе различия между терминами «общение» и «коммуникация» сглаживаются. На данный момент, как представляется, оценочность в их определении, упомянутая выше, начинает прослеживаться менее отчетливо. Здесь я предпочитаю преимущественно употреблять термин «коммуникация», прежде всего потому, что чисто языковое определение «общения» оборачивается лакуной в области производных, например, применительно к прилагательным «коммуникативный» и «коммуникационный» (этот факт мог бы стать отдельным предметом лексико-семантического анализа и грамматико-философских рассуждений в терминах языкового аналитизма-синтетизма). Природа языка как таковая является одной из причин (наряду с целым рядом культурных и прочих факторов), в силу которых терминологическое обозначение науки, занимающейся коммуникацией (или общением), еще не устоялось¹³.

В России коммуникации как предмету исследования уделяется все больше и больше научного внимания. Еще совсем недавно отмечалось, что «несмотря на мощное развитие и глобализацию коммуникационных процессов, все увеличивающееся число публикаций по данной проблеме, науки о коммуникации как определенной области знания пока не существует. Это приводит к значительному отставанию теоретического осмысления указанного феномена от реальных масштабов происходящих процессов»¹⁴. В последнее время, однако, делается все больше и больше попыток сформировать подобную науку, которую чаще всего называют то коммуникологией, то коммуникативистикой. Иногда говорят о коммуникологии и коммуникативистике в рамках одного предложения, не уточняя, чем они отличаются друг от друга. Отмечают, что термин «коммуникативистика» все же более распространен, чем «коммуникология»; еще и поэтому в данной работе будет употребляться именно этот термин¹⁵.

В странах, где изучение коммуникации имеет более долгую историю, чем в России, также нет общепринятого термина для обозначения этой науки; об этом, в частности, свидетельствуют названия университетских отделений, где изучают коммуникацию: «речь», «речь и театр», «исследования коммуникации», «коммуникативная наука», «массовая коммуникация» или просто «коммуникация». Как правило, можно проследить семантические различия в таких обозначениях; однако единого обозначения данной науки не существу-

¹³ Использование в книге местоимений первого лица единственного числа продиктовано не тщеславными соображениями, а необходимостью принятия ответственности за высказываемые идеи. За все надо отвечать, включая — и, может быть, прежде всего — каждое свое слово.

¹⁴ *Василик М.А.* Основы теории коммуникации. М., 2006. С. 4.

¹⁵ Название данного раздела заманчиво было бы сформулировать как относящееся и к тому, и к другому. Тогда мы могли бы следить за тем, как будут развиваться данные термины и какой из них окажется предпочтительней. Впрочем, и здесь (как везде) возможны другие варианты.

ет; наиболее общим, пожалуй, является сам термин «коммуникация».

В целом история изучения коммуникации является довольно длительной, и на сегодняшний день исследования, которые можно отнести к сфере коммуникативистики, вряд ли поддаются исчислению. Истоки научного осмысления коммуникации (по крайней мере, в рамках западноевропейской традиции) чаще всего видят в «Риторике» Аристотеля. Именно западноевропейская традиция осмысления коммуникации является, пожалуй, наиболее развитой; в современной же своей форме научную разработку коммуникации даже европейские ученые часто отождествляют с чисто американским проектом — «anexclusively American enterprise». Неслучаен поэтому интерес в России к западным и особенно американским коммуникативным исследованиям. Несмотря на то, что отношения между американскими и европейскими исследователями коммуникации являются довольно сложными, теоретическое осмысление коммуникации иногда обвиняют в евроцентризме и американоцентризме, акцентируя его индивидуализм, рационализм, прагматизм и проч.

Показательно, что это признают и сами европейские и американские ученые. Примечательно также преобладание в сфере коммуникативистики англоязычных научных журналов. Так, согласно одному из обзоров, большинство журналов по данной тематике издаются в США, а 86% их авторов — это ученые из США, Великобритании, Канады и Австралии. Соответственно, говорить о существовании «международных журналов» в данной области знания можно лишь с определенной долей условности.

Не удивительно поэтому, что представители других культур стремятся осмыслить коммуникацию с иных (своих) позиций. Так, например, предлагается азиациентристский взгляд на коммуникацию с акцентом на ее лингвистическом, религиозно-философском и историческом измерениях.

Другой попыткой культурно-специфического видения коммуникации является арабо-исламский подход, который разрабатывается на основе таких дихотомий, как индивидуализм-конформизм, трансцендентализм-экзистенциализм, рациональность-интуиция и эгалитарность-иерархия. Указывается, что корни теоретического осмысления коммуникации на Востоке являются скорее философскими по сравнению с собственно политическими корнями западных традиций. Вопросы коммуникации оживленно обсуждаются в целом ряде стран, таких, например, как Канада, Россия, Австралия и Новая Зеландия, где существуют Коммуникативные Ассоциации и специальные журналы, проводятся конференции и издаются книги, посвященные исследованию коммуникации.

Несмотря на различные подходы к коммуникации, в целом историю ее научного осмысления можно рассматривать как историю борьбы коммуникативистики с самой собою, т. е. как историю ее противостояния с собственным теоретическим наследием.

Разнообразные корни коммуникации — политические, философские, психологические, языковые и т. д. — постоянно дают о себе знать при ее теоретическом осмыслении. В западноевропейской традиции, например, помимо риторических истоков, анализ коммуникации связывают с социополитической теорией Дж. Локка, т. е. с необходимостью объяснить связь между

отдельными индивидами. Соответственно, в теоретической трактовке коммуникации выделились два основных направления — психологизм (индивид как источник значения) и механицизм (процессы передачи значения). В российском опыте осмысления коммуникации отмечают, в частности, богатые лингвистические и филологические традиции изучения языка и текста. Существует мнение, что соотношение лингвистики и теории коммуникации как двух сфер знания должно базироваться на понимании того, что «теория языка — лингвистика — изучает языковые средства, процесс их использования и продукт этого процесса, а теория коммуникации — цель использования языковых и неязыковых средств, а также достигаемый соответствующими процессами результат»¹⁶.

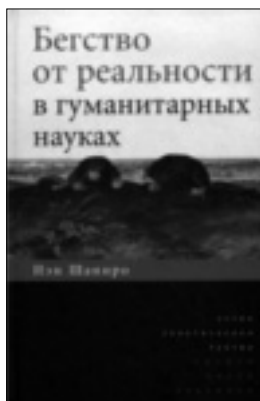
Подобный интерес к (значимым и знаковым) явлениям языка и культуры мы находим и во многих европейских странах; например, антология коммуникативной теории, составленная в Великобритании, обнаруживает явное преобладание лингвистического и семиотического взглядов, о чем свидетельствует перечень основных авторов — Ф. де Соссюр, Ч. Пирс, Э. Бенвенист, В. Волошинов, Р. Барт, Дж. Серль, Р. Якобсон и др.

С одной стороны, такое разнообразное наследие можно оценивать положительно: взаимодействия социологии, психологии, философии, истории и даже экономики создают благоприятную ситуацию для разработки целостного подхода к коммуникации. С другой стороны, исследователи подчеркивают, что в американских университетах на отделениях коммуникации имеются социологи, психологи, теоретики культуры, политические экономисты, эксперты по праву и специалисты по количественным методам анализа, однако в результате целое оказывается меньше, чем сумма составляющих его частей. Признают также, что, например, исследования эффектов в области медиа — это все-таки психологические исследования, а работы по концентрации медиа — это все-таки экономические работы; если же обратиться к области нейрологии, то само понятие «свободной воли» можно поставить под сомнение, поскольку часто оно оказывается фикцией. Соответственно, перспективы интегрирования всех данных традиций в единые рамки коммуникативистики оказываются не столь радужными.

Попытки подобного интегрирования, т. е., по сути, стремление коммуникативистики к самоопределению, носят противоречивый характер, что можно объяснить ее своеобразным отношением к «реальным» и «формальным» дисциплинам. Данные термины, предельно широкие и упрощающие ситуацию (отсюда — кавычки), были предложены Г. Грассманом: «Верхование деление наук состоит в разделении их на реальные и формальные науки, из которых первые отображают в мышлении бытие, как самостоятельно противостоящее мышлению. Наоборот, формальные науки имеют своим предметом то, что полагается самим мышлением»¹⁷. К «реальным» наукам можно отнести дисциплины естественно-физической, а к «формальным» — гуманитарной и социопсихологической направленности.

¹⁶ Касевич В.Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб, 2001. С. 71.

¹⁷ Перминов В.Я. Философские основания математики. М., 2001. С. 8.

ПАРАЛИЧ МЫСЛИ

**Шапиро Иэн. Бегство от реальности
в гуманитарных науках. М., 2011. 368 с.**

Книга принадлежит выдающемуся американскому политологу. Анализируя грозные события, связанные с длящимся мировым экономическим кризисом, Иэн Шапиро видит причину данной катастрофы в ущербности современной гуманитарной мысли. Главная претензия к нынешней гуманитаристике, согласно политологу, бегство от реальности, явное желание иметь дело с очевидными социальными проблемами, отсутствие интеллектуальной отваги и несомненный паралич рефлексии.

О том, что гуманитарные науки представляют опасность для современного убогого технократического мышления, писали многие авторы. В частности, канадский ученый и писатель Джон Ролстон Сол писал о том, что «удаление гуманитарных предметов из образования подорвало наш здравый смысл и чувство сдержанности и, таким образом, способствовало тому, что в публичной политике мы бросаемся из одной крайности в другую»¹ И.Шапиро убежден в том, что развитие и усложнение методологического аппарата в современных общественных и гуманитарных науках привело к крайнему редукционизму в анализе социальных процессов.

Такое утверждение кажется парадоксальным. Ведь именно гуманитарная мысль в силу изначально присущей ей гибкости должна по идее сторониться редукционизма, простых решений, односторонней экспертизы. Но автор книги критикует некий феномен, обнаруживший себя в последние десятилетия. Этот феномен он называет «бегство от реальности». По мнению Шапиро, данное явление просматривается в экономическом анализе права, формальном и статистическом моделировании, политической теории и «кембриджской школе» истории идей.

Мировой экономический кризис, который начался осенью 2008 года, еще не прошел свой полный цикл. Он продолжает свое дальное действие. Этот кризис не был предсказан никем из западных экономистов, представляющих основное течение экономической науки. Поэтому они выражают крайнее удивление по этому поводу. Однако еще Джон Локк писал, что «длинный ряд

¹ Сол Джон Ролстон. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 191.

злоупотреблений, правонарушений и хитростей, направленных к одному и тому же, способен привести ко дню расплаты»².

Поэтому И.Шапиро показывает, что экономисты не смогли оказать ни малейшей помощи ни в понимании кризиса, ни в реакции на него. И, следовательно, правительства западных стран осознали свою полную зависимость от архитекторов кризиса.

По мнению автора книги, случившиеся кризисные события не оказали никакого влияния на академическое сообщество. Ни один университет не переосмыслил свою программу по экономике. В последние годы ряд экономистов ставит под сомнение некоторые из допущений неоклассической экономики. Главное проявление данной тенденции развитие так называемой бихевиоральной экономики, сторонники которой избегают стандартных представлений о рациональности и пытаются строить экономические обобщения на основе более углубленного интереса к так называемому «человеческому фактору». *Возникает потребность в развитии иной, более комплексной концепции человеческой психологии, чем та, которая лежит в основе стандартных неоклассических моделей* (с. 22).

Шапиро отрицательно относится к направлениям, которые связаны с нейронаукой. Огромные ресурсы, отмечает он, вкладываются в установление каузальных связей между психологическими установками и физиологическими изменениями в человеческом мозгу. В современной гуманитаристике очевиден раскол. Исследователи нередко позиционируют себя как специалисты, которые занимаются не объяснением, а интерпретацией. Страх казаться недостаточно научным сеет среди молодых исследователей желание убежать от реальности. По словам Шапиро, попытки реабилитировать марксизм перед лицом безнадежно упрямой реальности породили куда больше шума, чем ясности. Сам он предлагает проблемный подход к социальным исследованиям, основанный на реалистической основе философии науки. Автор исследования полагает, что с помощью этой методологии можно более успешно анализировать проблемы власти, демократии, права, идеологии.

«Сторонники интерпретативизма, — пишет Шапиро, — нередко рассматривают себя как полную противоположность представителей бихевиоралистского подхода к социальным наукам. Есть своя ирония в том, что они в конечном счете приходят к редукционистским воззрениям, роднящим их с бихевиоралистами. И те, и другие притязают на видение по ту сторону феноменального мира» (с. 35).

Шапиро предостерегает против импорта макроэкономических моделей в неэкономические гуманитарные науки, в особенности в политическую науку, социологию и право, под маркой теории рационального выбора. Действительно, стремление выстроить гуманитарные науки по лекалам экономики приводят к искажению существа гуманитарной рефлексии. Теории рационального выбора, если судить их по их же собственным критериям, по большей части выродились в утонченные упражнения по спасению универсальной теории от отрезвляющей встречи с реальностью. Шапиро показывает, что не существует никакой теоретически чистой фиксации «фактов», поэтому в высшей сте-

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Дж. Локк. Соч. в 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 393.

пени наивно полагать, что всякое объяснение может быть оценено на основе того, насколько оно хорошо соответствует эмпирическому материалу.

«Роль политических теоретиков в политической науке крайне важна по той простой причине, что не существует никакого алгоритма, позволяющего создать правильное описание социального мира» (с. 49). Любые формы социальных исследований зависят от наших представлений о том, что следует считать объяснением социального явления. И. Шапиро ставит целый ряд серьезных исследовательских вопросов: Должны ли объяснения социальной жизни выводиться из наблюдаемых фактов? Должны ли они основываться на том, что люди интерпретируют сами себя? Должны ли они опираться на все то, что позволяет нам осуществлять действенные вмешательства в мир?

Что характерно для современного мира? В нем царит идеал согласия, то есть согласия, которым нужно управлять, — это ось западного политического сознания. Современная либеральная традиция, будь то контрактualистская традиция, которую можно возвести к XVII столетию, или же рыночная теория «выявленных предпочтений», которая доминирует в утилитаризме с 1800-х годов, зиждется на приверженности данному идеалу. Нравственные интуиции, стоящие за преданностью идеалу согласия, столь пленительны, что даже хулители либерализма в том или ином виде разделяют данный идеал. Т. Гоббс полагал, что всякая человеческая мотивация проистекает из страха смерти. Бентам полагал, что «люди ищут удовольствия и избегают боли». В этих случаях, считает Шапиро, примеры согласия просчитываются через призму допущений, не имеющих под собой никакой доказательной базы.

По мнению Шапиро, наука должна ориентироваться на проблемы, а не на методы: цель ученого дать точное описание каузальных механизмов, опираясь на которые можно осветить вопросы о реальности. Почему тела падают на землю? Почему горизонт представляется нам изогнутым? Почему мы видим молнию до того, как слышим гром? Почему во время рецессии цены взмывают вверх, хотя по идее они должны падать? Почему миллионы людей, отправляясь на войну, фактически соглашаются на верную смерть? Как институты формируют предпочтения и убеждения людей? Подобные вопросы, замечает Шапиро, мотивируют практикующих ученых. Последние начинают не с метода, не с теории, но с того аспекта реальности, которые они пытаются понять.

«Каждое новое поколение ученых, — пишет Шапиро, — выражает недовольство существующим процессом накопления знаний, оно чаёт новой, более многообещающей формы социальных наук. Сложность большинства социальных феноменов, приблизительность замеров объясняющих переменных, а также неспособность проводить контролируемые эксперименты серьезно сужают масштаб того, что вообще могут дать социальные науки как таковые» (с. 104).

Шапиро полагает, что сегодня прогресса в политической науке можно ожидать от гипотез и обобщений среднего уровня, а вовсе не от больших и парадигмальных нововведений. С точки зрения экономической теории существование государства нуждается в объяснении, особенно в контексте эффекта экономии от масштаба рыночных сбоев. Рецензируемая книга полемична. Автор подвергает критической рефлексии множество концепций разных

исследователей. Так, анализируя концепцию Р. Познера, он пишет: *«В теории максимизации богатства Познера удивляет и ставит в тупик то, что он превращает этот в высшей степени противоречивый тезис в аксиому»* (с. 264). Столь же полемично Шапиро относится и к «теории справедливости» Дж. Ролза. Тот полагает, что любую свободу можно объяснить с помощью указания на три вещи: свободные действующие субъекты, ограничения, от которых они свободны делать или не делать». По этому поводу Шапиро справедливо замечает, почему перечисляемые Ролзом свободы — «политические свободы, свобода совести, свобода мысли» — получают приоритет над всеми иными свободами? Неравенства в значимости свободы регулируются принципом различия. В этом контексте они вторичны по отношению к определению самих свобод и никогда не могут привести к их переосмыслению.

В самом деле, можно видеть разницу между желанием и потребностями. Желания бесконечны, следовательно, бесконечен и связанный с ними дефицит, потребности же вполне конечны. Такие спасительные технологии, как машины для диализа или искусственные сердца, удовлетворяют потребности, а не желания, однако востребованность подобных инноваций просто не имеет границ. Как только мы берем во внимание технологические изменения, то сразу оказывается, что человеческие потребности бесконечны, дефицит и вытекающий отсюда конфликт неизбежны, равно как неизбежен язык политики в распределительной справедливости. Политический конфликт — существенная составляющая социального бытия человека.

Любые воззрения на политику подразумевают концепции добродетели и легитимности, не сводясь при этом ни к одной, ни к другой. Бесконечно прав Шапиро, что политическую теорию лучше всего мыслить как последовательную социальную критику. Это совпадает со многими публикациями «Вестника аналитики». Разящая критика автора монографии поэтому направлена против редукционизма. Шапиро отмечает, что у современных гуманитариев весьма сильна потребность свести сложное к простому, выдвинуть элегантные обобщения, делающие жизнь понятной, осмысленной и предсказуемой. Гуманитарии хотят выводить нравственные нормы из небольшого числа бесспорных предпосылок.

Политики хотят простоты. Им не нравятся сложные социальные теории, требующие анализа многих факторов. *«Слишком много нот!» — именно это, к своему ужасу, осознал юный Моцарт в фильме «Амадеус», гарантирует пренебрежение со стороны тех, кто наделен государственной властью»* (с. 308). Сегодня заметна нужда в унифицирующих, упрощающих, всеобъясняющих концепциях. Люди легко встают под эти знамена. Эта тенденция к упрощению порождает кризисы, и чтобы устранить их, нужно освободить гуманитарные науки от страха перед реальностью, от увлечения простыми концепциями и решениями.

Эльвира Спирова

SUMMARY

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. HAD THERE BEEN ANY INTRIGUE AT ALL?

1. Proclaiming the «Tandem» decision on what to be expected in March 2012 has substantially killed the intrigue of the forthcoming Duma and presidential elections. Though V. Putin claimed at the *United Russia* Party congress, that the formula had been discussed as early as many years back, it is most likely, many observers think, the final decision was made just lately. All experts agreed, some backstage bargaining started to intensively develop in mid-August, when Putin and Medvedev publicly met near Astrakhan, and it proceeded, probably, till the very last day.

2. The ideological substantiation of turning V. Putin into Russia's lifelong president has been also invented. Following his article in the *Izvestia*, which meant to present V. Putin as the Soviet lands collector and the restorer of the Soviet Empire under the label of the Eurasian Union, now, his home policy image seems to be found — the mantle of Brezhnev has fallen on Putin. But not that of the anecdotic jokes hero's, who had plunged the country into the drowsy stagnation which made the USSR collapsed, when the world energy resource prices went down, but that of the wise leader's who had procured the fullest stability and confidence in the future.

3. The formula of the 2012 power shifting, presented by the tandem at the *United Russia* Party congress, became resonant for the Western political circles, too. V. Putin's interrelations with his European colleagues were mainly based on the personal factor that to a great degree predetermined the success in signing contracts, especially in the power engineering. To this effect, his coming back to the presidency is to compensate the want of breaking-through decisions in the German, French and Italian tracks.

4. Thus, the period of late September — early October gave evidence, that the tandemocracy regime could save nothing already — Medvedev's shifting to the prime-ministership puts also an end of the tandem, in the sovereign and democratic meaning of the term. For this term was applied to the principally new structure of 2008, where the actual leader of the country had the second status posting, while in which the real head of the country held only the post second for the status, and the formal head of state was not the sole master of governance. Upon coming back to the Kremlin, Putin will inevitably restored in full the principle of one-man rule initially laid down in the Yeltsin Constitution. So, the combination of President Putin and Prime-Minister Medvedev in no way may be considered a tandem.

PRESSING TOPICS

Vasily Koltashov. SLIDING DOWN INTO «THE SECOND RECESSION»

1. The many-months exchange rates going down proved to be the prime news of the second half of 2011. It has been preparing for long, long month, and without analyzing the way it ripened it is impossible to grasp the meaning of the August-October market decline and what consequences are to be for the world economy and Russia. After the 2008 painful lesson, none of the Russian economists claims that the world economy troubles would be favorable for the Russian national economy. There are many various opinions on the meaning of the market

changes. But to truly understand what is going on is to apply logical analysis of the economic and market signals of the current year.

2. Real economy decline should have been developed anew long before the «black August». Otherwise, the late Summer exchange collapse and its autumn continuation would have been impossible. But the official economic statistics gives no serious ground for such a considerable downfall both in the stock and the raw material markets. The August panic was preceded by market stagnation after the May collapse, which cannot have reflecting the problems of the consumers and industry. If the demand in raw materials increased, their prices would have been on the rise, despite the QE2 completion. The US aiding the banks-speculators cuts had not brought in the exchange collapse but for strong negative economic prerequisites.

3. The 2008 crisis was of more complicated nature, than the recessions of 1991, 1998-99 and 2001. It signified the end of the thirty-year epoch of financial globalization. There is an objective necessity to structurally or even systemically reorganize the world economy. Establishing the Customs Union of Russia, Belarus and Kazakhstan signifies the beginning of the new epoch of deep regional integration, not matter, are the governments conscience of that or not. The social and political crises, caused by the economic problems, are themselves the elements of the economic crisis and — in its frameworks — ought to bring in some deep transformations made. All this would be possible within the frameworks of the depression that always provides for preparing the start of a new long economic rise.

4. In these conditions, Russia itself had to changed, having changed its attitudes to the natural resources, home market, neighbor-states, and to the political organization of the public life. The rouble weakening, which the liberal economists consider the panaceas of all troubles, is not going to be effective, but, more likely, causes the destructions in the economy and favors political destabilization. The years of 2009-11 gave Russia unique chance to rather softly overcome the crisis contradictions, modernize the economy, and be prepared for a new wave of the crisis. That chance presented by the world financial stabilization has not been taken. It could not have been perceived by the raw material corporations dominating in the country. As a result, all key changes might come out of the crisis progressing.

Boris Chernyshev. THE HISTORY'S CHIEF FACT AND LESSON

1. The existing practice to neglect the analysis of the cause-and-effect relation of a political situation's past and present makes the authorities unable to reveal the pattern of its development, its distinctive features, to correlate them with the trends in the world civilization progressing. This inevitably clears a broad way to subjectivity in major decision-making.

2. In the early 1990s, the government obliged to choose some new basis for the country's economic development just followed the way of mere copying the US monetary model, having made no preliminary analysis of conditions of the Russian economy. As a result, the USSR sick non-market economy that was in the deep crisis, was prescribed the remedies that are to treat sick market economies. No heed was paid even to the fact that the free competition epoch had sunk into oblivion together with pre-monopolistic capitalism, that the taken on board concept of market fundamentalism had been rejected by the developed countries of the West long ago.

3. By the Fall of 2008, the chief fact of the economic and political situation in Russia and Western Europe was the crisis of liberal economic dogmas that proved to become the main brake on the way of the countries' further development. But the cause-and-effect relation of the 2008 world financial crisis events were not subjected to thorough analysis by these countries' leaderships.

4. Rather than to use the chief fact as the basis to revise the economy's monetary model, the authorities keep following the course of turning the state into the economy's night watchman. To correct the *Strategy-2020*, expert groups get involved, in which mainly the supporters of liberal economic values prevail. Now, as before, due to dominating approach, the scholars of the Russian Academy of Sciences have no place in these groups, no open discussions are being held. The history's chief fact and lesson are important steps in studying the essence of a political situation, in learning the lessons of historical experience, in providing the authorities with

the scientifically grounded tasks. To use them is possible only on the way of analysing the cause-and-effect relation of the past and present events.

Grigoriy Kanarsh. JUSTICE: THE RUSSIAN MODERN INTERPRETATIONS

1. The justice is a key problem for modern social philosophy and ethics. In the West, for already four decades (since the early 1970s) there goes the detailed *justice discourse*, with tens of first-class researchers participating, so much so, that all topical issues in the life of the society are, in fact, being discussed in this socio-ethical context. From education and public health problems (which are recently added with problems of protecting the cultural rights, global social justice and ecological security) to those of animals rights protection.

2. No doubt, the communitaristic project is possessed of high moral value and considerable aesthetic appeal. It is moral, because it comes laden with the high humanistic purport, focusing the social life at the interests of a living, concrete person, protecting its particularity and originality in the face of the egalitarianism that levels distinctions. It is aesthetic, because it suggests orderly, solid, harmonious model of human inter-relations in a community. This project's another doubtless advantage is its *ontological embeddedness*, its applying to the spiritual basics of the human existence.

3. Of a number of projects, which by a number of indications may be referred to as the *conservative*, the most interesting, in our opinion, is the one which was characteristically titled the *Russian Doctrine*, worked by a team of the Russian philosophers and experts. Its authors, as the document text goes, have set for themselves quite ambitious task — «the authors, coming from the premises Russia as the society and state is in a deepest crisis, unlikely the overwhelming majority of their colleagues, had not restricted themselves by a mere statement of the fact, but did their best to work out, in more or less integral form, *the project of feasible reorganization of Russia's all spheres of life*».

4. The Conservatism corresponds to strengthening the authoritative elements in the politics governance; the ethnocracy appeal to the growth of the Russian ethnic nationalism; the Social Democrats are guided by the society's demand for «the left idea»; those occupying the centrist position search possible normalization within the existing situation, based on values; the Communism apply to communal traditions in the Russian life, which have the right to be restored in the conditions of pluralistic society.

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). THE OFFSHORE GEOPOLITICS

1. The new «democratic» type of the criminal and corrupted protectorates have been set up for the first time in history, they are to be reliable source of raw materials for the West and China. The new world periphery was established not by means of the West's conspiracy plot or military aggression, but in a «democratic» way. As the result of the offshore geopolitics, the economies of Russia and the majority of the post-Soviet states have found themselves under outside control, being effectively transformed into the world periphery (raw material protectorates).

2. The offshore facilities are used as the chief tool of «fraternizing» the state, big private and foreign capitals, the high-ranking corrupted officials and politicians. Russia and the post-Soviet states, under the corrupted governance, have suffered tremendous losses because of usage of these tax havens, at the same time, it has enriched the elite «by law» linked up with the criminal offshore business for the selected few. If nowadays the post-Soviet citizens are just making guesses of how much wealth the «last strongholds of democracy» did acquire, it is to become a reality in the foreseeable future.

3. The most effective way to counteract the offshore business is to establish the favorable investment climate in the domestic economy that facilitates legalizing the 'exported' capitals. This is especially topical for the countries, where the deficiency of loan money couple with the capital outflow abroad due to the current fiscal policy.

4. In Russia, Ukraine and other post-Soviet states, there is a need to pass laws on denial of using the offshore legal competence for the strategic enterprises. These laws should provide for mechanisms of capitals return from the offshore zones, and to exclude henceforth their withdrawal from under the home legal competence. To do this what is primarily needed is the political will.

Eugenie Vertlib (France). RUSSIA AND THE GREAT BRITAIN'S GEOSTRATEGY

1. England's «disposition» is strategically dividend-paying. Long ago, Aristotle did understood the island advantage, saying «Crete by its position is destined for predominant influence upon Greece.» Having the limited overland space and material resources (lack of woods, fuel meant and means the necessity to import iron from Russia), the then comparatively small size army (Otto Von Bismarck coined a witticism: if the British army invade Germany, he would give order to local police to arrest it), England has gained strength by the sea. The island Briton's healthy adventurism has been enriched by the idea of «Anglo-Saxon exclusiveness». It was brought in by the German tribal elites — the Jutes, hordes of the Angles and Saxons invaded the present England's territory in 5th–8th centuries to test their boastful arrogance upon the local Celts.

2. The powerful transnational oligarch clans have defined all mankind's «bright future», and the academicians have made it even more persuasive by providing the scholastic and theoretical basis and form. The Anglo-Saxons have not spared their geopolitical competitors. To get the Soviet economy noosed and partnershiped to death was the task given to the «Tripartite commission for execution of gradual attempts to merge the economies of the USA and USSR» of the last century (this is to be nicked down by all those who master the NATO «standards», etc.).

3. The dynamics along the Western «curved» progression is possible only at the expense of global information-and-functional submission of the whole non-West to the *open society* strategies. This is the very thing the West is introducing on the global scale. Contrary to this regulatory expansionism the Russian RELIGIOUS MIND seems to be truly free in the Cross (not the self-valued ambitious egocentric with no Cross) — and capable by means of harmony with God to reveal to the lost world the Russian alternative way of salvation. That is why the Russian spiritual contents drive the unwarranted «civilizers» of the Slav peoples wild.

FOREIGN AFFEARS

Sergey Oznobishchev. ON COMPLEXITIES AND CONTRADICTIONS OF THE «MODERNIZING» COURSE IN FOREIGN POLICY

1. In the modern world, a successful modernization, more so a «modernizing break-through», is impossible in any «single» country tightly separated from the rest of the world. The Soviet practice of establishing «sharashkas» and, later, «closed scientific research institutes» is unable to maintain high and competitive achievements in the modern technologically quick-progressing world. Scientific and technological breaks-through are possible when they based on the whole complex of knowledge and achievements in concrete areas of the science and technology. Both research teams and their studies are becoming increasingly internationalized.

2. The tactical actions (the Russian foreign policy specific lines, as well as some elements of Russia's internal policy) are often supplement the color palette that creates the negative background for the Russian Federation's joint projects with other countries in sphere of modernization. Lately, it is associated with Moscow's opposition to the activities suggested (and taken) by the Western countries against the countries and regimes that, by the Western politicians reasoning, are seriously threaten to the world and regional security.

3. Yet more ambiguously many Western leaders perceive the Russian position on Syria and the events taking place there. Russia, supported by China, vetoed the of the UN Security Coun-

cil resolution that condemned the harsh measures by the Syrian authorities to suppress the anti-government actions. The Russian party is of opinion, that since the document did not forbid foreign intervention, the Libyan scenario might be repeated in Syria. No need to mention, that the Western assessments of the event in Syria, and actions by the Syrian leader are radically differed from the Russian ones.

4. The foreign policy topics of the late are considered by the Western politicians and experts as another evidence of some new «value gap» between Moscow and the Western capitals in their perceiving the world situation and reacting on it. In this context, they treat in the West the Russian party's attitude to observing the rights and freedoms of its own citizens. The situation around M. Khodarkovsky has been complimented with the expanding «S. Magnitsky case» crisis which led to the recent «entrance restrictive lists» of some Russian officials to the USA, and, reciprocally, of some American officials to Russia.

Sergey Demidenko. LIBYA AFTER GADDAFY

1. Today, when the world political science community has somewhat come out of the shock caused by violent political events in the Arab world, the prerequisites and motives of a new «*Nahda*» became more or less clear. The crisis induced by inefficiency of the Arab governance systems (economic troubles, bureaucracy, corruption, blocking social lifting, etc.) has been growing long enough, causing smouldering discontent on the part of the mass of common Arabs. That crisis was detonated (now there is no use to question this) by the world financial and economic crisis that brought the controversies, piled up for decades, to the extreme limit.

2. Libya's future is an extremely acute issue today, for the single real outcome of the so-called «Libyan revolution» is the overthrow of Gaddafi. Because of the fact that NATO, in fact, having disdained the provisions of the UN Security Council Resolution 1973, helped to overthrow the regime, the insurgents have become neither more united, nor more effective. It is no exaggeration to say, that the contradictions among them are just to be growing (the murder of one of the opposition leaders, Junis, is to certify that). To add, there are two mutually exclusive ideological concepts — Islamic and Liberal — presented in the oppositional camp. These concepts followers are unlikely to find a common language. Especially, when it will be a matter of re-dividing the oil market or controlling food deliveries to Libya. Skirmishes are inevitable. And the NATO mediation will smooth over no contradictions.

3. The Libyan Liberals, whose leadership were based, in main, abroad, will unlikely to suggest something worthy to oppose the Islamists. But, in Libya, there is another force capable of doing so — the tribes. The majority of tribal elites adhered to a neutral position in the «revolutionary events». After the regime's fall, chiefs and sheikhs became more proactive steadily, being afraid the national wealth be redistributed without their participation. That is, after a while, the problem of confrontation between the tribal elites and the religious radicals might well become extremely topical, at least for Cyrenaica. Partly, the outlines of the future conflict are visible even today. Thus, the tribes are seriously displeased with the religious radicals' intention to establish emirate in the city of Derna.

4. The today's situation in Libya has every chance to slip into chaos. Gaddafi's death will most likely put an end to nothing in that country. Its realistic enough to see it divided into two, or even three parts. The Western coalition have to make maximum efforts to avoid that. Otherwise, they will fail to meet the chief end of the operation of theirs — to put Libya's oil and gas under their control.

Sergey Israpilov. THE STAGES OF DEEPENING CRISIS THE NATION-STATES IN THE ISLAMIC COUNTRIES OF THE WORLD

1. In the mid-20th century, downfall of the colonial system in an Islamic country was accompanied by building up the nation-state with all its attributes — national bureaucracy, armed forces, police, legislation, court system, etc. Usually, the national-liberation movement — and later, upon gaining independence, the state — were headed by the people with secular Western

(or Soviet) education, being influenced by socialist or nationalist political ideology. Out of 48 Islamic countries 31 gained independence in the period of colonial system crushing, in the late 1940s — early 1970s.

2. The current stage of the capitalism development has brought in deep and hard-to-solve inner and outer personal conflicts, as well as the conflict of interests between the «average personality» and the society and state. No wonder, both the single individual and the Western society, having faced the said problems, are searching some comprehensible way out. The way out of theirs is being searched also by non-Western societies involved into the sphere of influence of the modern capitalism. The numerous Islamic countries are also in the search of their way out. Until now, the ideas that are met the greatest sympathy in the Islam world, are not some new discoveries, but rather coming back to traditional values laid ages ago. Thus, the apparent revival of the interest to the Islam in the world is an allergic reaction, the reaction of rejecting those dangers which are born by turbulence of the modern capitalism.

3. Building up a nation-state, and likewise establishing the national consciousness, is a long complex process that demands, besides other things, the nation-state being legitimate in the opinion of the population. Due to the historical regularities, the nationalism and the nation-state have rather short history in the Islamic countries, they developed, competing with the religious feeling and religious concept of civilization. The nation-state developed in the adverse outer environment, and that also was not conducive to its efficiency and popularity.

*Sergey Mel'kov, Alexander Perendzhiev. THE «NORWEGIAN SHOT» VS.
THE EUROPEAN SECURITY: WHICH IS A STRONGER SIDE?*

1. To form the public-state system of security presupposes to solve a wide range of the tasks that require coordinated efforts of the citizens, social groups and the government. These tasks are appropriate to solve on the basis of *The Russian Federation National Security Strategy up to 2020 and the Concept of Counteracting Terrorism in the Russian Federation*. In these documents, it has been already outlined the work on consolidating the efforts and resources of the national government and civil society institutions in the sphere of security. That is, the government is to provide for both granting the qualitative security services to the society and citizens and competing between the governmental and non-government bodies in this sphere.

2. It is wrong to set off the non-government bodies system against the national or integrated security system, for they complement each other. At the same time the non-government system has its specifics that distinguish it from the enterprises, institutions and bodies of the national security system — the absence of hierarchical administrative links and fixed structure of management; its elements activities are coordinated by publicly formed organization (union, association); there is no continuous communication between the elements that are to contact each other when need be. That is, in the sphere of security, the non-government bodies system seems to be more flexible, being in many respects a network.

3. The necessity of state control in the sphere of security is conditioned with one more distinction between the governmental system and the non-government one. They distinct functionally — the national security system serves to primarily mirror and protect the interests of the government, while the non-government system is closer to reflecting and protecting the interests of the civil society and citizens. It has caused by the fact the non-government security system was being made up exclusively by the citizens' initiatives to protect their private interests.

4. It is high time for the authorities and public institutions to be more proactive to work out all-European (including Russia, Ukraine, Belarus, Moldova, Transdnistria, the trans-Caucasian recognized and non-recognized states) antiterrorist policy. Unlikely fighting terrorism (which is aimed at the subjects of terrorism), the policy is always goaled to form the population's antiterrorist consciousness, to eliminate the causes and conditions of the terrorist threat existence. To form and work out such policy it is necessary to get the European (including the Russian) scholars and experts involved.

CULTURE AND EDUCATION

Gennady Bocharov, Victor Lopatnikov. IF WE COULD JUST ASK OURSELVES, WHAT WE OURSELVES COULD DO

«Some time ago, I met Victor Lopatnikov, who I was acquainted with for quite a long. While we talked, he remembered, among other things, the words that the Japan's Consul General, Mr. Suedzava, said about the *perestroika* which had been started in those years. Shortly before his departing the country, Lopatnikov asked him to comment the changes which occurred in our country. 'I feel sorry for you', the diplomat said. 'You would become all the same with the rest of us. You would lose your originality.' 'But', Lopatnikov objected, 'we're just stepping on the road along which all the Western society go. You have urged us to do so for long decades.' 'That's true,' Mr. Suedzava said. 'But be ready to inevitable sacrifices. You won't even notice to have the most valuable of your unique characteristics lost.'

ECONOMICS & FINANCE

Valery Paulman (Estonia). THE WORLD ECONOMY EXPOSED TO THE MALICE OF THE ELEMENTS

1. The things, unbelievable in the atmosphere of euphoria and grandiose welcoming fireworks to the coming third millennium, became quite obvious by the end of the first decade of the current century. Metastases of the overall crisis have affected the capitalism down to the deepest foundations. *The world capitalist system globalization has caused it enter the qualitatively new phase of its development.* One of its characteristic features is the world economic crisis that lasted for the fifth year already.

2. At the beginning of the current crisis, the governments saved the banking system with the budget money, and the central banks lowered interest rates, having poured huge volumes of liquidity into the financial system. The increase of the securities rates at the major stock exchanges, though cushioned a little the losses of many financial institutions (on the average, about half of the losses suffered during crisis were restored), *nevertheless, the normalization of their financial position by means of partial writing-off the so-called problem (indeed phoney and doubtful) assets and decreasing the share of leverages in the capital it is still far from being completed.* The analysis of the European stresses-banks testifies it.

3. The world is ruled by the financial capital. The financial markets live by their own rules, having practically no ties with the real production, that was proved by the current global crisis which was started in the United States in 2007 with the collapse of the mortgage credit market. Credit organizations are not aimed at long-term relations with their clients, but at gaining profit by the next week already, the financiers in their pursuit of high bonuses took upon themselves the heightened risks, the ever increasing role in the transactions played trading with derivatives and default swaps and all kinds of speculative operations, as well as illegal trading, the organized crime and corruption.

4. The measures to strengthen the IMF and World Bank (to which the certain death was promised just recently), as well as those to save the biggest banks, corporations, stimulating the export and domestic demand, rendering the financial aid to the states which were in debts up to their ears, the condemnation of the swindlers caught red-handed, restricting the top-management bonuses, etc. were inevitable to rescue the existing order. But they have just allowed to avoid the economy's complete collapse, they have served the emergency repair works to strengthen the global capitalism foundation, thus being no better than robbing Peter to pay Paul.

Valery Bondarenko (Belarus). THE BELARUS ECONOMIC MODEL: MARKET SOCIALISM IN SMALL OPEN ECONOMY

1. The Belarusian model of today (October 2011), same as 12 to 15 years ago when it was in its peak, attracts a specific interest. First, quite impressive are the scale and dramatic charac-

ter of the collapse: since beginning of the year, the national monetary unit endured two devaluations and was depreciated by 189 percent... But for two denominations, the exchange rate would have reached 86 million Belarus roubles per \$1! The World Bank registers the inflation world record for past 20 years. The Belarusians average salary, that just half a year ago was second just to the Russian and Kazakh earnings (in dollar equivalent) now fallen below the level of Uzbekistan, Kirghizia, Moldova.

2. The two devaluations and cuts in state social sphere expenditure can just fix the state of affairs. While all potential creditors (IMF, the Russian Federation, EurAsEC) demands to dramatically cut the state funding the real sector (the agro-industrial complex, industry, infrastructure) — complemented with the devaluation almost killing the demand, high inflation rate, and high percentage on deposits and credits — can deprive the economy's real sector of any perspectives to be developed for a long time. Under more strict budgetary policy, where are resources for considerable investments to be founded? The Belarusian capital has failed to accumulate more or less significant investment potential of its own. Under such conditions, the foreign capital usually is unwilling to enter the country, by no means the production sphere: the crisis has not finished yet, and there are many places in the world to invest, both more profitably and more safely. It is such a scenario that is called the «poverty trap».

3. This is the model that almost ideally corresponds to the existing political system, highly centralized and personified. The economic model is the foundation of this political system — and vice versa. This model makes it technically possible to implement popular (populistic?) programs and actions that are being approved by the electorate and, really, are rather socially effective in a positive way — high social standards, including in the countryside (agro-townships), high employment rate, comparatively high (prior to the two devaluations of 2011) salaries and pensions. Besides, this model is very much fitted for mobilizing and concentrating all the resources (including the financial resources of the enterprises) in case of emergencies, e.g., the necessity to promptly restore the national economy in «the hard 1990s», to procure the country's food security, to withstand the world crisis or aggression from the outside.

«ROUND TABLE»

WHAT IS «THE IDEAL STATE», or WHAT SOCIETY WOULD YOU LIKE TO LIVE IN?

The participants in the discussion were Professor, Dr.Sc. (Philosophy), the Deputy Rector on Researching and Publishing — Director of the Institute of Fundamental and Applied Studies at the Moscow Humanitarian University, Val. A. Loukov; Professor, Dr.Sc. (Philosophy), chief researcher at the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, L. P. Buyeva.

The Round Table is hosted by Professor P. S. Gurevich, Dr.Sc. (Philosophy).

The following questions were under the discussion —

1. What is your assessment of this social project? Do you consider it an ideal, romantic or disciplinary-compulsory?
2. Had at least some of the philosopher's thoughts on equality, justice, and order been realized? Or the project proved to become absolutely utopian?
3. How the modern Russian society might be assessed in Plato's parameters? What society would you like to live in?

PUBLICATIONS

To the 70th Anniversary of Crushing the German Troops Near Moscow

Vladimir Roschupkin. THE FIRST STRATEGIC VICTORY

«In Moscow, the visitors and tourists, walking up the Tverskaya Street (formerly — the Gorky Street) towards the Central Telegraph building, invariably pay attention to the polished red stone coating of the foundations of the big «the Stalinist style» houses that were built there

soon after the war (WW2).

These slabs are the stone tables of our History, the sublime and tragic, the trivial and heroic. They have direct ties with the Battle of Moscow, which 70th anniversary is going to be celebrated this year. Then on the stake — both literally and figuratively — was put the honor, independence and the future of the Russian nation and the whole country. Then, in 1941, the Germans had specially delivered that red stone under Moscow to raise the special-purpose object which we are to refer later.»

Philosophy and politics

Vladimir Karyakin. THE CLASSIC, NON-CLASSIC AND POST-NON CLASSIC GEOPOLITICS: CRITERIA OF SIMILARITY AND DISTINCTION

1. The world community, under the conditions of growing threats and challenges, enters the epoch of the continuous crisis. The modern world realities put forward topical tasks of working out new paradigms, forms and methods of researching the ways the world community is being transformed. Under these conditions, the modern geopolitics is to research the processes of the international integration and disintegration, to work out the mechanisms of strengthening of regional security and cooperation while the demographic, confessional, ecological and social problems are being aggravated. New realities have outlined the need to critically re-comprehend the basic postulates of the classic geopolitics and the necessity to «inventory» the whole complex of geopolitical knowledge, making it conform with the requirements of the time.

2. Summing up the classic and non-classic stages of development of the geopolitics, let us notice, that in spite of the fact each geopolitical concept is original and unique in its integrity, the evolution of the geopolitical thought allows to show the general paradigms that determine problem definitions and research accents. There are at least two classic and non-classic geopolitics paradigms to be referred as the such — the expansionist and the military-economic. Both of the paradigms are found out at any stage of the geopolitics development, where each of them serially, taking various forms, played the dominative role.

3. The post-non-classic geopolitics is to be definitely claimed a new area of the scientific knowledge that allows to research a wide range of dynamic interactions in socio-political and economic spheres of the society, at the complexity of interacting numerous factors. This is even more valuable, because the political processes develop, as a rule, along several lines and include sub-processes at the lower levels of the social system organization, frequently going in different directions. Some geopolitical situation factors might be both agreeable or contrary to each other. This leads to a combination of progressive developing the political process with the variability that, frequently, takes form of casual wanderings of the political process participants.

4. The post-non-classics, analyzing political processes in their basic manifestations, research the evolution of the social systems and define a wide spectrum of alternative ways of their development. The post-non-classics, as the methodological directive, total influence gives way to use it as the basic research paradigm that adequately reflects the whole spectrum of factors and tendencies, at the present stage of development of political sciences.

Igor Klyukanov (USA). THE COMMUNICATIVE REVOLUTION

1. Lately, more and more talks are being heard of the so-called «communicative revolution», at that, this definition is being applied to communication both as the phenomenon and its theoretical comprehension. Primarily, they talk of those spheres of life both undergo transformations thanks to new information technologies and technical inventions. The communicative revolution is most talked of, of course, in connection with the Internet. Indeed, the world more and more resembles the «global village» based upon electronic communicative streams. As G.Gerbner put it, were Marx to live today, he would have named his capital work *The Communications, rather than Das Kapital*.

2. In the countries, where studying communications has a longer history than in Russia,

there also is no conventional term to define this science; that is testified, in part, by university chair and course nominations where the communications are studied — *rhetoric, rhetoric and theatre, communication studied, communicative science*, or just *communication*. As a rule, the semantic distinctions in these nominations can be tracked, but there is no single definition of this science; the most common one is, perhaps, the very term — «communication».

3. In general, the history of studying communications is long enough, and as of today, the studies that might be referred to the sphere of communicationistics, are hardly to be numerated. The sources of scholar comprehension of the communication more often (at least, within the West European tradition) seen in Aristotle's Rhetoric. The West European tradition of comprehension of the communication is, perhaps, the most developed; even the European scientists often refer the contemporary form of scientific researching communications as to purely American project — «*an exclusively American enterprise*». In Russia, it is not by chance, therefore, there is an interest to the Western, and especially American, communicative studies. Despite the fact, the relations between the American and European communication researchers are complex enough, the theoretical comprehension of communications sometimes is blamed of *Eurocentrism* and *Americacentrism*, with accent on its individualism, rationalism, pragmatism, and so forth.

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

Elvira Spirova. THE PARALYSIS OF THOUGHT

Shapiro, Ian. The Flight From Reality in the Human Sciences
(Translated into Russian). M., 2011, circ. 1,000 copies, 368 pp.

1. The book is authored by the outstanding American political scientist. Analyzing the formidable events introduced by the current world economic crisis, Ian Shapiro sees the cause of this catastrophe in impairment of the modern humanitarian thought. To him, the chief reproach to present-day humanitaristics (human sciences) is the flight from reality, obvious desire to deal with manifest social problems, lack of intellectual courage and doubtless paralysis of meditation.

2. The author is of the opinion, the crisis-caused events made no influence upon the academic community. There is no university to have its economics program reconsidered. Recently, some economists have questioned some hypotheses of the neoclassic economy. This tendency have mainly revealed itself in development of the so-called behavioral economy, adherents of which avoid the standard notions of the rational and try to base economic generalizations on more profound interest to the so-called «human factor». *There appears the need to develop some other, more complex, concept of the human psychology, than the one which is the basis of the standard neoclassic models* (p. 22).

3. According to ШAPIРО, The science should be guided by the problems, not by the methods, Shapiro claims, scholar's goal is to give the exact description of causal mechanisms, by means of which the questions on reality may be dealt with. Why objects fall on the ground? Why the horizon is seen curved by us? Why we see the lightning before we hear the thunder? Why the prices soar up during recession, though, in theory, they are to go down? Why millions of people, in fact, agree with the sure death by going to war? How do the institutions form the peoples preferences and beliefs? These are the questions, Shapiro notes, to motivate the practical scientists. The latter make a start not from a method, not from a theory, but from the aspect of reality they endeavor to realize.

4. Politicians want simplicity. They do not like the complex social theories that demand to analyze many factors. «*Too many notes!*» — *that was what, as, to his horror, the young Mozart of the film of Amadeus has realized, guarantees neglecting on the part of those who conferred powers*» (p. 308). Today, there is a noticeable need unifying, simplifying, all-explaining concepts. People are easy to join these colors. It is the tendencies to simplify that generates crises, and to eliminate them the human sciences are to be emancipated of the fear before reality, of ardor for simple concepts and decisions.

ОБ АВТОРАХ

Бондаренко Валерий Семенович (*Беларусь*) — кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации.

Выпускник МГУ им. Ломоносова. В конце 1980-х годов — докторант МГУ и консультант Инновационного Совета при Правительстве РСФСР. В начале 1990-х годов — сотрудник Администрации Президента РФ. В середине 1990-х годов — начальник управления экономики Гомельского горисполкома.

Бочаров Геннадий Николаевич — член Союза писателей Москвы, автор многих документальных книг, изданных в разное время общим тиражом полтора миллиона экземпляров. Большинство его работ переведено на основные языки мира.

В течение ряда лет Геннадий Бочаров работал специальным корреспондентом «Комсомольской правды», обозревателем «Литературной газеты», политическим обозревателем при генеральном директоре ИТАР-ТАСС, политическим обозревателем «Известий» и «Российской газеты». В качестве специального корреспондента побывал более чем в 50 государствах мира, в том числе во всех его «горячих точках».

В советское время был удостоен высших профессиональных наград: премии Союза журналистов СССР, премии им. Михаила Кольцова, премии им. Владимира Гиляровского, премии Ленинского комсомола. За репортажи с космодрома Байконур удостоен почетных знаков им. Ю.Гагарина, академика С.Королева и т.д. Награжден орденами и медалями СССР, включая боевой орден Красной Звезды.

Недавно Г.Бочаров «по совокупности творческих достижений» был удостоен премии Союза журналистов Российской Федерации «Золотое перо России».

Книга Бочарова «Русская рулетка» в начале 1990-х годов стала подлинным мировым бестселлером — ее издали крупнейшие издательства Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Берлина, Стокгольма, Люксембурга и др. Тема большинства книг Г. Бочарова — человек преодолевающий. Лучшие работы Г. Бочарова составляют учебное пособие — книга «Чистые вершины» — для отделений иностранных университетов, на которых изучается современный русский язык.

В течение последних 20 лет Г.Бочаров переизбирается членом Правления Международного фонда авиационной безопасности. В этом качестве он участвует во всех международных семинарах, которые проводятся в различных точках мира. Авиационная тематика занимает значительное место в его творчестве.

Вертлиб Евгений Александрович (*Франция*) — академик РАЕН, а также ряда зарубежных академий, профессор Европейского Центра по изучению проблем безопасности (Германия), внештатный советник председателя Комитета по международным делам и международным связям Парламента Кыргызской Республики.

В 1975 году получил статус политического беженца (США).

На протяжении ряда лет занимался научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в различных институтах и организациях США и Италии.

Сфера научных интересов: аналитическая политология внешней политики, принятие политических решений, управление конфликтами и стабильностью общества, стратегии национальной безопасности.

Член Консультативного Совета неправительственных организаций при Комитете Государственной Думы по международным делам. Член редакционной коллегии журналов

«Геополитика» (Украина), «Дон», «Центральная Азия: политика и экономика» (Казахстан).

Опубликовал более 200 статей, интервью, рецензий и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кавалер ордена Петра Великого I степени.

Гусейнов Вагиф Алиовсатович — директор Института стратегических оценок и анализа (ИСОА), главный редактор журнала «Вестник аналитики»; член Совета по внешней и оборонной политике (с 1998 года), член Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития; член правления Совета Средиземноморско-Черноморских исследований (Институт Европы РАН), член правления общества «Россия — Германия»; генерал-майор в отставке.

Автор книг: «Хроника тайной борьбы», «Пьянящий дурман власти», «Война компроматов», «Каспийская нефть — экономика и геополитика», «Политика у порога твоего дома» (2008). Соредактор и издатель монографий: «Иракский кризис и становление нового мирового порядка» (Москва, 2004) и «Средиземноморье — Черноморье — Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком» (2006). Соавтор, редактор и издатель книг: «Россия-Великобритания: очередное охлаждение» (2007), «Большой Ближний Восток. Стимулы и предварительные итоги демократизации» (2007), «Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы)» (2008), «Россия в изменяющемся мире» (2008). Член редакционной коллегии аналитических сборников: «Стратегия для России: 10 лет СВОП» (2002), «Конкурентоспособность России в условиях глобализации» (2006), «Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего» (2007), «Россия и Мир — Новая эпоха» (2008), «Центральная Азия. Геополитика и экономика региона» (2010), «Нефтегазовый комплекс России: тенденции развития (2000–2010 годы)» (2011).

Автор многих статей по вопросам международной политики, отношений России с ЕС, энергетической безопасности, проблемам Ближнего и Среднего Востока, стран Южного Кавказа, внутренней политики и экономики России.

Демиденко Сергей Владимирович — сотрудник Института стратегических оценок и анализа, кандидат исторических наук. Специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Дергачёв Владимир Александрович (*Украина*) — русский геополитик, профессор, доктор географических наук. На основе разрабатываемой профессором Дергачевым геополитической теории Больших многомерных пространств создана серия междисциплинарных трудов и учебников по геополитике, ориентированных на формирование аналитического мышления. Автор 40 книг, в том числе Геополитика (2000, 2004); Геоэкономика (2002); Цивилизационная геополитика: Геофилософия (2004); Регионоведение (2004, 2010, в соавторстве с Л.Б. Вардомским); Международные экономические отношения (2005); Глобалистика (2005), Геополитический словарь-справочник (2009), Геополитика. Геофилософия. Геоэкономика, в 27 томах (Электронное издание на CD, 2009), Геополитическая энциклопедия (2010, <http://dergachev.ru>)

Исрапилов Сергей Исрапилович — кандидат исторических наук, преподаватель исторического факультета Дагестанского государственного университета.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Специалист в области социальной и политической философии, истории политической мысли, естественно-научной характеристики. В своих работах и научных проектах развивает область знания, получившую название «характерологическая креатология» (изучение разнообразного творчества, вообще жизни, с точки зрения *природных характеров людей*) — прежде всего, применительно к проблемам общественного развития. Автор научной монографии «Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация» (Москва, 2011).

Карякин Владимир Васильевич — старший научный сотрудник отдела оборонной политики Российского института стратегических исследований, кандидат военных наук.

Клюканов Игорь Энгелевич — профессор Восточного Вашингтонского университета, главный редактор журнала «Русский журнал коммуникаций».

Колташов Василий Георгиевич — руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных движений (ИГСО).

Лопатников Виктор Алексеевич — член Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, председатель Комиссии Совета Федерации по культуре.

Мельков Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Ознобищев Сергей Константинович — заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН; профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ. С июля 1997 года — директор независимого Института стратегических оценок. С 1973 по 1996 год работал в Институте США и Канады РАН, в последние годы — директор Центра проблем международной безопасности. С сентября 1998 по ноябрь 2001 года — начальник организационно-аналитического управления Российской Академии наук. В 1995–1998 годах состоял членом Аналитической группы при советнике президента по национальной безопасности. В 1989–1990 годах участвовал в переговорах по обычным вооруженным силам в Европе.

Член Экспертного совета Комитета по международным делам Совета Федерации; член Рабочей группы Комиссии Общественной палаты по международному сотрудничеству и общественной дипломатии; член Экспертного совета Организации Договора о коллективной безопасности; Вице-президент российской ассоциации политических наук; член международного Пагуошского комитета; член правления Балтийского форума; член Совета по внешней и оборонной политике; действительный член Российской Академии космонавтики, действительный член Всемирной Академии наук комплексной безопасности.

Автор около 200 научных и публицистических работ на русском и английском языках по проблемам международной и национальной безопасности, сокращения и ликвидации вооружений, внешней политики России.

Паульман Валерий Федорович (Эстония) — доктор экономических наук, профессор. Окончил Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. С 1957 по 1974 год работал в Центральном статистическом управлении при Совете Министров Эстонской ССР. С 1974 года — начальник Управления народнохозяйственного плана Государственного планового комитета Эстонской ССР, а с 1981 года — первый заместитель председателя Государственного планового комитета Эстонской ССР. С августа 1983 года — заведующий экономическим отделом ЦК Компартии Эстонии. С мая 1987 года — заместитель председателя Совета Министров Эстонской ССР — председатель Государственного планового комитета Эстонской ССР. С января 1989 года — советник по вопросам планирования посольства СССР, представитель Госплана СССР в Республике Куба.

В марте-ноябре 1991 года — министр труда и социальных вопросов СССР. Автор ряда книг, в том числе «Мир на перекрестке четырех дорог. Прогноз судьбы человечества».

Перенджиев Александр Николаевич — эксперт Ассоциации военных политологов, подполковник запаса. Доцент кафедры политологии и социологии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, кандидат политических наук. Автор ряда научных работ по проблемам формирования и проведения антитеррористической политики, противодействия террористической угрозе. Разработчик методических рекомендаций по работе с военнослужащими-мусульманами, а также учебных программ для студентов, обучающихся на бакалавров по направлению «Политология» (профиль «Экономическая политика»): «Политология войны», «Теория международной безопасности», «Политика противодействия терроризму», «Политика противодействия экстремизму» и др.

Рошупкин Владимир Тимофеевич — обозреватель медиапортала «Хранитель», кандидат политических наук, профессор Академии военных наук.

Окончил Волгоградский государственный педагогический институт, Дальневосточный государственный университет, Новосибирское высшее военно-политическое училище, аспирантуру МГУ им. М.В.Ломоносова. Специализируется по проблемам безопасности, международных отношений, военной истории.

Спирова Эльвира Маратовна — кандидат философских наук, заместитель заведующего Клиникой глубинной психологии. Автор ряда научных трудов по политической психологии и философской антропологии. Член Российского психоаналитического межрегионального общества.

Чернышев Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета Саратовского государственного социально-экономического университета.

В 1972 году после окончания исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского работал комиссаром областного штаба студенческих строительных отрядов, зав. отделом студенческой молодежи обкома ВЛКСМ, инструктором отдела науки и учебных заведений горкома КПСС. Лауреат Всесоюзного конкурса молодых ученых по общественным наукам 1977 года. С 1985 года — на преподавательской работе. В 1988–1990 годах — старший научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1991 года — на службе в органах внутренних дел: начальник кафедры Саратовского юридического института МВД России.

Автор монографий: «Осмысление исторического опыта в трудах В.И. Ленина. О методологических категориях политического анализа», «Проблемы методологии исторического анализа при разработке политических решений. 1924–1990 гг.», «Разработка и принятие государственных решений в России: уроки истории XVIII–XX вв.», «Исторический анализ политической ситуации в решениях правителей России XVIII — начала XXI вв.», а также ряда статей по истории государственного управления России. Лауреат конкурса на лучшую научную книгу 2004 г. среди преподавателей вузов России.

Область научных интересов: модернизация российского общества; история и теория подготовки, принятия и реализации государственных решений в России XVIII — начала XXI вв., правители и политическая элита общества в механизме подготовки государственных решений;

Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации.

OUR AUTHORS

Gennady N. BOCHAROV — member of the Moscow Union of Writers, authored many non-fiction books with total circulation of a million and a half; most of them were translated into main world languages.

For a number of years, was a practical journalist of note — special correspondent of the *Komsomolskaya Pravda* newspaper, columnist of the *Literaturnaya Gazeta* weekly, political analyst at the TASS news agency Director General, political columnist of the *Izvestia* and *Rosyiskaya Gazeta* newspapers. In his professional capacity visited more than 50 countries all over the globe, including all its «hot spots».

In the Soviet times, became holder of the highest awards in the trade: the USSR Union of Journalists Prize; the Mikhail Koltsov Prize; the Vladimir Gilyarovsky Prize, the Lenin Kom-somol Prize. His reports from the Baikonur space launch-site brought him, among the others, the Yury Gagarin and the Academician Sergey Korolev honorary badges, etc. Awarded with the USSR state decorations, including the Red Star Order for service in battle.

Recently, G. Bocharov «by the aggregate creative achievements» was honored by the Union of Journalists of the Russian Federation with the title of The Russia's Gold Pen».

Early in 1990s, *The Russian Roulette*. the book by Bocharov proved to become a true world-wide bestseller, put into print by the most prominent publishing houses in London, Paris, New York, Berlin, Stockholm, Luxembourg, and so forth. The chief subject of the most of his books is a person overcoming.

The Bocharov's best made up the *Pure Tops* text-book for the modern Russian language studies at the foreign universities.

For the last 20 years, holds position of a member at the Board of the International Foundation for the Aviation Safety. In this capacity, participates in all international seminars which are being held world over. The aviation is an ever-present subject in his writings.

Valery S. BONDARENKO (Belarus) — Cand.Sc. (Geography), associated professor, Deputy Head of the Chair at the Belarusian Trade and Economic University of Retail Cooperative Society.

Graduated from the M. V. Lomonosov Moscow State University. In the late 1980s, was doctoral candidate at the MSU and advisor to the Council for Innovations at the RSFSR Government. In the early 1990s was an employer at the RF President's Administration. In mid-1990s, hold post of the Head of Department of Economy at the Gomel City Executive Committee (Belarus).

Boris V. CHERNYSHEV — Dr.Sc. (History), Professor, the dean of faculty of law of the Saratov State Socio Economic University

In 1972 was graduated from the N. G. Chernyshevsky Saratov State University (Department of History). Later, was appointed the Commissar of the Oblast HQ of the Student Construction Teams, then headed the Department of Student Youth at the Young Communist League (*Komsomol*) Oblast Committee, then employed as the Instructor of the Science and Educational Establishments Department at the Communist Party (the CPSU) City Committee. The prize-winner of the 1977 All-Union Contest for Young Researchers in the Social Sciences. Since 1985, engaged in high school lecturing. In 1988–1990 — Senior Researcher at the CPSU Central Committee Academy of Social Sciences. In 1991, entered the law-enforcement service as the Chair Head at the RF Ministry of Internal Affairs Saratov State Law Institute.

Authored the monographs on *The Interpretation of the Historical Experience in V. I. Lenin's works. Methodological Categories of Political Analysis; The Problems of Methodology of Histori-*

cal Analysis In Political Decision-Making. 1924–1990; the State Decision-Making in Russia: History's lessons of the 18th to 20th Centuries; the Historical Analysis of Political Situation in Russia's Rulers Decisions of the 18th to early 21st Centuries; and a number of articles on history of Russia's state governance. The prize-winner of the 2004 Best Scientific Book contest among Russia's high school lecturers.

The sphere of research interests includes the Russian society's modernizing; the history and theory of Russia's state decisions being worked out, passed and implemented in the 18th to early 21st centuries; the society's rulers and political elite in the mechanism of the state decision-making.

Holds the title of the Honored Educationalist of the Russian Federation Higher School.

Sergey V. DEMIDENKO — Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Vladimir A. DERGACHEV (Ukraine) — Dr.Sc. (Geography), Professor, the Russian expert in Geopolitics. Based on Professor Dergachev's geopolitical theory of the Greater Multi-Dimensional Spaces, a series of interdisciplinary works and textbooks on the Geopolitics aimed at developing the analytical thinking have been created. Authored 40 books, including *The Geopolitics* (2000, 2004); *Geoeconomics* (2002); *Civilization Geopolitics: Geophilosophy* (2004); *Studying Regions* (2004, 2010, co-authored by L. B. Vardomsky); the *International Economic Relations* (2005); *The Globalistics* (2005), the *Geopolitical Dictionary-Directory* (2009), *Geopolitics. Geophilosophy. Geoeconomics*, in 27 volumes (the Electronic edition on CD, 2009), the *Geopolitical Encyclopaedia* (2010, <<http://dergachev.ru>>)

Vagif A. GUSEYNOV — Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis (ISOA), Editor-in-Chief of the *Vestnik Analytiki* bulletin. Holds membership in the Council on Foreign and Defense Policies (since 1998), the Russian-Chinese committee on Friendship, Peace and Development, Board of the Council on Mediterranean and Black Sea Studies (the Russian Academy of Sciences Institute of Europe), Board of the Russia-Germany Society. Ranked Major-General (rtd).

Authored books, including *Chronicle of Secret Struggle; Intoxicating Dope of Power; War of Compromats; The Caspian Oil: Economics and Geopolitics; The Politics at Your House Threshold* (2008). Co-edited and published the monographs on *The Iraq Crisis and Development of the New World Order* (Moscow, 2004); *The Mediterranean — Black Sea Coast — Caspian Region: Between the Larger Europe and the Greater Middle East* (2006). Co-authored, co-edited and published books on *Russia-Great Britain: Another Cooling* (2007); *The Greater Middle East. Stimuli and Preliminary Results of the Democratization* (2007); *The South Caucasus: Trends and Problems of Development (1992–2008)* (2008); *Russia in Changing World* (2008). Hold membership in the editorial boards of the analytical collections on *The Strategy for Russia: 10 Years of CFDP* (2002); *Russia's Competitiveness under Globalization* (2006); *The World Around Russia: 2017. The Outlines of the Not-So-Far-Away Future* (2007); *Russia and the World: New Epoch* (2008); *The Central Asia. The Region's Geopolitics and Economics* (2010), «Russia's Oil and Gas Complex: Trends of Development (2000–2010)» (2011).

Authored many articles on the international politics, Russia's relations with the European Union, energy security, the Near and Middle East problems, on the Southern Caucasus countries, Russia's domestic policy and economy.

Sergey I. ISRAPILOV — Cand.Sc. (History), lecturer at the Department of History of the Dagestan State University.

Grigory Yu. KANARSH — Cand. Sc. (Political Sciences), senior researcher of the sector of social philosophy, Institute of philosophy of the RAS. Specialist in the field of social and political philosophy, the history of political thought, naturally-scientific characterology. In his works and research projects developing field of knowledge, which received the name of «carac-

terologic creatology» (the study of the diverse creativity, life in general, from the point of view of the *natural characters of the people*) — first of all, with regard to the problems of social development. The author of scientific monograph «Social justice: the philosophical conceptions and the Russian situation» (Moscow, 2011).

Vladimir V. KARYAKIN — Cand.Sc. (Military), Senior Researcher of the Defense Policy Section at the Russian Institute of Strategic Studies.

Igor E. KLYUKANOV — Professor at the Eastern Washington University, Editor-in-Chief of the *Russian Journal of Communications*.

Vasily G. KOLTASHOV — Head of the Economic Research Center at the Institute for Global Research and Social Movements (IGSM).

Victor A. LOPATNIKOV — member of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of the Council of Federation Commission on Culture

Sergey A. MELKOV — Doctor of Political Sciences, Professor of Plekhanov Russian Economic University

Sergey K. OZNOBISHCHEV — Head of a sector at the Russian Academy of Sciences Institute of World Economy and International Relations; Professor at the RF Ministry for Foreign Affairs MGIMO University. Since July 1997 — Director of the independent Institute of Strategic Assessments. In 1973–1996 was employed by the Russian Academy of Sciences Institute of the US and Canadian Studies (ISCRAN), where, of late, hold the position of Director of the Center on the International Security Problems. Since September 1998 till November 2001 — Chief of Directorate for Organisation and Analysis at the Russian Academy of Sciences. In 1995–1998, was a member of the Analytical Group at the President's Council on National Security. In 1989–1998, participated in negotiations on conventional armed forces in Europe.

At present, is the, member of the Advisory Group at the Committee on the International Affairs of the Council of Federation of the Russian Parliament; member of the Working Group of the Civic Chamber Commission on International Cooperation and Public Diplomacy; Vice-President of the Russian Association of Political Sciences; member of the International Pugwash Committee; member of the Board of the Baltic Forum; member of the Council on Foreign and Defense Policy; full-fledged member of the Russian Academy of Cosmonautics; full-fledged member of the World Academy of Integrated Security Sciences.

Authored about 200 academic and publicist works (both in Russian and English) on international and national security, arms reduction and destruction, Russia's foreign policy.

Valery F. PAULMAN (*Estonia*) — Dr.Sc. (Economics), Professor. Graduated from the A. A. Zhdanov Leningrad State University. In 1957–1974, was employee in the Central Statistical Department at the Estonian SSR Council of Ministers. In 1974, was appointed the Director of the People's Economy Plan Directorate of the Estonian SSR State Planning Committee, in 1981, was promoted to the position of the First Deputy Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In August 1983, came to head the Economy Department of the Communist Party of Estonia Central Committee; in May 1987, the Deputy Chairman of the Estonian SSR Council of Ministers — Chairman of the Estonian SSR State Planning Committee. In January 1989, got appointment of the USSR Embassy Councilor on planning, the USSR State Planning Committee representative in the Republic of Cuba; in March–November 1991, was the USSR Minister of Labor and Social Matters. Authored some books, including the *World at the Four Ways Crossroad: The Prognosis of the Mankind's Destiny*.

Alexander N. PERENDZIEV — expert of the Association of military political scientists, Lieutenant-Colonel in the reserve. Assistant Professor of political science and sociology of the Russian economic University named by G.V. Plekhanov, Ph.d. (political science). Author of sci-

entific works on and an anti-terrorist policy to counter the terrorist threat. Developer guidelines for working with members of the Muslims, as well as educational programs for students in the Bachelors on direction of «political science» (profile of «economic policies»): «Politics of war», «Theory of international security», «The policy of countering terrorism», «Policies to counter extremism», etc.

Vladimir T. ROSCHUPKIN — Cand.Sc. (Politology), professor at the Academy of Military Sciences, columnist of the Khranitel (Custodian) media-portal. Graduated from the Volgograd State Pedagogical Institute, and the Far Eastern State University, and the Novosibirsk Higher Military-Political School, completed the postgraduate courses at the M. V. Lomonosov Moscow State University. Sphere of scientific researches includes the security problems, international relations, military history.

Elvira M. SPIROVA — Ph.D, deputy Chief of the Deep Psychology Clinic. Authored some scientific works on political psychology and philosophical anthropology. Holds membership in the Russian Psychoanalytical Inter-Regional Society.

Evgenie A. VERTLIB (*France*) — Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, as well as some of the foreign Academies; the Professor at the European Center of Security Studies (Germany), the non staff Adviser to the Chairman of Committee on the foreign affairs and international cooperation of the Parliament of the Kyrgyz Republic.

In 1975, was granted the status of political refugee (USA). For some years, was engaged in research and lecturing at various institutes and organizations in the USA and Italy. Scientific interests include foreign policy analytical politology, political decision making, conflict and society's stability management, strategies of national security.

Member of the NGO Advisory Council at the State Duma Foreign Affairs Committee. Member of the Editorial Boards of the Geopolitics (Ukraine), Don (RF), The Central Asia: Politics and Economy (Kazakhstan) magazines.

Published more than 200 articles, interviews, reviews, etc.

Member of the Russia's Union of Writers and the Union of Journalists.

Awarded the Order of Peter the Great, 1st class.

СТАТЬИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 2011 ГОДУ (ПО РАЗДЕЛАМ)

«Вестнику аналитики» – 10 лет!

Члены Редсовета о журнале и ситуации в стране №1

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. Ожидание перемен №2

Вагиф Гусейнов. Затянувшаяся неопределенность №3

Вагиф Гусейнов. А была ли интрига? №4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Василий Колташов. Политические риски жесткой экономии №1

Нелли Мотрошилова. Характер и масштабы нарушения цивилизационных норм в современной России (*заметки и впечатления*) №2

Павел Гуревич. Гуляют ветры преодолений №3

Сергей Исапилов. Некоторые особенности деструкции общества в России под влиянием мотивирующего давления экономики №3

Василий Колташов. Сползание во «вторую рецессию» №4

Борис Чернышёв. Основной факт и урок истории №4

Григорий Канарш. Справедливость: современные российские интерпретации №4

ТЕМА НОМЕРА

Владимир Дергачёв (Украина). Геополитическая перезагрузка Арабского Востока №2

Сергей Демиденко, Марина Штойк. Ближний Восток в огне №2

Расим Агаев (Азербайджан). Ближний Восток — лжереволюция №2

ГЕОПОЛИТИКА

Владимир Дергачёв (Украина). Геополитика мировой кибервойны №1

Евгений Вертлиб (Франция). Россия сквозь геополитику Франции №1

Тиберио Грациани (Италия). США, Турция и кризис западной системы №1

Валерий Буянов. Геополитические интересы России в Арктике №2

Тиберио Грациани (Италия). Средиземноморье и Центральная Азия: стержни Евразии №3

Владимир Дергачев (Украина). Оффшорная геополитика №4

Евгений Вертлиб (Франция). Россия и геостратегия Великобритании №4

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вагиф Гусейнов. Договор СНВ-2: открывающееся окно возможностей или очередной ящик Пандоры? №1

Николай Савкин. «Великая Арабская демократическая революция».

Раздует ли она мировой пожар? №1

Эльдар Касаев. Арабский вектор российской политики последних лет №1

Инна Шумилина. Имидж США и Барака Обамы на Ближнем Востоке: между словом и делом №1–2

Линтон Брукс (США). Размышления о некоем «прорыве» в ядерном разоружении и нераспространении ядерного оружия №2

Эберхард Шнайдер (Германия). Новая стратегическая концепция НАТО №2

Владимир Козин. ЕВРОПРО: проблемы создания и участия в ней России.

Проверка искренности США и НАТО №2

Михаил Братерский. Подъем Ирана? №2

Валерий Бондаренко (Беларусь). Россия — Беларусь. Уроки строительства Союзного государства №2

Россия и проблема мирового лидерства. *К выходу в свет книги С.В. Кортунова «Россия в мировой политике после кризиса»* №3

Раймонд Джинлоз (США). Совместная противоракетная оборона как способ преобразовать ядерное сдерживание №3

Марина Штойк, Сергей Демиденко. Выбор Египта (О предстоящих выборах в АРЕ) №3

Никита Мендкович. Успехи ISAF в борьбе с афганской вооруженной оппозицией №3

Сергей Ознобищев. О сложностях и противоречиях «модернизационного» курса внешней политики №4

Сергей Демиденко. Ливия после Каддафи №4

Сергей Исапилов. Этапы углубляющегося кризиса национального государства в исламских странах мира №4

Сергей Мельков, Александр Перенджиев. «Норвежский стрелок» и европейская безопасность: кто сильнее? №4

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

- Николай Захаров. Модернизация и новое качество государственного управления (политико-экономический аспект) №1
Вагиф Гусейнов. Концессионная политика как фактор модернизации страны №2
Валерий Паульман (Эстония). О спекуляции в современной экономической жизни №2
Василий Колташов. Доллар и жесткая экономия: выводы для России №2
Василий Колташов. Можно ли ожидать улучшения глобальной экономической конъюнктуры? №3
Валерий Паульман (Эстония). Мировая экономика во власти стихии №4
Валерий Бондаренко (Беларусь). Белорусская экономическая модель: рыночный социализм в малой открытой экономике №4

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

- О конкурентности российского высшего образования №1
Евгений Миннибаев. Заключительное слово ведущего заочный «круглый стол» №1
Геннадий Бочаров, Виктор Лопатников. Спросить у себя, а что мы можем сами? №4

ДЕБЮТ

- Павел Комаров. Проблема вымогательства, сопряжённого со специфическими инвестициями («hold-up»), в политике №1
Юлия Свешникова. Постисламская весна на Ближнем Востоке: культурно-ценностный подтекст №3

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

- Что такое стабильное общество? №1
Феномен социальных потрясений №2
Что означает крах мультикультурализма? №3
Что такое «идеальное государство», или в каком обществе вы хотели бы жить? №4

ПУБЛИКАЦИИ

Уроки истории

- Борис Чернышев. Мимо уроков опыта истории по модернизации российского общества №1
Елена Комлева. Феномен ядерной энергии: духовно-гуманитарно-прагматичный взгляд №1
Владимир Рошупкин. Вторжение. «Понятие СССР должно быть стерто с географической карты» №2
Геннадий Бочаров. Небо. Полеты. Безопасность №3
Павел Холоден. Информационная глобальность стучится в дверь №3
Елена Комлева. Чернобыльско-хиросимо-фукусимский феномен, или Думать надо №3

Философия и политика

- Валерий Подорога. Политика философии. Новые вызовы №2–3
Моншир Должин (Монголия). «Естественное право» и человек №3
Владимир Карякин. Классическая, неклассическая и постнеклассическая геополитика: критерии сходства и различия №4
Игорь Клюканов (США). Коммуникативная революция №4

Увидеть своими глазами

- Мария Кортунова. Как «дают стране угля». Новые реалии №1
Мария Кортунова. Старость в радость №2

Страничка истории минувшей войны

- Владимир Рошупкин. Запасной вариант фюрера №3

К 70-летию разгрома немецких войск под Москвой

- Владимир Рошупкин. Первая стратегическая победа. №4

NOTES ON A BOOK'S MARGINS

- Эльвира Спирова. «И бездны мрачной на краю...»
О книге Эдгара Морена «К пропасти?» №1
Эльвира Спирова. Властомания наших дней
О книге Стивена Льюкса «Власть: радикальный взгляд» №2
Эльвира Спирова. Иррациональность рационального.
О книге Ритцера Джорджа «Макдональдизация общества» №3
Эльвира Спирова. Паралич мысли.
О книге Шапиро Иэна «Бегство от реальности в гуманитарных науках» №4

Книги, которые могут вас заинтересовать

- №2

ITEMS PUBLISHED IN THE VESTNIK ANALITIKI BULLETIN IN 2011

The 10-th anniversary of release of first number of Vestnik Analitiki bulletin!

Members of editorial board about bulletin and a situation in Russia№1

EDITOR'S PAGE

Vagif Guseynov. Expectation of changes№2

Vagif Guseynov. Prolonged uncertainty№3

Vagif Guseynov. Had there been any intrigue at all?№4

PRESSING TOPICS

Vasily Koltashov. The rigid economy's political risks№1

Nelly Motrosheelova. The nature and scale of the civilization standard infringements in the contemporary Russia. (*Notes and Impressions*)№2

Pavel Gurevich. Winds of overcoming walk№3

Sergey Israpilov. Some features of society destruction in Russia influenced by the motivating pressure of economy№3

Vasily Koltashov. Sliding down into «the second recession»№4

Boris Chernyshev. The history's chief fact and lesson№4

Grigoriy Kanarsh. Justice: the Russian modern interpretations№4

THE ISSUE'S MAIN TOPIC

Vladimir Dergachev (Ukraine). Geopolitical reloading of the Arabic East№2

Sergey Demidenko, Marina Shtoi. The enflamed Near East№2

Rasim Agayev (Azerbaijan). The Near East: pseudo-revolution№2

GEOPOLITICS

Vladimir Dergachev (Ukraine). The geopolitics of the world cyberwar№1

Evgenie Vertlib (France). Russia, as seen through France's geopolitics№1

Tyberio Graciani (Italy). The USA, Turkey and crisis of the western system№1

Valery Buyanov. Russia's geopolitical interests in the Arctic№2

Tiberio Graziani (Italy). The Mediterranean and Central Asia: the hinges of Eurasia№3

Vladimir Dergachev (Ukraine). The offshore geopolitics№4

Evgenie Vertlib (France). Russia and the Great Britain's geostrategy№4

FOREIGN AFFAIRS

Vagif Guseynov. The START-3: an opening window of possibilities, or another Pandora's Box?№1

Nickolay Savkin. «The Great Arabian democratic revolution». Whether it will inflate the «world fire»?№1

Eldar Kasayev. The Russian politics' Arabian vector in the recent years№1

Inna Shumilina. The US and Obama's images in the Near East: between a word and a deed№1–2

Linton Brooks (USA). Reflections on a «breakthrough» on nuclear disarmament and non-proliferation№2

Eberhard Schneider (Germany). The NATO's new strategic concept№2

Vladimir Kozin. Euro-ABM: problems of its setting up and Russia's participation. The test for the US and NATO'S candour№2

Maxim Bratersky. Iran on the rise?№2

Valery Bondarenko (Belarus). Russia — Belarus: lessons of building up the union state№2

Russia and the problem of leading the world. *On the occasion of S. V. Kortunov's book (Russia in the World Politics after the Crisis. M. 2011, having been published)*№3

Raymond Jeanloz (USA). Cooperative ballistic missile defense as a way to transform nuclear deterrence№3

Marina Shtoi, Sergey Demidenko. Egypt's choice. (On the forthcoming general elections in the ARE)№3

Nikita Mendkovich. Progress the ISAF made in fighting the Afghani armed opposition№3

Sergey Oznobishchev. On complexities and contradictions of the «modernizing» course in foreign policy№4

Sergey Demidenko. Libya after Gaddafi№4

Sergey Israpilov. The stages of deepening crisis the nation-states in the Islamic countries of the world№4

Sergey Mel'kov, Alexander Perendzhiev. The «Norwegian shot» vs. the European security: which is a stronger side?№4

ECONOMICS & FINANCE

Nickolay Zakharov. Modernisation and the new quality of the governance (political and economic aspect)	№1
Vagif Guseynov. The concession policy as the factor of the country's modernization	№2
Valery Paulman (Estonia). On profiteering in the modern economic life	№2
Vasily Koltashov. Dollar and rigid saving: conclusions for Russia	№2
Vasily Koltashev. Whether it is possible to expect improvement of a global economic conjuncture?	№3
Valery Paulman (Estonia). The world economy exposed to the malice of the elements	№4
Valery Bondarenko (Belarus). The Belarus economic model: market socialism in small open economy	№4
CULTURE & EDUCATION	
About competition of higher education in Russia.	
<i>Correspondence «round table» (conc)</i>	№1
Euvgeny Minnibaev. The closing speech of the discussion's anchorman	№1
Gennady Bocharov, Victor Lopatnikov. If we could just ask ourselves, what we ourselves could do	№4
DEBUT	
Pavel Komarov. The hold-up problem in politics	№1
Yulia Sveshnikova. Post-Islamic spring in the Middle East: cultural and value implications	№3
«ROUND TABLE»	
What is the stable society?	№1
Phenomenon of social perturbations	№2
What is the meaning of multiculturalism's failure?	№3
What is «the ideal state», or what society would you like to live in?	№4
PUBLICATIONS	
History lessons	
Yelena Komleva. Nuclear energy phenomenon: spiritual-and -humanitarian-and-pragmatic view	№1
Vladimir Roschupkin. The invasion: «The notion of the USSR must be wiped off the geographical map»	№2
Gennady Bocharov. The skies. The weather. The safety	№3
Pavel Kholodyon. The information 'globality' is knocking at the door	№3
Yelena Komleva. The phenomenon of Chernobyl-Hiroshima-Fukushima, or one ought to be thinking	№3
Philosophy and Politics	
Valery Podoroga. Politics and the political after the GULAG. The politic of philosophy. New challenges	№2–3
Doljeen Monshirr (Mongolia). The «natural law» and the man	№3
Vladimir Karyakin. The classic, non-classic and post-non classic geopolitics: criteria of similarity and distinction	№4
Igor Klyukanov (USA). The communicative revolution	№4
Eye witness	
Maria Kortunova. The way the country has its coal brought to grass. New realities ..	№1
Maria Kortunova. Old age as a blessing	№2
Page of history of the past war	
Vladimir Roschupkin. The fuhrer's fallback position	№3
To the 70th Anniversary of Crushing the German Troops Near Moscow	
Vladimir Roschupkin. The first strategic victory	№4
NOTES ON A BOOK'S MARGINS	
Elvira Spirova. «And on a gloomy abyss' very brink...»	
<i>On Edgar Morin. Vers Labime? /in Russian/ St.-Petersburg, 2011</i>	№1
Elvira Spirova. Powermania of our days.	
<i>On Steven Lukes. Power: A Radical View (Translated into Russian). M, 2010</i>	№2
Elvira Spirova. Irrationality of the rational.	
<i>On Ritzer, George. The McDonaldization of Society (Russian transl.). M. 2011</i>	№3
Elvira Spirova. The paralysis of thought	
<i>On Shapiro, Ian. The Flight From Reality in the Human Sciences (Translated into Russian). M., 2011</i>	№4
New books that might be of interest	№2

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 4(46)

Перевод с английского — Владимира Мисюченко.

Корректурa А.Панюгиной
Верстка Л.Листвина

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:

109004 Москва, ул. А.Солженицына, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (495) 911-97-78, (495) 912-39-88
Факс: (495) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: info@isoa.ru

Тираж 1200 экз. Цена свободная

Подписано в печать 22.11.2011 г. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5. Заказ № 382.

Отпечатано в ОАО «Издательский дом «Красная звезда».

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ ИЗДАНИЯ

в Объединенном каталоге

«Пресса России» – 44351, 44339.

Электронный адрес подписки в Интернете:

www.presscafe.ru

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры.

тел. +7 495 681-91-37, 681-97-63;

факс +7 495 681-37-98.

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:

Tel.: +7 495 681-91-37, 681-97-63;

fax: +7 495 681-37-98

E-mail: info@periodicals.ru

<http://www.periodicals.ru>

Подписать и приобрести отдельные номера журнала
«Вестник аналитики» можно в редакции.
Телефон: 912 39 88, 911 97 78, электронная почта: issa@umail.ru

Стоимость одного номера журнала в редакции (без доставки) – 100 рублей,
для пенсионеров и студентов – скидка 50 %.

Квитанция для оплаты в Сбербанке

Извещение	Форма № ПД-4
	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
Кассир	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ Руб. _____ коп.
	Плательщик _____

	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)
Квитанция	ЗАО «Институт стратегических оценок и анализа» (наименование получателя платежа)
	ИНН 7718163808 (ИНН получателя платежа)
	№ р/с 40702810900000080011 (номер счета получателя платежа)
	в АКБ «Росевробанк» г. Москва (наименование банка и банковские реквизиты)
	к/с № 30101810800000000777 в отделении
	2 Московского ГТУ Банка России, БИК 044585777
	Подписка на журнал "Вестник аналитики" (период подписки, номер журнала)
	Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.
	Плательщик _____

Кассир	(Ф.И.О. почтовый адрес, телефон)